

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2713-1513

#23 (258), 2025

часть II

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 23 (258)

Часть II

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Zufарович, кандидат технических наук (Высokотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермакбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хаитова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ДИЗАЙН

Татаринцева Р.А.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АНСАМБЛЯ ПЕСНИ И ТАНЦА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	6
--	---

СОЦИОЛОГИЯ

Бычкова М.А., Попова А.Д., Попова К.В.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	10
---	----

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Анисимова Ю.Н.

ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЕ ЖИВЫХ ЛИЦ И ТРУПОВ	15
--	----

Гордеева А.А.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА И ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	18
---	----

Гримайло Д.В.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	21
---	----

Жилин К.С.

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РАМКАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ	26
---	----

Киржанова Э.Э.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 228, 228.1 УК РФ	30
--	----

Кузьмина В.Е.

РЕГИСТРАЦИЯ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ И ЕЁ ПРАВООУСТАНАВЛИВАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	35
---	----

Нгуен Чонг Тьен, Лыонг Чунг Киен

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗВРАТА АКТИВОВ В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ О КОРРУПЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ВО ВЬЕТНАМЕ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ	38
--	----

Осаволук М.В.

УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ НЕСОБЛЮДЕНИЯ	44
---	----

Полуэктова Е.И.

НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ РЕМОНТ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И ВЫПУСК ИХ
В ЭКСПЛУАТАЦИЮ С ТЕХНИЧЕСКИМИ НЕИСПРАВНОСТЯМИ: УГОЛОВНО-
ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....48

Рассказова С.А.

НЕЙРОСЕТИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СГЕНЕРИРОВАННОГО КОНТЕНТА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ.....51

Ренкас С.В.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....55

Рубцова И.Н.

СУБЪЕКТИВНЫЙ СОСТАВ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО КОНТРАКТУ НА ОКАЗАНИЕ
ОХРАННЫХ УСЛУГ В РАМКАХ 44-ФЗ60

Савлук А.С.

ВИДЫ И СОДЕРЖАНИЕ ЛЬГОТ В ТАМОЖЕННОМ ПРАВЕ65

Силяев О.Е.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА70

Чернов А.А.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....73

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА, PR

Nasirov R.R.

THE STRATEGIC ROLE OF PORTFOLIO ARCHITECTURE IN FMCG BRAND GROWTH:
BALANCING CORE, HERO, AND INNOVATION SKUS76

Бобылева И.А.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ: КАК «ЗЕЛЕННЫЕ» СТРАТЕГИИ
ПОВЫШАЮТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ85

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ДИЗАЙН

ТАТАРИНЦЕВА Регина Андреевна

студентка, Казанский государственный институт культуры и искусства, Россия, г. Казань

Научный руководитель – старший преподаватель Казанского государственного института культуры и искусства, кандидат педагогических наук Минуллина Эльза Ильдусовна

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АНСАМБЛЯ ПЕСНИ И ТАНЦА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация. В статье рассматривается история, создание, развитие и влияние государственного ансамбля песни и танца Республики Татарстан на жизнь татарского народа в качестве регионального компонента в содержании обучения иностранному языку (английский) будущих специалистов в области народной хореографии для совершенствования навыков межкультурного и иноязычного профессионального общения и повышения мотивации у будущих специалистов в области хореографии к изучению иностранного языка.

Ключевые слова: региональный компонент, иноязычная подготовка будущих специалистов в области народной хореографии, межкультурное общение, иноязычное профессиональное общение, культурная идентичность, мотивация к изучению иностранного языка.

Татарский народ, оставивший глубокий след в многовековой истории, объединяет в себе идею пространства и времени мира, дает ощущения, что история и культура татарского народа является неотъемлемой частью мировой истории и культуры. Татарский танец является так же выражением истории, и самобытности народа [1, с. 15].

Татары, народ, бережно оберегающий свои истоки, традиции и культуру. Они и по сей день хранят и используют танцевальную, песенную и бытовую культуру. Мужчины и женщины носят одежду с элементами традиционного татарского костюма; развивают свой язык, поют на нем песни, пишут стихи, играют пьесы; грамотно обрабатывают танцевальный фольклор, постоянного его популяризируя. В Республике Татарстан для сохранения татарской культуры созданы множество театров, музыкальных коллективов, государственных ансамблей танца [1, с. 45].

Государственный ансамбль песни и танца Республики Татарстан – это культурная гордость республики, пример соединения

традиционного искусства и современного художественного языка. Его история неразрывно связана с развитием татарской культуры и мировым художественным движением. ГАПИТ РТ является одним из ведущих профессиональных творческих коллективов республики. Его история насчитывает более 80 лет, за которые ансамбль завоевал широкую известность и признание как в России, так и за рубежом [2, с. 30].

Коллектив представляет этнокультурное многообразие Республики и пропагандирует национальные традиции татарского народа, является ярким и достойным представителем многогранной культуры России. Художественная деятельность Государственного ансамбля песни и танца РТ несет в себе многовековые традиции творчества народа, его богатейшую внутреннюю культуру и необъятную духовную сокровищницу. За годы своего существования Государственный ансамбль приобрел свое творческое лицо, создал национальную исполнительскую школу, внес огромный вклад в развитие и сохранение не только национальной культуры, но и национального языка. На

основе татарских народных танцев, сказаний и легенд, обрядов и обычаев созданы яркие высокохудожественные вокально-хореографические композиции, которые в полной мере представляют традиции и эстетический идеал народа.

Истоки ансамбля восходят к довоенным годам, когда среди татарского народа зарождалось движение по сохранению и распространению народного творчества. В 1920-х годах в Татарстане началась активная работа по сбору и записи народных песен, танцев и обычаев [2, с. 50]. В это время в республике происходила рост национального самосознания, утверждение татарской культуры в рамках советской системы. В 1937 году при Татарской государственной филармонии была создана группа художественной самодеятельности, исполнявшая народные песни и танцы. Тогда группой руководила Ахметова Зулейха. В эти годы небольшой коллектив, состоящий из 16 артистов хора и 6 артистов балета, уже брал на себя задачи сохранения и развития татарского песенного и танцевального фольклора. Гастролируя, в 1939 году по республикам Закавказья, а затем уже и по стране, коллектив начинал завоевывать популярность, что в дальнейшем привело к расширению творческого коллектива.

В 1940 году эта группа получила статус Государственного ансамбля песни и танца Республики Татарстан. Это стало возможным благодаря инициативе правительства Татарской АССР и активным действиям культуры и искусства республики. С этого момента коллектив стал профессиональным, а его деятельность приобрела государственную поддержку [4, с. 55]. Первым художественным руководителем стал Бормусов А., который заложил основы репертуара и определил направление ансамбля. Довоенный репертуар составляли обработки татарских народных песен и песни татарских композиторов, русские народные песни и песни советских композиторов на татарском языке; танцы разных народов [4, с. 83].

Ансамбль не прекращал своей деятельности и во время Великой Отечественной войны. Коллектив активно гастролировал, выступал на фронте, прифронтовых зонах, поднимал боевой дух солдат, а также выступал перед труженниками тыла. Артисты исполняли специально подобранный репертуар, в который входили патриотический песни на русском и татарском языках, а так народные татарские пляски. После окончания войны ансамбль на время

прекратил гастрольную деятельность, сфокусировавшись на обновлении репертуара, а также на повышение исполнительской техники как хорового отделения, так и хореографического.

С первых дней своего существования ансамбль стал свидетелем расцвета татарского музыкального и танцевального искусства. 1960–1970 годы стали периодом расцвета творчества ансамбля. Под руководством главного балетмейстера Файзи Гаскарова было создано множество ярких и запоминающихся постановок «У ручья», «На мосту», «Зятек». Он начал активно адаптировать народные мелодии и танцы, сочетая их с элементами классической музыки и современного хореографического языка. Репертуар ансамбля становился все более разнообразным. С приходом Файзи Гаскарова в танцевальной труппе ансамбля выросло целое поколение танцоров-профессионалов [6, с. 17].

К важным знаковым моментам можно отнести включение в программу произведений известных татарских композиторов, таких как Фатих Каримов и Закира Исмагилова. Эти музыканты способствовали формированию уникального звучания ансамбля, заставляя его выделяться на фоне других творческих объединений. Вплоть до 1990 года ансамбль активно сотрудничал с композиторами Татарстана. Появились новые обработки татарских народных напевов и авторские песни, постановки танцев, были созданы вокально-хореографические композиции и концертные тематические программы: «На посиделках», «Сабантуй», (композитор А. Ключарёв, балетмейстер Ф. Гаскаров), «Цветы мои», «Гости Казани» (композитор З. Хабибуллин, балетмейстер Г. Тагиров), «Сармановский хоровод» (композитор А. Абдуллин, балетмейстер Г. Тагиров). Праздничность концертного зрелища всегда дополняет богатство красок национальных костюмов. Специфичность узоров искусно расшитых сапожек, радужные переплетения самобытных орнаментов, особенности декоративного оформления мужских и женских одежд, оригинальность головных уборов, украшающих национальный наряд артистов, является неповторимым образцом татарского прикладного искусства и предметом гордости народных мастеров [6, с. 37].

С середины 1950-х годов ансамбль начал активно гастролировать не только по всей территории Советского Союза, но и за его

пределами. Выступления проходили в странах Европы, Азии и Америки. Каждый тур становился настоящим культурным событием, вызывая интерес как у публики, так и у критиков. Особое внимание следует обратить на гастроли ансамбля в 1960-х, когда он представлял татарскую культуру на Всемирной выставке в Брюсселе. Это стало важной вехой в истории ансамбля, так как он выступил в качестве посла татарской культуры на международной арене [3, с. 49].

Ансамбль стал не только хранителем традиционной татарской культуры, но и важным воспитателем для молодежи. С каждым годом увеличивалось число участников, и ансамбль стал настоящей кузницей талантов для молодых артистов, многие из которых впоследствии основали свои творческие проекты или заняли ведущие позиции в других культурных институтах [5, с. 28].

Сохраняя проводимую линию, ансамбль активно сотрудничает с учебными заведениями, организует мастер-классы и творческие встречи. Это не только позволяет передавать опыт, но и развивать интерес молодежи к своей культуре.

С начала 2000-х годов ансамбль вступил в новую фазу своего развития. За это время произошли изменения в формате выступлений, увеличилась доля современной хореографии и музыкальных стилей. Артисты активно экспериментируют с жанрами, в их репертуаре появляются не только традиционные татарские произведения, но и успешные коллаборации с художниками из других культур. Важным аспектом стало и использование новых технологий на сцене, что позволило достичь более яркого визуального представления и усилить эмоциональную составляющую performances. Ансамбль продолжает привлекать молодежь и современных художников, стремясь к синтезу традиций и новаторства [7, с. 41].

Государственный ансамбль песни и танца играет важную роль в социализации молодежи и укреплении культурной идентичности татарского народа. Участие в ансамбле не только способствует развитию артистических способностей, но и формирует ценности, на которых основана татарская культура. В этом контексте ансамбль становится настоящим символом единства и продолжения традиций, что особенно важно в современном многонациональном обществе.

Будущее ансамбля также связано с использованием современных технологий в творческом процессе. Внедрение виртуальной реальности и интерактивных платформ позволяет создать новые форматы взаимодействия с аудиторией, делая выступления более впечатляющими и доступными. Это открывает возможности для привлечения молодежи, легко адаптирующейся к цифровым форматам, что позволяет ансамблю оставаться актуальным в современных реалиях.

Образовательная деятельность ансамбля имеет огромное значение для сохранения культурного наследия. Мастер-классы и курсы, проводимые артистами, позволяют молодым исполнителям перенять опыт, передавая традиции от поколения к поколению. Таким образом, ансамбль становится не только центром развлечения, но и важным образовательным учреждением, формирующим культурный ландшафт республики [7, с. 28].

Не менее важным аспектом является участие ансамбля в социальных проектах и благотворительных акциях. Поддержка общественных инициатив способствует развитию гражданской ответственности и вовлечению молодежи в социальные перемены, что подчеркивает роль ансамбля как активного участника жизненного процесса региона. Вся эта деятельность создает позитивный имидж ансамбля и укрепляет его связи с обществом.

Государственный ансамбль песни и танца Республики Татарстан стал не просто творческим объединением. Его история является символом возрождения и развития татарской культуры, ее традиций и обычаев. Он не только сохраняет богатое наследие прошлого, но и активно формирует будущее татарского искусства, адаптируя его к современным реалиям.

С каждым годом ансамбль продолжает радовать зрителей своими яркими шоу, сохраняет живую связь между поколениями и внушает гордость за богатство татарской культуры. Он остается верным традициям, в то же время открываясь новым идеям и возможностям, что делает его одним из важнейших культурных институтов Татарстана. За годы своего существования Государственный ансамбль приобрел свое творческое лицо, создал национальную исполнительскую школу, внес огромный вклад в развитие и сохранение не только национальной культуры, но и национального языка. На основе татарских народных танцев, сказаний и легенд, обрядов и обычаев созданы

яркие высокохудожественные вокально-хореографические композиции, которые в полной мере представляют традиции и эстетический идеал народа.

Государственный ансамбль Республики Татарстан – единственный коллектив, который в полной мере готов выполнить высокую миссию представления широкой общественности культурного облика многонациональной республики и популяризации имиджа Татарстана как республики богатых культурных традиций, республики. Бережно храня национальный культурный код, коллектив и сегодня транслирует бесценное знание о своем народе на универсальном языке музыки и танца. В концертных программах ансамбля есть песни и сказания, танцы и легенды, лирические поэмы и шуточные зарисовки, спектакли и народные мюзиклы.

Литература

1. Гарифуллина Р.Г. (2010). История и традиции татарского народного танца. Казань: Татарское книжное издательство.
2. Галиуллин А.И. (2011). Государственный ансамбль песни и танца Республики Татарстан: 40 лет на сцене. Казань: Издательство «Айритм».
3. Григорьев С.А. (2006). Ансамбли народного танца: опыт и перспективы. Москва: Наука.
4. Зайцева Л.А. (2009). Творческая биография Государственного ансамбля песни и танца Республики Татарстан. Казань: Татарское книжное издательство.
5. Нигматуллина Ф.Г. (2012). Татарская песня и танец в современном обществе. Казань: Академия наук Республики Татарстан.
6. Саяхова З.Р. (2005). Музыкальное искусство Татарстана: история, традиции, достижения. Казань: Институт культуры.
7. Султанова Л.М. (2015). Искусство танца в Татарстане: традиции и новшества. Казань: Издательство «Идель-Пресс».
8. Фатхуллина М.Ф. (2013). Эволюция татарского танца: от народных традиций до профессиональной сцены. Казань: Казанский университет.

TATARINTSEVA Regina Andreevna

Student, Kazan State Institute of Culture and Art, Russia, Kazan

*Scientific Advisor – Senior Lecturer at the Kazan State Institute of Culture and Art,
Candidate of Pedagogical Sciences Minullina Elsa Ildusovna*

THE HISTORY OF THE CREATION OF THE STATE SONG AND DANCE ENSEMBLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract. *This article examines the history, creation, development and influence of the state song and dance ensemble of the Republic of Tatarstan on the life of the Tatar people as a regional component in the content of teaching a foreign language (English) to future specialists in the field of folk choreography to improve the skills of intercultural and foreign-language professional communication and increase the motivation of future specialists in the field of choreography to study a foreign language. language.*

Keywords: *regional component, foreign language training of future specialists in the field of folk choreography, intercultural communication, foreign language professional communication, cultural identity, motivation to learn a foreign language.*

СОЦИОЛОГИЯ

БЫЧКОВА Мария Алексеевна

студентка,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, г. Иркутск

ПОПОВА Анастасия Дмитриевна

студентка,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, г. Иркутск

ПОПОВА Ксения Витальевна

студентка,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, г. Иркутск

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема социального сиротства, под которым понимается явление, когда дети остаются без попечения родителей при их живых родственниках. Исследуются основные причины социального сиротства, включая алкоголизм, наркоманию, бедность и семейное неблагополучие. В теоретической части анализируются подходы к определению понятия, а в практической – представлены результаты социологического опроса, отражающего общественное мнение о проблеме. На основе проведенного исследования предложены меры по профилактике социального сиротства.

Ключевые слова: социальное сиротство, государственная поддержка, профилактика, девиантное поведение родителей, система опеки, социологический опрос, дети-сироты.

Глава 1. Теоретические аспекты социального сиротства

1.1. Определение социального сиротства

В условиях экономической и социальной нестабильности в стране наблюдается постоянный рост числа неблагополучных семей, что способствует увеличению числа социальных сирот. Социальное сиротство представляет собой феномен, связанный с наличием в обществе детей, которые остались без родительского попечения в результате лишения их родительских прав, признания родителей недееспособными или их безвестного отсутствия.

1.2. Типы социального сиротства

Хотя в законодательстве отсутствуют четкие нормативные формулировки, правовая доктрина, международные стандарты и научные исследования позволяют классифицировать

сиротство на 2 типа. Сиротство делится на биологическое и социальное, эти явления имеют существенно разные причины и характеристики, что требует их независимого анализа.

Биологическое (абсолютное) сиротство – это явление, которое описывает жизнь ребенка, лишившегося родителей в результате их смерти. Такие несовершеннолетние рассматриваются законодателями как настоящие дети-сироты. Однако в общей массе детей, оставшихся без родительской заботы, биологические сироты составляют всего 10–12%. Эта форма сиротства имеет долгую историю в России и в основном вызвана естественными причинами. Пик биологического сиротства в нашей стране наблюдался в результате различных вооруженных конфликтов, включая революции, гражданские и мировые войны.

Социальное (относительное) сиротство – это явление, при котором несовершеннолетние остаются без родительской опеки, несмотря на то что их биологические родители живы. Это может происходить в следующих ситуациях:

- Родители были лишены родительских прав через судебное решение.
- Родители отказались от своего ребенка после его рождения (так называемые отказники).
- Родители признаны недееспособными или находятся в безвестном отсутствии.
- Родители длительное время не участвуют в воспитании детей без уважительных причин и т. д.

Особую группу социальных сирот составляют «скрытые» или «домашние» сироты. Этот термин применяется в научной литературе для обозначения несовершеннолетних, формально не лишенных родительской заботы, но фактически лишенных её из-за безразличия родителей, проживающих с ними совместно. Такая ситуация может приводить к беспризорности, семейным конфликтам и асоциальному поведению.

Социальное сиротство в России затрагивает гораздо большее количество детей, чем биологическое, и охватывает около 85% всех несовершеннолетних, не получающих семейного ухода. Основные причины этой проблемы включают падение моральных норм в обществе, распространение алкоголизма и наркомании, а также отсутствие адекватной поддержки от государства и профилактических мер против формирования проблемных семей. Таким образом, социальное сиротство становится одной из основных задач, над которой государство намерено работать в первую очередь.

1.3. Причины социального сиротства

В отличие от традиционного сиротства, когда ребенок теряет родителей в результате их смерти, социальные сироты становятся жертвами обстоятельств, разрушающих семью изнутри. Это сложная социальная проблема, требующая глубокого исследования и системной поддержки. Рассмотрим ключевые причины данного явления:

1. Алкоголизм и наркомания – одна из наиболее распространенных причин социального сиротства. В семьях, где родители страдают от зависимостей, дети оставлены без присмотра, становятся жертвами насилия и живут в антисанитарных условиях. Родители не в состоянии удовлетворить даже базовые нужды

ребенка, такие как питание, одежда и медицинская помощь. В результате государство вынуждено забирать детей из таких семей, поскольку их жизнь и здоровье находятся под угрозой.

2. Бедность и экономическая нестабильность играют также значительную роль. Финансовые трудности родителей могут приводить к добровольному отказу от детей, к миграции на работу, из-за чего дети остаются без должного присмотра, а также к невозможности обеспечить им образование и медицинскую помощь. В таких условиях дети часто оказываются в приютах.

3. Насилие в семье (физическое, психологическое или сексуальное) является ключевым фактором, заставляющим детей покидать свои дома или становиться жертвами вмешательства служб по опеке. Последствия домашнего насилия могут включать тяжелые психологические травмы, агрессивное или подавленное поведение, а также повышенный риск повторения подобных сценариев в будущем.

4. Асоциальное поведение родителей – еще одна значительная причина формирования социального сиротства. Преступная активность, заключение в тюрьму, бродяжничество, отсутствие постоянного жилья, работы и социальных связей делают невозможным адекватное воспитание ребенка. В результате дети часто оказываются оставленными на произвол судьбы или попадают под опеку государства.

5. Психологические и социальные проблемы родителей также способствуют возникновению социального сиротства. Психические расстройства, депрессивные состояния, неготовность к роли родителя – особенно это касается молодых матерей – а также нехватка поддержки со стороны родных и государственных учреждений приводят к тому, что дети остаются без необходимой заботы и, как следствие, оказываются в детских домах.

6. Недостатки в системе профилактики усугубляют ситуацию. Позднее выявление проблем в неблагополучных семьях, недостаточная поддержка в кризисных ситуациях и низкая эффективность работы социальных служб приводят к тому, что многие дети становятся социальными сиротами, хотя при своевременной интервенции эту проблему можно было бы решить.

1.4. Последствия социального сиротства

Являясь серьезной угрозой для полноценного развития личности ребенка, феномен социального сиротства создает множество

негативных последствий, проявляющихся на различных уровнях:

1. Психологические последствия. Социальное сиротство отрицательно сказывается на психическом состоянии детей. У многих из них нарушается процесс формирования привязанности, из-за чего выстраивание доверительных отношений во взрослой жизни становится затруднительным. Обычно наблюдаются такие состояния, как тревожность, депрессия, суицидальные мысли, вызванные чувством брошенности. В качестве защитных механизмов могут проявляться агрессия или, наоборот, полная апатия.

2. Социальная дезадаптация. Дети, оставшиеся без родительской опеки, часто сталкиваются с проблемами в общении как со сверстниками, так и с взрослыми. Низкий уровень социализации увеличивает риск маргинализации, а в дальнейшем – вовлечения в преступную деятельность, проституцию или наркоманию. Отсутствие положительных примеров и поддержки затрудняет их интеграцию в общество.

3. Проблемы в образовании и личностном развитии. Из-за нехватки внимания и стимуляции в раннем возрасте такие дети часто страдают от задержки речевого и когнитивного развития. В образовательном процессе они, как правило, отстают от своих сверстников, теряют интерес к обучению, что в дальнейшем ограничивает их профессиональные перспективы и шансы на успешную карьеру.

4. Физическое здоровье. Социальные сироты часто сталкиваются с хроническими заболеваниями, возникающими из-за отсутствия должного ухода в детстве. Ослабленный иммунитет, последствия недоедания и недостаток своевременной медицинской помощи негативно влияют на их здоровье в долгосрочной перспективе. Кроме того, у них повышен риск развития алкогольной и наркотической зависимости во взрослом возрасте.

1.5. Итоги главы 1

В первой главе рассмотрены теоретические аспекты социального сиротства. Оно определяется как ситуация, при которой дети остаются без родительской опеки при живых родителях из-за лишения их прав, отказа от ребенка или их неспособности воспитывать детей. В отличие от биологического сиротства, социальное составляет около 85% случаев.

Основные причины включают алкоголизм, бедность, насилие в семье, асоциальное поведение родителей и недостатки системы

профилактики. Последствия для детей тяжелые: психологические травмы, социальная дезадаптация, отставание в развитии и проблемы со здоровьем.

Таким образом, социальное сиротство – сложная проблема, требующая комплексных мер, включая поддержку семей, профилактику и улучшение системы опеки. В дальнейшем важно изучить пути ее решения на государственном и общественном уровнях.

Глава 2. Социологический опрос на предмет выявления осведомленности населения о социальном сиротстве

2.1. Описание социологического исследования

В период с 4 по 9 апреля 2025 года был проведен онлайн-опрос среди жителей города Иркутска. Общая выборка составила 116 респондентов. Целью исследования являлось выявление уровня информированности населения в отношении социального сиротства, определение основных факторов и возможных мер по решению данной проблемы.

Задачи исследования включали:

1. Определение социально-демографических характеристик целевой группы (пол).
2. Проанализировать восприятие масштабов проблемы.
3. На основе данных предложить меры для государственных органов, НКО и СМИ по снижению социального сиротства и повышению грамотности населения.

2.2. Анализ и интерпретация результатов социологического опроса

Осведомленность о термине «социальное сиротство» знаком чуть более половины опрошенных (53%), тогда как 47% никогда о нем не слышали. Это указывает на необходимость просветительской работы, особенно учитывая социальную значимость проблемы.

Большинство респондентов связывают проблему с действиями родителей (алкоголизм, насилие, аморальное поведение – суммарно более 80%), а не с внешними обстоятельствами (бедность – 46%, системные причины – 8%). Это отражает тенденцию к обвинению отдельных семей, а не социальных факторов.

62% опрошенных считают, что социальное сиротство в стране распространено широко, что свидетельствует об осознании его актуальности в обществе.

82% респондентов полагают, что проблема освещается недостаточно, что говорит о дефиците информационного внимания к ней.

Каждый пятый участник опроса (20%) лично сталкивался с ситуацией социального сиротства, что подтверждает: проблема не абстрактна, а затрагивает ближнее окружение многих людей.

Лишь 32% респондентов знают о существующих государственных и НКО-инициативах, что указывает на слабое информирование населения о доступной поддержке.

Предлагаемые меры решения проблемы:

- 60% видят основное решение в профилактике алкоголизма и наркомании, что подчеркивает необходимость усиления реабилитационных программ.
- 52% поддерживают помощь кризисным семьям (социальные услуги, психологическая поддержка), что говорит о важности раннего вмешательства.
- 51% выступают за ужесточение контроля органов опеки, демонстрируя запрос на решительные меры в случаях угрозы жизни и здоровью детей.
- 36% поддерживают индивидуальный подход к каждой семье, признавая сложность проблемы.
- 10% категорически против изъятия детей, делая акцент на поддержке и реабилитации семей вместо карательных мер.

2.3. Выводы по результатам социологического исследования

Уровень осведомленности молодежи о проблеме социального сиротства остается поверхностным. Хотя часть респондентов знакомы с термином, большинство демонстрирует упрощенное понимание проблемы, не учитывающее ее системный характер.

В восприятии причин социального сиротства явно доминирует акцент на девиантное поведение родителей (алкоголизм, наркомания), тогда как социально-экономические факторы (бедность, безработица) упоминаются значительно реже. Это свидетельствует о недостаточной сформированности системного мышления у молодежи.

Особую тревогу вызывает крайне низкий уровень информированности о существующих

мерах поддержки. Подавляющее большинство опрошенных не знает о государственных программах и инициативах НКО, что указывает на серьезные недостатки в информационной работе.

Заключение

Уровень осведомленности молодежи о проблеме социального сиротства остается поверхностным. Хотя часть респондентов знакомы с термином, большинство демонстрирует упрощенное понимание проблемы, не учитывающее ее системный характер.

В восприятии причин социального сиротства явно доминирует акцент на девиантное поведение родителей (алкоголизм, наркомания), тогда как социально-экономические факторы (бедность, безработица) упоминаются значительно реже. Это свидетельствует о недостаточной сформированности системного мышления у молодежи.

Особую тревогу вызывает крайне низкий уровень информированности о существующих мерах поддержки. Подавляющее большинство опрошенных не знает о государственных программах и инициативах НКО, что указывает на серьезные недостатки в информационной работе.

Полученные данные убедительно свидетельствуют о необходимости разработки специальной просветительской программы для молодежи. Такой комплекс мер должен включать:

1. Образовательные инициативы в учебных заведениях, направленные на формирование системного понимания проблемы социального сиротства, его причин и последствий.
2. Информационную кампанию в социальных сетях и молодежных медиа, которая в доступной форме будет рассказывать о существующих мерах поддержки и возможностях участия.
3. Разработку специальных проектов по вовлечению молодежи в волонтерскую и наставническую деятельность, что позволит сформировать более ответственное отношение к проблеме.

BYCHKOVA Maria Alekseevna

Student,
Irkutsk National Research Technical University,
Russia, Irkutsk

POPOVA Anastasia Dmitrievna

Student,
Irkutsk National Research Technical University,
Russia, Irkutsk

POPOVA Ksenia Vitalievna

Student,
Irkutsk National Research Technical University,
Russia, Irkutsk

THE PROBLEM OF SOCIAL ORPHANHOOD IN MODERN SOCIETY

Abstract. *The article examines the problem of social orphanhood, which refers to the phenomenon where children are left without parental care despite having living relatives. The main causes of social orphanhood are explored, including alcoholism, drug addiction, poverty, and family dysfunction. The theoretical part analyzes different approaches to defining the concept, while the practical section presents the results of a sociological survey reflecting public opinion on the issue. Based on the research, measures for the prevention of social orphanhood are proposed.*

Keywords: *social orphanhood, state support, prevention, deviant parental behavior, guardianship system, sociological survey, orphaned children.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АНИСИМОВА Юлия Николаевна

студентка,

Северо-Кавказский федеральный университет,

Россия, г. Ставрополь

ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЕ ЖИВЫХ ЛИЦ И ТРУПОВ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты дактилоскопирования живых лиц и трупов. Проанализированы различия в процедурах снятия отпечатков в зависимости от состояния объекта, а также выделены трудности, возникающие при постмортальных изменениях кожи. Особое внимание уделено современным методикам восстановления рисунков папиллярных линий. Подчёркнута необходимость участия судебно-медицинских экспертов при идентификации трупов с разрушенными тканями. Раскрыты перспективы автоматизации и внедрения искусственного интеллекта в дактилоскопическую практику, а также интеграции дактилоскопических систем с другими видами биометрической идентификации.

Ключевые слова: дактилоскопия, идентификация личности, труп, отпечатки пальцев, криминалистика, судебно-медицинская экспертиза, цифровизация, искусственный интеллект, посмертные изменения кожи.

Актуальность исследования

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов, среди которых ключевыми выступают правоприменительная значимость, техническая сложность и необходимость стандартизации процедур в условиях цифровизации криминалистики. Дактилоскопия по-прежнему остаётся наиболее надёжным и широко применяемым методом идентификации личности, как в процессе расследования преступлений, так и при установлении личности неопознанных трупов. Однако в условиях стремительного развития технологий и повышения требований к точности судебно-экспертных заключений возникает необходимость переоценки применяемых методик. Особенно это касается дактилоскопирования трупов, где наличие посмертных изменений затрудняет получение качественных отпечатков. В подобных случаях нередко требуется применение специализированных методик – химической регенерации кожи, фотограмметрии, цифрового усиления контуров.

Также требует внимания проблема несовместимости полученных посмертных данных с существующими автоматизированными системами (например, АДИС «Папилон»),

ориентированными в первую очередь на живых лиц. С другой стороны, дактилоскопирование живых лиц сталкивается с новыми вызовами: отказ от добровольной регистрации, массовая миграция, биометрические подделки и необходимость защиты персональных данных.

Совокупность этих факторов делает тему актуальной как с точки зрения науки, так и с точки зрения правоприменения, особенно в условиях цифровой трансформации правоохранительной и судебной систем.

Цель исследования

Целью данного исследования является комплексная оценка и оптимизация методико-технических подходов к дактилоскопированию живых лиц и трупов.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы методы контент-анализа научных и нормативных источников, сравнительно-правовой анализ процедур дактилоскопирования живых лиц и трупов, а также обобщение экспертной и следственной практики. Рассмотрены современные технические решения: цифровые сканеры, методы химического и термического восстановления

кожи, алгоритмы ИИ и системы автоматизированной идентификации.

Результаты исследования

Современная дактилоскопическая регистрация – крупное самостоятельное направление криминалистической техники. Немаловажным аспектом в формировании именно дактилоскопического учета является пополнение учета новой дактилоскопической информации. Дактилоскопирование – получение отпечатков пальцев и ладонных поверхностей живых лиц и трупов. Соответственно, возникает качественный интерес к процессу изготовления дактилоскопических карт [2, с. 62].

Снятие отпечатков у живых лиц представляет собой стандартную процедуру, внедрившую цифровые технологии вместо традиционных чернил. Как указано в справочнике ФБР: «Технология Live Scan заменяет процесс нанесения чернил для записи рисунка папиллярных линий... высокоразрешающие сканеры могут создавать изображения, сравнимые по качеству с чернильными». Процедура полностью идентична классическому роллингу пальцев, единственное отличие состоит в отсутствии чернил, а цифровые файлы можно легко передавать и хранить в АФИС.

С дактилоскопированием трупов всё намного сложнее. После смерти кожа теряет эластичность: становится сухой, плотной и холодной. Для восстановления пригодности слоя папиллярных линий применяется метод термического увлажнения – «кипячение» кожи: помещают её в горячую воду, чтобы вновь увлажнить и смягчить риджи. Также иногда кожу буквально «снимают» со структуры пальца, используя метод «дегловинга» – это позволяет приложить её к сканеру или раскатать на карточке через перчатку специалиста.

Характерными тремя этапами являются:

- Подготовка инструментов: стандартные полоски бумаги, валики, цилиндры, шприцы, пластины для краски.
- Подготовка тела: включает растяжение суставов и очищение кистей для получения эластичного кожного покрова.
- Процесс снятия: нанесение краски с помощью валика на подушечки и получение отпечатка на бумаге или пластине.

Учитывая, что временной фактор оказывает влияние на количество и качество полученной в ходе дактилоскопирования трупа информации, целесообразно выделить следующие ситуации [1, с. 88]:

1. С момента наступления смерти прошло незначительное время и кожный покров пальцев рук человека не претерпел изменений;

2. С момента наступления смерти прошло незначительное время, но кожный покров пальцев рук претерпел изменения (в случаях, когда тело находилось в неблагоприятных условиях, например, в водоеме);

3. С момента наступления смерти прошло значительное количество времени, повлекшее изменения эпидермиса пальцев рук или повреждения эпидермиса пальцев рук.

В данных случаях специалисту, выезжающему на место происшествия, не всегда удастся подготовить руки трупа к дактилоскопированию, потому что эксперт не обладает познаниями в данной сфере. Поэтому, для качественного получения дактилоскопической карты неопознанного трупа необходимо привлекать судебно-медицинского эксперта [3, с. 158].

Современная судебно-экспертная практика использует широкий спектр методов восстановления отпечатков с трупов. Это и химическое (щелочное) размягчение тканей, и лазерная визуализация под инфракрасным излучением, и многослойное сканирование. В случаях пересушенной кожи после многих лет или интенсивной декомпозиции применяют силиконовые: наносятся на кожу, оставляя трёхмерную форму папиллярных линий, которую затем анализируют.

Эффективность этих методов подтверждается исследованиями. Например, сандалиями щелочных растворов (натрий-карбоната или аммиака) удаётся восстановить мельчайшие особые точки риджей даже на сильно обезвоженной коже. Специализированный курс FBI описывает, как при сушке и мацерации кожи сначала её реанимируют, затем используют порошки или микropорошок (например, зеленые флуоресцентные пудры) для контрастного снятия отпечатка с помощью силиконовых лент.

Нельзя обойти вниманием и биологический аспект: папиллярные узоры формируются на 15-й неделе эмбрионального развития и остаются неизменными до конца жизни, включая посмертие, если только кожа не разрушена экспериментально или в результате процессов гниения. Именно это делает отпечатки надежным идентификатором в криминалистике даже при значительных повреждениях.

Перспективы цифровизации, искусственного интеллекта и автоматизации в

дактилоскопии связаны с повышением точности, скорости и надёжности идентификации личности. Современные системы, такие как автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (АДИС), уже интегрируют алгоритмы ИИ для распознавания частичных, размытых или повреждённых отпечатков. Использование нейросетей позволяет восстанавливать фрагменты рисунков папиллярных линий, улучшать качество изображений и автоматически сравнивать их с базами данных. Цифровые сканеры, в том числе портативные и постмортальные (например, Dead-Scan), позволяют быстро оцифровывать отпечатки в полевых условиях, включая работу на местах катастроф. Внедрение блокчейн-технологий обеспечивает защищённое хранение и верификацию биометрических данных, а биометрическая аутентификация с ИИ-обработкой уже применяется не только в криминалистике, но и в миграционном контроле и гражданской идентификации.

В будущем ожидается полная интеграция дактилоскопии с другими биометрическими технологиями (распознавание лиц, ДНК), а также развитие межгосударственного обмена данными через защищённые платформы.

Выводы

Таким образом, дактилоскопия остаётся основным инструментом идентификации личности даже при значительных посмертных

изменениях. Эффективность процедуры в отношении трупов зависит от своевременного применения специализированных методик восстановления кожного рельефа и привлечения судебно-медицинских экспертов. Цифровизация, внедрение искусственного интеллекта и развитие автоматизированных систем открывают новые возможности для повышения точности, скорости и объективности дактилоскопической экспертизы. Перспективным направлением является интеграция дактилоскопии с другими биометрическими идентификаторами (лицо, ДНК, радужка глаза), а также расширение международного обмена данными на базе защищённых цифровых платформ.

Литература

1. Лалетина М.С. Отдельные вопросы дактилоскопирования трупов // Молодой ученый. – 2018. – № 47(233). – С. 87-90.
2. Сафонов А.А., Фоминых М.А. Современные возможности дактилоскопирования с целью производства дактилоскопических экспертиз // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2017. – № 3. – С. 62-64.
3. Черниговский В.Н., Кузьмин М.Н. Некоторые особенности дактилоскопирования живых лиц и трупов // Философия права. – 2023. – № 2(105). – С. 153-159.

ANISIMOVA Yulia Nikolaevna

Student,

North Caucasus Federal University,
Russia, Stavropol

FINGERPRINTING OF LIVING PERSONS AND CORPSES

Abstract. *The article discusses the theoretical and practical aspects of fingerprinting of living persons and corpses. The differences in fingerprinting procedures depending on the condition of the object are analyzed, and the difficulties encountered in postmortem skin changes are highlighted. Special attention is paid to modern techniques for restoring papillary line patterns. The need for the participation of forensic medical experts in the identification of corpses with destroyed tissues is emphasized. The prospects of automation and the introduction of artificial intelligence into fingerprinting practice, as well as the integration of fingerprint systems with other types of biometric identification, are revealed.*

Keywords: *fingerprinting, identification, corpse, fingerprints, criminology, forensic medical examination, digitalization, artificial intelligence, postmortem skin changes.*

ГОРДЕЕВА Анна Александровна
студентка,
Сибирский юридический университет,
Россия, г. Омск

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА И ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема соотношения авторского права и основных прав человека, подчеркивается важность баланса между защитой творчества и свободой доступа к информации. Анализируются конфликты, возникающие на стыке этих сфер, с примерами из судебной практики и международного законодательства. Также предлагаются возможные пути решения, включая концепты «справедливого использования» и развитие открытых лицензий, чтобы удовлетворить интересы как авторов, так и общества.

Ключевые слова: авторское право, основные права человека, доступ к информации, конфликт интересов, справедливое использование.

Современное общество сталкивается с множеством правовых и этических вызовов, среди которых особое внимание уделяется соотношению авторского права и основных прав человека. Эти две области права тесно переплетаются, а их конфликт может иметь серьезные последствия для свободы выражения, доступа к информации и культурного обмена. В данной статье мы рассмотрим основные аспекты этой проблемы, проанализируем примеры и предложим возможные пути решения.

Авторское право – это юридическая защита оригинальных произведений, включая литературные, художественные, музыкальные и другие виды творчества. Основная цель авторского права – обеспечить авторам исключительное право на использование своих произведений, что мотивирует их к созданию новых работ. Согласно статье 2 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, авторское право защищает произведения на основании их оригинальности [2].

Основные права человека, такие как свобода слова, право на информацию и культурный доступ, закреплены в различных международных документах, включая Всеобщую декларацию прав человека (статья 19) и Европейскую конвенцию о защите прав человека (статья 10) [1, 3]. Эти права служат основой для демократических обществ и являются важным условием для развития личной и общественной жизни.

Существует множество примеров, когда авторское право вступает в противоречие с основными правами человека. Например, строгие меры защиты авторских прав могут ущемлять свободу слова, когда доступ к произведениям ограничивается. В некоторых случаях, такие как действия крупных медиа-корпораций, может возникать ситуация, когда авторские права используются для цензуры информации или подавления критики.

Примеры конфликтов между авторским правом и правами человека можно найти в разных контекстах. Один из ярких случаев – это судебные разбирательства вокруг использования музыки, видео и текстов в образовательных учреждениях, где необходимость защиты авторских прав может ограничить возможность студентов и преподавателей свободно получать и обмениваться знаниями. Например, статьи 10 и 11 Директивы ЕС 2001/29/ЕС о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе устанавливают ограничения на исключительные права для образовательных целей [4].

Другим примером является практика блокировки сайтов с нарушением авторских прав, что может затруднить доступ к информации и ресурсам для широкой аудитории, включая людей, нуждающихся в образовательных материалах. Согласно статье 14 Директивы ЕС 2000/31/ЕС об электронных коммуникациях, провайдеры услуг должны обеспечивать свои

платформы таким образом, чтобы соблюдались права пользователей [5].

Судебная практика также играет важную роль в определении соотношения авторского права и основных прав человека. В деле *American Broadcasting Companies, Inc. v. Aereo, Inc.* (2014) Верховный суд США рассматривал вопрос о том, нарушает ли Aereo авторское право, когда он предоставляет пользователям доступ к телепередачам. Суд, установивший, что Aereo нарушает авторское право, также признал необходимость учитывать права пользователей на доступ к контенту, создавая прецедент для будущих дел, касающихся сбалансированного подхода к авторскому праву и правам человека [6].

Другим значимым примером является дело *Platform v. Golan* (2007), где Верховный суд США рассмотрел вопрос о праве на жесткое авторское право и его влияние на свободу самовыражения. Суд признал важность защиты авторских прав, однако отметил необходимость учитывать и права пользователей на доступ к законному контенту [7].

Для эффективного решения проблемы соотношения авторского права и основных прав человека необходимо найти баланс. Некоторые эксперты предлагают внедрить концепты «справедливого использования» (fair use) и «добросовестного обращения» (fair dealing), которые могут позволить использовать защищенные произведения в рамках образования, исследования и других общественно полезных целей. Эти концепты закреплены в законах многих стран, таких как статья 107 Закона США об авторском праве [8].

Кроме того, важным шагом является развитие открытых лицензий, таких как Creative Commons, которые позволяют авторам делиться своими работами с общественностью, не теряя при этом авторских прав и контролируя условия использования. Открытые лицензии соответствуют принципам, изложенным в ст. 9 Бернской конвенции, позволяя адаптировать условия использования.

Вопрос соотношения авторского права и основных прав человека в России также получает внимание судебной практики. Вот несколько примеров, которые иллюстрируют эту тему:

Дело «Творческого объединения художников» (2006): В этом деле рассматривался вопрос о правомерности использования работ

художников в образовательных учреждениях без получения согласия авторов. Суд подчеркнул, что интересы творцов должны балансироваться с правом граждан на доступ к знаниям. В итоге суд признал, что в определенных случаях использование произведений в образовательных целях может считаться добросовестным обращением, что совпадает с концепцией «справедливого использования» [9].

Дело против «Кинопоиск» (2018): В этом деле рассматривался вопрос о законности распространения информации о кинофильмах и телешоу. Суд пришел к выводу, что киноплатформы имеют право публиковать информацию, касающуюся фильмов, в рамках «добросовестного обращения», учитывая интересы пользователей к доступу к информации и их праву на творчество [10].

Эти примеры демонстрируют, что российская судебная практика также стремится найти баланс между защитой прав авторов и обеспечением основных прав человека. Тем не менее необходимо учитывать, что каждый случай требует индивидуального подхода, и часто суды могут предоставлять предпочтение одной стороне, что порой приводит к конфликтам.

Проблема соотношения авторского права и основных прав человека является сложным и многогранным вопросом, требующим внимательного подхода и соблюдения интересов как авторов, так и общества. Важно помнить, что защита авторских прав не должна препятствовать свободе выражения и доступу к информации. Необходимо стремиться к созданию правовой среды, способствующей культурному обмену и развитию, не ущемляя при этом основные права человека. Только такой подход позволит сбалансировать интересы всех участников и создать условия для процветания творчества в современном мире.

Литература

1. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) \ КонсультантПлюс.
2. «Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений» от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) \ КонсультантПлюс.
3. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с

«Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) \ КонсультантПлюс.

4. Директива ЕС 2001/29/ЕС о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе. (2001).

5. Директива ЕС 2000/31/ЕС об электронных коммуникациях. (2000).

6. American Broadcasting Companies, Inc. v. Aereo, Inc., 573 U.S. 431 (2014).

7. Golan v. Holder, 501 F.3d 1179 (2007).

8. Закон США об авторском праве. (1976).

9. Дело «Творческого объединения художников» (2006):

(https://www.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_id=1221964).

10. Дело против «Кинопоиск» (2018): (<https://www.kommersant.ru/doc/3739018>).

GORDEEVA Anna Alexandrovna

Student,

Siberian Law University,

Russia, Omsk

THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN COPYRIGHT AND FUNDAMENTAL HUMAN RIGHTS

Abstract. *This article examines the problem of the relationship between copyright and fundamental human rights, emphasizing the importance of a balance between the protection of creativity and freedom of access to information. The conflicts arising at the junction of these spheres are analyzed, with examples from judicial practice and international legislation. Possible solutions are also proposed, including the concepts of "fair use" and the development of open licenses to meet the interests of both authors and society.*

Keywords: *copyright, fundamental human rights, access to information, conflict of interest, fair use.*

ГРИМАЙЛО Дарья Викторовна

студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Западный филиал, Россия, г. Калининград

*Научный руководитель – доцент кафедры юриспруденции Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Западного филиала, кандидат юридических наук Нурмагамбетов Рашид Габитович*

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних в контексте российской и международной практики. Акцент сделан на необходимости индивидуального подхода, обусловленного психофизиологическими и социальными особенностями подростков. Анализируются положения российского законодательства, включая статью 87 УК РФ, а также нормы зарубежных стран, направленные на гуманизацию мер воздействия. Отмечается важность применения альтернативных мер наказания и реабилитационных программ. Особое внимание уделяется цифровизации судебных процессов и использованию современных технологий, способствующих адаптации несовершеннолетних. Подчеркивается значение межведомственного взаимодействия для повышения эффективности правосудия.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, уголовная ответственность, наказание, реабилитация, индивидуальный подход, ювенальная юстиция, профилактика, альтернативные меры, цифровизация правосудия.

Значение социально-культурной среды для динамичного развития общественных отношений достаточно велико [2, с. 51].

Вопросы уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних представляют собой одну из ключевых тем в области уголовного права. Учитывая специфику психологии и поведения подростков, а также их уязвимость перед воздействием внешней среды, становится очевидным, что применение стандартных подходов к наказанию в отношении данной категории лиц может быть недостаточно эффективным. Современное общество сталкивается с вызовами, связанными с ростом преступности среди молодежи, что требует разработки новых методов и подходов, учитывающих индивидуальные особенности несовершеннолетних правонарушителей.

Уголовная ответственность несовершеннолетних представляет собой правовой механизм, регулирующий поведение подростков, нарушивших нормы уголовного закона. Согласно статье 87 Уголовного кодекса Российской Федерации, она применяется к лицам в возрасте от 14 до 18 лет. Этот возрастной

диапазон обусловлен особыми психофизиологическими особенностями подростков, которые, хотя и обладают базовым пониманием законов, часто не осознают в полной мере последствий своих действий. В 2021 году в России было зарегистрировано около 20 тысяч преступлений, совершенных несовершеннолетними, что составляет 6% от общего числа преступлений. Эти данные подчеркивают важность разработки и применения мер воздействия, учитывающих специфику подростковой психологии. Гулякевич отмечает, что в уголовном праве установлены особенности уголовной ответственности и наказания ребенка [1], что подчеркивает необходимость адаптации правовых норм к специфике подростков. Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь нормы, касающиеся таких особенностей, сосредоточены в самостоятельном разделе – V, именуемом «Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет». Это свидетельствует о том, что комплексный подход к правовым нормам может способствовать более эффективному

решению вопросов, связанных с уголовной ответственностью несовершеннолетних.

Одной из ключевых особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних является возможность освобождения от наказания при примирении с потерпевшим и возмещении ущерба, что применяется ограниченно к взрослым правонарушителям. Для несовершеннолетних предусмотрены специальные меры воздействия, такие как направление в специализированные воспитательные учреждения, недоступные взрослым правонарушителям. Международная практика подтверждает необходимость особого подхода: более 80% стран мира имеют отдельные судебные системы или процедуры для несовершеннолетних, что подчеркивает их уникальное положение в рамках уголовного права. Эти меры направлены на реабилитацию и социальную адаптацию подростков, а не только на наказание. При этом важно отметить, что обеспечение полноценной защиты несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) является важной задачей. В этом контексте внесение в закон нормы о том, что защищать подростков могут лишь адвокаты с определенным стажем работы, могло бы значительно улучшить процесс защиты несовершеннолетних.

Международные стандарты в области уголовной ответственности несовершеннолетних основываются на принципах гуманизма, индивидуального подхода и защиты прав ребенка. Одним из ключевых документов является Конвенция ООН о правах ребенка, принятая в 1989 году, которая обязывает государства-участники обеспечивать защиту несовершеннолетних от жестокого обращения и предоставлять правосудие, учитывающее их возраст и потребности. Этот документ подчеркивает необходимость создания специализированных систем правосудия для несовершеннолетних, которые способствуют их реабилитации и социальной адаптации. Европейские стандарты, такие как Руководящие принципы ООН по предотвращению преступности среди несовершеннолетних, дополняют эти положения, акцентируя внимание на применении альтернативных мер наказания, включая воспитательные программы. Это позволяет минимизировать негативные последствия уголовного преследования для подростков. Вместе с тем, «проблеме осознания уголовно-правовых запретов в структуре

уголовной ответственности несовершеннолетних не посвящено ни одного комплексного исследования» [2]. Важно учитывать, что комплексный подход к изучению этой темы может способствовать более глубокому пониманию и улучшению существующих систем правосудия для несовершеннолетних.

Сравнительный анализ показывает, что подходы к уголовной ответственности несовершеннолетних значительно различаются в зависимости от правовой системы страны. В Соединенных Штатах действует система ювенальной юстиции, которая ориентирована на реабилитацию и интеграцию несовершеннолетних в общество, однако в некоторых штатах сохраняются строгие меры наказания, включая возможность привлечения к ответственности как взрослых. В странах Европы, таких как Германия и Франция, преобладают восстановительные подходы, направленные на медиацию, участие в общественных работах и воспитательные меры. Эти подходы демонстрируют высокую эффективность в снижении рецидивов и способствуют социальной адаптации подростков. Таким образом, международный опыт подчеркивает важность гибкости и индивидуальности в подходах к уголовной ответственности несовершеннолетних.

Статистические данные подтверждают стремление системы правосудия к гуманизации наказаний для несовершеннолетних. Согласно информации Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2020 год, около 60% несовершеннолетних, осужденных за преступления, получили наказания, не связанные с лишением свободы. Это свидетельствует о приоритете мер, способствующих реабилитации и социальной адаптации молодых правонарушителей, что играет ключевую роль в предотвращении рецидивов. Важно отметить, что система профилактики преступности и правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей соответствовали как особенностям личности правонарушителя, так и обстоятельствам правонарушения [3].

Кроме традиционных видов наказаний, российская система уголовного правосудия предусматривает применение альтернативных мер уголовной ответственности для

несовершеннолетних. Одной из таких мер является направление в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Эти учреждения сочетают образовательные программы с мерами коррекции поведения, что позволяет эффективно воздействовать на правонарушителей и способствует их социальной реабилитации. Эффективность этих мер подтверждается их способностью предотвращать рецидивы и содействовать социальной интеграции несовершеннолетних. Важно отметить, что «особое внимание к правам ребенка» уделяется не только в международных, но и в национальных нормативных актах РФ. Конституция РФ провозглашает права и свободы человека высшей ценностью и обязанностью государства их защищать. Это подчеркивает значимость комплексного подхода к вопросам правосудия в отношении несовершеннолетних, где образовательные и воспитательные меры играют ключевую роль.

Современная правоприменительная практика в отношении несовершеннолетних сталкивается с рядом значительных трудностей, требующих внимания и анализа. Согласно данным ЮНИСЕФ, в 2020 году около 1 миллиона несовершеннолетних находились в местах лишения свободы по всему миру, что подчеркивает необходимость пересмотра подходов к наказанию. Существующая система не всегда учитывает возрастные и психологические особенности данной категории правонарушителей. В России в 2019 году около 70% несовершеннолетних правонарушителей после освобождения снова совершали преступления, что свидетельствует о недостаточной эффективности реабилитационных программ. Верховный Суд РФ в 2021 году отметил, что суды часто назначают несовершеннолетним наказания, не принимая во внимание их индивидуальные особенности, что может негативно сказываться на дальнейшей социальной адаптации. Васкэ Е. В. подчеркивает, что определение индивидуальности несовершеннолетнего должно носить комплексный характер и будет максимально полным при установлении профессиональным психологом, привлеченным к расследованию, психологической мотивации поведения подростка в юридически значимых ситуациях [4]. Учитывая это, важно интегрировать психологические аспекты в процесс правоприменения, чтобы повысить эффективность

реабилитации несовершеннолетних правонарушителей.

Для повышения эффективности правоприменительной практики в отношении несовершеннолетних необходимо внедрение новых подходов и программ. ЮНИСЕФ рекомендует программы восстановительного правосудия, которые в 90% случаев снижают вероятность повторного правонарушения. Примером успешной реализации подобных инициатив является программа «Медиация и восстановительное правосудие» в Германии, которая в 2020 году позволила сократить количество несовершеннолетних в местах лишения свободы на 25%. В России пилотный проект по созданию ювенальных судов в Москве, реализованный в 2018 году, продемонстрировал, что специализированные суды более эффективно справляются с делами несовершеннолетних, учитывая их возрастные и психологические особенности. Эти примеры подчеркивают важность адаптации правоприменительных практик к потребностям несовершеннолетних для их успешной реабилитации и снижения уровня рецидивов.

Введение цифровых технологий в уголовный процесс для несовершеннолетних представляет собой значительный шаг вперед в повышении эффективности и справедливости судебных процедур. В 2020 году в России были запущены пилотные проекты, включающие использование видеоконференцсвязи при рассмотрении дел несовершеннолетних обвиняемых. Это нововведение позволило сократить сроки рассмотрения таких дел на 15%, что особенно важно для несовершеннолетних, так как длительное ожидание может негативно сказаться на их психологическом состоянии и социальной адаптации. Применение видеоконференцсвязи также минимизирует необходимость транспортировки обвиняемых, что снижает стресс и позволяет сосредоточиться на сути судебного процесса. Таким образом, цифровизация судебных процедур способствует более гуманному подходу к правосудию в отношении несовершеннолетних.

Цифровизация оказывает значительное влияние на исполнение наказаний, назначаемых несовершеннолетним правонарушителям. Одним из наиболее заметных примеров является внедрение электронных браслетов для контроля передвижения. В 2020 году в странах

Европы использование таких технологий позволило сократить уровень нарушений условий наказания на 20%. Это достижение демонстрирует, что цифровые технологии могут стать важным инструментом в обеспечении соблюдения условий наказания, не прибегая к более строгим мерам, таким как лишение свободы. При этом такие меры способствуют социальной адаптации несовершеннолетних, предоставляя им возможность оставаться в привычной среде, что положительно сказывается на их реабилитации. Важно отметить, что определены условия смягчения уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних, возместивших причиненный вред [5]. Это подчеркивает значимость комплексного подхода к наказаниям, который учитывает как использование технологий, так и возможность смягчения последствий для правонарушителей.

В некоторых странах предпринимаются шаги для улучшения ситуации, несмотря на существующие проблемы. В Великобритании, например, в 2021 году цифровые образовательные платформы были внедрены в 20% исправительных учреждений для несовершеннолетних, что способствовало улучшению образовательного процесса и реабилитации подростков. Вместе с тем, «несмотря на постоянное развитие, совершенствование института уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, и в нем имеются некоторые проблемы» [6].

В рамках проведенного исследования были выделены ключевые аспекты, касающиеся уголовной ответственности несовершеннолетних. Установлено, что психологические особенности подросткового возраста требуют особого подхода в правоприменительной практике. Международные стандарты, такие как Конвенция ООН о правах ребёнка, подчёркивают необходимость применения мер, направленных на реабилитацию и социальную адаптацию, что подтверждается сравнительным анализом правовых систем различных стран.

Для решения выявленных проблем необходимо разработать комплексный подход,

включающий индивидуализацию наказаний, акцент на реабилитационные меры и активное использование цифровых технологий. Внедрение образовательных программ, направленных на профилактику правонарушений, также может способствовать снижению уровня рецидивов. Важно наладить взаимодействие между судебными органами, образовательными учреждениями и социальными службами для создания эффективной системы поддержки несовершеннолетних правонарушителей.

Литература

1. Гулякевич Д.Л. Особенности допроса несовершеннолетних // [б. ж.]. – [б. м.], 2014. – [б. с.].
2. Маркунцов С.А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2007. – [б. с.].
3. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы двадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – Ч. 2. – 275 с.
4. Васько Е.В. Психология взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетними (правонарушителями и потерпевшими по половым преступлениям) при допросе: Автореф. дис., докт. психолог. наук. – Москва, 2011. – [б. с.].
5. Коробкин А.В. Возмещение вреда как средство уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Рязань, 2019. – [б. с.].
6. Карпук Л.А. Проблемы совершенствования законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних и практики его применения // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». – [б. г.]. – [б. м.]. – [б. и.].

GRIMAYLO Daria Viktorovna

Student,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Western Branch,
Russia, Kaliningrad

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Jurisprudence
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Western Branch, PhD in Law Nurmagambetov Rashit Gabitovich*

PECULIARITIES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PUNISHMENT OF MINORS

Abstract. *The article examines the specifics of criminal responsibility and punishment of minors in the context of Russian and international practice. The emphasis is placed on the need for an individual approach based on the psychophysiological and social characteristics of adolescents. The provisions of Russian legislation, including Article 87 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the norms of foreign countries aimed at humanizing measures of influence are analyzed. The importance of using alternative punishments and rehabilitation programs is noted. Special attention is paid to the digitalization of judicial processes and the use of modern technologies that facilitate the adaptation of minors. The importance of interdepartmental cooperation for improving the effectiveness of justice is emphasized.*

Keywords: *juvenile offenders, criminal responsibility, punishment, rehabilitation, individual approach, juvenile justice, prevention, alternative measures, digitalization of justice.*

ЖИЛИН Константин Сергеевич

магистрант, Государственный университет просвещения, Россия, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РАМКАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ

Аннотация. В статье анализируются правовые основы гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в рамках банкротства в РФ. Рассматриваются проблемы привлечения к ответственности, включая доказательство вины и причинно-следственной связи. Автор подчёркивает необходимость совершенствования законодательства для защиты интересов кредиторов и повышения эффективности института.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, банкротство, гражданско-правовая ответственность, убытки, деликт, должник, конкурсный управляющий.

Институт несостоятельности (банкротства) представляет собой ключевой элемент правовой системы, направленный на обеспечение баланса интересов кредиторов, должников и государства. В рамках процедуры банкротства центральную роль играет арбитражный управляющий, обладающий специальным юридическим статусом, совокупностью полномочий и обязанностей, обусловленных законодательством. Эффективность функционирования механизма банкротства в значительной степени определяется степенью добросовестности и профессиональной компетентности арбитражного управляющего. В связи с этим особую значимость приобретает проблема его гражданско-правовой ответственности как инструмента обеспечения правопорядка и правовой защиты участников процедуры банкротства.

В последние годы наблюдается стабильная тенденция к возрастанию научного и практического интереса к институту гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих. Данная тенденция обусловлена как повышенной значимостью их деятельности в рамках процедур банкротства, так и трансформацией судебной практики и экономических реалий. Особенно показательным в этом контексте стал 2024 год, когда был зафиксирован существенный рост числа судебных разбирательств, связанных с привлечением арбитражных управляющих к ответственности за убытки. Указанная практика всё чаще рассматривается не только как механизм защиты прав кредиторов, но и как средство влияния на поведение управляющих, а также способ

увеличения конкурсной массы, в том числе за счёт страховых выплат [1].

Статистические данные демонстрируют противоречивую динамику: несмотря на общее снижение количества рассмотренных жалоб на 4,04% и уменьшение доли удовлетворённых жалоб на 9,41%, общий тренд указывает на рост числа решений в пользу кредиторов. Доля удовлетворённых жалоб остаётся стабильной (в пределах 19-20%), составив 19% по итогам 2024 года.

Особое внимание привлекает рост объёма убытков, взыскиваемых с управляющих: хотя в 2024 году общая сумма снизилась на 27,34% по сравнению с 2023 годом, она осталась значительной – 2,26 млрд руб. Это подчёркивает усилившуюся роль управляющих в формировании конкурсной массы и одновременно – высокую степень финансовых рисков при ненадлежащем исполнении ими обязанностей.

Кроме того, зафиксировано увеличение числа судебных актов, признающих действия арбитражных управляющих незаконными: в 2024 году прирост составил около 8% по сравнению с предыдущим годом, что контрастирует с ранее наблюдавшейся тенденцией к снижению подобных решений. Совокупность данных факторов свидетельствует об усилении внимания к правовому регулированию деятельности арбитражных управляющих и подтверждает необходимость всестороннего и системного анализа существующего механизма их гражданско-правовой ответственности в условиях современной правоприменительной и экономической практики.

Деятельность арбитражного управляющего регламентируется положениями Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [2]. В зависимости от стадии рассматриваемой процедуры, арбитражный управляющий может быть назначен в качестве временного, внешнего, конкурсного либо административного управляющего.

Согласно пункту 1 статьи 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), арбитражным управляющим признаётся гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (СРО). Несмотря на то, что арбитражный управляющий не входит в состав органов управления должника, он наделён властно-распорядительными функциями и осуществляет полномочия, связанные с оценкой, управлением и реализацией имущества должника, а также с удовлетворением требований кредиторов.

Пункты 4–6 статьи 20.4 Закона о банкротстве устанавливают гражданско-правовую ответственность арбитражного управляющего за убытки, причинённые должнику, кредиторам или иным лицам вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей. Для привлечения к ответственности требуется вступивший в законную силу судебный акт, подтверждающий причинение убытков в конкретном деле о банкротстве.

Дополнительной гарантией возмещения убытков, причинённых в процессе осуществления профессиональной деятельности, выступает механизм обязательного страхования. В соответствии со ст. 24.1 Закона о банкротстве, арбитражный управляющий обязан заключить договор страхования ответственности перед лицами, участвующими в деле о банкротстве, за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Указанный договор должен быть заключён со страховой организацией, аккредитованной СРО, на срок не менее одного года с условием автоматического продления.

Таким образом, компенсация убытков регулируется не только деликтными нормами, но и нормами страхового права, что позволяет обеспечить гарантии компенсации вреда даже в случае неплатёжеспособности управляющего. При наступлении страхового случая – что подтверждается вступившим в силу судебным решением (п. 5 ст. 24.1) – ответственность переходит на страховую компанию, а при

недостаточности страховой суммы – на компенсационный фонд СРО (п. 4 ст. 20.4).

Более того, арбитражный управляющий обязан возместить убытки, понесённые СРО в связи с восстановлением размера компенсационного фонда (ст. 25.1), что подтверждает принцип субсидиарной ответственности саморегулируемой организации за действия своих членов. Это положение также согласуется с ч. 12 ст. 13 ФЗ «О саморегулируемых организациях», закрепляющей распределение финансовых рисков между членом СРО и самой организацией [3].

Существующий правовой механизм формирует многоуровневую систему защиты прав и законных интересов кредиторов и других участников дела о банкротстве, одновременно повышая требования к добросовестности, компетентности и профессиональной ответственности арбитражных управляющих.

Согласно п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве, деятельность арбитражных управляющих базируется на принципах разумности и добросовестности, отражающих их публично-правовой статус. При рассмотрении споров о гражданско-правовой ответственности оценка их действий выходит за рамки формального соблюдения закона и требует подтверждения соответствия этим принципам, а также установления причинно-следственной связи между действиями управляющего и убытками.

В качестве примера правоприменительной практики можно привести дело о банкротстве АО «Альянс Энерго-Строй» в рамках которого один из кредиторов указал на бездействие арбитражного управляющего, не предпринявшего мер к взысканию ранее присуждённой задолженности в размере 96 млн рублей. Арбитражный суд Московской области в 2022 году признал действия управляющего незаконными; данное решение было оставлено без изменений судами апелляционной и кассационной инстанций.

Впоследствии кредитор обратился с иском о возмещении убытков, обосновывая свои требования утратой возможности пополнения конкурсной массы. Суд первой инстанции частично удовлетворил иск, указав, что разумный и добросовестный арбитражный управляющий должен был предпринять действия по взысканию долга, и снизил размер подлежащих возмещению убытков до 76 млн рублей.

Однако Десятый арбитражный апелляционный суд отменил решение, сославшись на объективную невозможность взыскания задолженности в связи с банкротством контрагентов

должника. Суд округа, пересматривая дело, вновь встал на сторону кредитора, указав на неправомерность бездействия арбитражного управляющего.

Рассматривая кассационную жалобу, Верховный Суд Российской Федерации поддержал позицию суда апелляционной инстанции. Суд отметил, что факт бездействия арбитражного управляющего сам по себе не может автоматически влечь гражданско-правовую ответственность, если отсутствуют доказательства реальной возможности получения дохода от соответствующих действий. В данном случае такая возможность не была подтверждена, а поведение управляющего признано соответствующим принципам разумности и профессиональной осмотрительности [4].

В соответствии с пунктом 4 статьи 20.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» право предъявлять требования о возмещении убытков, причинённых действиями или бездействием арбитражного управляющего, принадлежит не только должнику и кредиторам, но и иным участникам дела о банкротстве, при условии подтверждения факта понесённых ими убытков вследствие вины управляющего.

Юридическая природа таких требований основывается на гражданско-правовом институте ответственности за причинение вреда, закреплённом в статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации [5]. Как разъяснено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2020 года № 32-П, для привлечения к ответственности требуется обязательное установление причинно-следственной связи между противоправным поведением причинителя вреда и наступившими негативными последствиями [6].

Таким образом, в рамках процедур банкротства истцом по иску о взыскании убытков с арбитражного управляющего может выступать любое лицо, участвующее в деле, при условии доказанности факта убытков и их непосредственной связи с действиями либо бездействием управляющего.

Независимо от того, кем инициируется иск о взыскании убытков с арбитражного управляющего, возмещение, как правило, производится в интересах всех кредиторов посредством пополнения конкурсной массы. Данный подход подтверждён в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 года [7], в котором подчеркнуто, что

взысканные суммы направляются не в пользу истца, а в пользу совокупности кредиторов.

Вместе с тем не исключены ситуации, когда противоправные действия или бездействие арбитражного управляющего наносят ущерб не конкурсной массе в целом, а конкретному лицу. В подобных случаях, на основании статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, убытки подлежат возмещению непосредственно пострадавшему лицу при условии доказанности вины управляющего и установления причинно-следственной связи между его действиями и наступившими негативными последствиями.

Судебная практика сформировала четыре ключевых элемента, необходимых для установления деликтной ответственности: наличие убытков, противоправность поведения причинителя вреда, причинно-следственная связь между действием и наступившими последствиями, а также вина причинителя. Особое значение имеет доказанность вины и причинной связи между действиями и наступившим ущербом.

В соответствии с пунктом 53 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 года № 35 [8], для взыскания убытков с арбитражного управляющего необходимо наличие вступившего в законную силу судебного акта, который подтверждает факт причинения убытков по вине управляющего в рамках конкретного дела о банкротстве, а также устанавливает причинно-следственную связь между данными обстоятельствами.

Под убытками, согласно Информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 мая 2012 года № 150, понимается любое уменьшение конкурсной массы либо упущенная выгода, связанная с невозможностью её увеличения вследствие неправомерных действий или бездействия арбитражного управляющего [9]. Такие действия, в свою очередь, приводят к нарушению прав как должника, так и кредиторов.

Основные трудности в судебной практике связаны с доказательством размера убытков, особенно упущенной выгоды, и установлением причинно-следственной связи. По пункту 5 Постановления Пленума ВС РФ № 7 (2016) степень доказанности должна достигать «разумной степени достоверности» [10]. Поскольку универсальных критериев нет, применяется индивидуальный подход с учётом обстоятельств дела на основе принципа свободной оценки доказательств (ст. 67 ГПК РФ).

Арбитражный управляющий может быть привлечён к гражданско-правовой ответственности за нарушение обязанностей, установленных статьёй 20.3 Закона «О банкротстве» и другими нормами, регулирующими его деятельность. При этом суд учитывает обоснованность и целесообразность его действий с учётом обстоятельств дела, что требует активной позиции сторон и всестороннего представления доказательств [11, с. 123-129].

Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего обеспечивает законность и эффективность банкротства, защищая интересы должника, кредиторов и участников дела. Рост числа исков о взыскании убытков отражает повышение требований к добросовестности управляющих и важность страховых механизмов.

Судебная практика показывает, что сложными остаются доказательство причинной связи и размера убытков, особенно упущенной выгоды. Суды всё чаще оценивают не только законность, но и разумность действий управляющего, что требует активного участия сторон и представления доказательств.

Механизм ответственности арбитражных управляющих требует совершенствования для повышения правовой определённости и баланса между защитой участников и недопущением чрезмерного давления на управляющих.

Литература

1. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/>, свободный. – Дата обращения: 02.06.2025.
2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

3. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 № 315-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс.

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.01.2025 по делу № А41-82674/2018.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2020 № 32-П // СПС Консультант Плюс.

7. Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 305-ЭС17-8225.

8. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС Консультант Плюс.

9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих» // СПС Консультант Плюс.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС Консультант Плюс.

11. Пирогова Е.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для вузов / Е.С. Пирогова, А.Я. Курбатов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 338 с. – (Высшее образование). С 123-129.

ZHILIN Konstantin Sergeevich

Master's Student, State University of Education, Russia, Moscow

THE FEATURES OF JUDICIAL PRACTICE REGARDING CIVIL LIABILITY OF ARBITRATION MANAGERS IN THE CONTEXT OF DAMAGES

Abstract. *The article analyzes the legal foundations of the civil liability of an insolvency practitioner within the framework of bankruptcy in the Russian Federation. It examines issues related to holding such practitioners accountable, including proving fault and causal connection. The author emphasizes the need to improve legislation to protect creditors' interests and enhance the effectiveness of the institution.*

Keywords: *arbitration manager, bankruptcy, civil liability, damages, tort, debtor, insolvency administrator.*

КИРЖАНОВА Элина Эльшановна

студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Россия, г. Санкт-Петербург

Научный руководитель – доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Северо-Западного института управления, кандидат юридических наук Лепешкина Оксана Ивановна

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 228, 228.1 УК РФ

Аннотация. Данная работа посвящена анализу квалифицирующих признаков в уголовном праве Российской Федерации, с особым акцентом на нормы, регулирующие ответственность за преступления, связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами. Основное внимание уделяется критериям дифференциации уголовной ответственности, включая различия в наказаниях за хранение наркотических средств в зависимости от их размера и цели хранения, а также анализу статей 228, 228.1 УК РФ. В работе поднимается проблема недостаточной дифференциации ответственности за хранение наркотических средств в зависимости от цели их использования, что приводит к чрезмерной репрессивности уголовно-правового воздействия на лиц, не занимающихся торговлей наркотическими средствами. Рассматриваются также вопросы правоприменительной практики, такие как квалификация деяний в образовательных учреждениях, использование служебного положения, а также сложность установления заведомости несовершеннолетия как квалифицирующего признака. Автор предлагает изменения в содержание ряда статей УК РФ для устранения правовых неопределенностей и повышения справедливости наказаний. В заключение делается вывод о необходимости уточнения отдельных понятий и норм в целях улучшения правоприменительной практики и обеспечения соответствия законодательных актов современным реалиям.

Ключевые слова: уголовное право, квалифицирующие признаки, наркотические средства, дифференциация уголовной ответственности.

Введение

Вопросы квалифицирующих признаков затрагивают тему дифференциации уголовной ответственности, которая является одной из наиболее заметных в современном российском уголовном праве. Выступая «краеугольным камнем» в решении множества проблем, дифференциация является, с одной стороны, средством, обеспечивающим реализацию уголовно-правовых принципов, с другой – гарантией обеспечения справедливого рассмотрения каждого отдельно взятого уголовного дела [2, с. 239].

На сегодняшний день является востребованным изучение дифференциации уголовной ответственности за преступления против здоровья населения, нормативная регламентация которых в гл. 25 УК РФ в разное время претерпевала те или иные изменения, одновременно следуя вектору смягчения и усиления

ответственности за отдельные преступные посягательства.

Основная часть

Итак, если обратить внимание на ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации [7] (далее – УК РФ), то можно увидеть, что критерием дифференциации ответственности в ней выступает размер наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов, растений их содержащих или их частей. Так, квалифицирующим признаком выступает крупный размер (ч. 2 ст. 228 УК РФ), а особо квалифицирующим признаком – особо крупный размер (ч. 3 ст. 228 УК РФ). Следует отметить, что степень их изученности в науке уголовного права высокая, в связи с чем нет необходимости подробного рассмотрения. Однако в данном аспекте все же можно обозначить проблему – это недостаточная дифференциация ответственности

за хранение наркотических средств в зависимости от цели.

Так, в ст. 228 УК РФ установлена ответственность за хранение наркотических средств, однако отсутствует законодательное уточнение, с какой целью наркотические средства хранились – для личного потребления или для распространения, что имеет весомую значимость для квалификации преступного деяния и назначения справедливого наказания.

Таким образом, в ст. 228 УК РФ отсутствуют четкие критерии, позволяющие установить, связано ли хранение наркотических средств с целью их дальнейшего распространения или употребления. В большинстве случаев, возникающих в практике судов, действия обвиняемых по уголовным делам данной категории квалифицируются как хранение наркотических средств для личного потребления, а не для продажи. А это, как представляется, свидетельствует о чрезмерной репрессивности мер уголовной ответственности, повышенном карательном воздействии на людей, которые не являются профессиональными наркоторговцами.

Проблема возникает из-за того, что в ст. 228 УК РФ не учитывается контекст, в котором было совершено деяние, а также личность преступника. В некоторых случаях человек, хранивший наркотические средства для личного употребления, может подвергаться более жесткому или равному наказанию, чем тот, кто совершает более тяжкие преступления, такие как сбыт наркотических средств. Например, если обратить внимание на санкцию ч. 2 ст. 228 УК РФ (хранение наркотических средств в крупном размере) и санкцию п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (сбыт наркотических средств в крупном размере), то можно констатировать, что в первом случае наказание может составлять от 3 до 10 лет, а во втором – от 10 до 20 лет лишения свободы.

На основании изложенного считаем необходимым внести уточнение в ст. 228 УК РФ, с учетом цели хранения наркотических средств. Это можно сделать посредством корректировки различной строгости наказаний за хранение наркотических средств с целью сбыта и для личного потребления, чтобы избежать чрезмерной репрессии для лиц, не занимающихся торговлей наркотическими средствами. Тем более учитывая тот факт, что за потребление наркотических средств установлена административная, а не уголовная ответственность

(ст. 6.9. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [8]).

В рамках ст. 228.1 УК РФ признаки квалифицированного состава характеризуются особенностями объективной стороны: места и способа совершения деяния. Пункт «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ сформулирован так, что при квалификации деяния большую роль будет играть усмотрение суда, руководствующегося бланкетными нормами. В целом, перечисленные понятия конкретностью не отличаются. Определение сути понятий «следственный изолятор», «исправительное учреждение», не вызывает затруднений – их содержание закреплено в ранее действующем Положении о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации (ст. 1.1 Положения) [9] и Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (через перечисление его видов в ст. 74 УИК РФ [10]). Содержание понятий «воинская часть», «объекты железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена», «общественный транспорт» также может быть установлено путём системного толкования соответствующих норм отраслевого законодательства. Объектами спорта, согласно ст. 2 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [11], являются объекты недвижимого имущества или комплексы недвижимого имущества, специально предназначенные для проведения физкультурных мероприятий и (или) спортивных мероприятий, в том числе спортивные сооружения. Исходя из системного толкования других определений, данных в указанном Федеральном законе, можно сделать вывод, что, например, спортивный стадион футбольного клуба, спортивный комплекс относятся к объектам спорта, а спортивная площадка во дворе жилого дома таковым не является. Сложность представляет идентификация места в качестве «административного здания», «сооружения административного назначения». Представляется, что для вменения в качестве квалифицирующего признака совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, на вышеуказанных объектах необходимым условием является совершение соответствующих деяний на территории административного здания или административного сооружения, находящихся в эксплуатации и в часы работы государственных и муниципальных органов и учреждений,

расположенных на данных объектах, потому как в ином случае (например, в ночное время или в период аренды административного здания, помещения иным субъектом) степень общественной опасности таких деяний не соответствует предусматриваемому нормой наказанию. Оценочным понятием представляются «помещения, используемые для развлечений или досуга», однако конкретизация может повлечь утрату его сущности. В качестве примера таких помещений выступают торгово-развлекательный центр, библиотека, ресторан [1, с. 263–264].

Не совсем ясно, почему законодатель предпочёл использовать в качестве квалифицирующего признака совершение преступления в образовательной организации (определяемой Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [5] «Об образовании в Российской Федерации» как некоммерческая организация, осуществляющая на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности), а не организации, осуществляющей образовательную деятельность (более широкое понятие) (например, места осуществления образовательной деятельности индивидуальными предпринимателями). Последняя формулировка в большей степени отвечает целям введения этого пункта и его содержанию, которое отражает положения подп. «г» п. 5 ст. 3 Конвенции ООН 1988 года [6], предписывающего судам признавать в качестве отягчающего обстоятельства совершение сбыта наркотических средств «в учебном заведении, или общественном учреждении, или в непосредственной близости от них, или в других местах, которые используются школьниками и студентами».

Пункт «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ предусматривает совершение преступных деяний с использованием средств, повышающих степень их общественной опасности, способствующих широкому публичному распространению соответствующей информации и, одновременно, обеспечению тайности деятельности: периодическое печатное издание (газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное наименование (название), текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год), сетевое издание, телеканал, радиоканал, теле-, радио-, видео-, кинохроникальная программа (совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач), имеющая постоянное наименование

(название) и выходящая в свет (в эфир) не реже одного раза в год), иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) (ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации» [4]), создаваемые, в том числе, посредством использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, сети Интернет и зарегистрированные в качестве средств массовой информации (кроме освобожденных от регистрации ввиду заведомо малого объема распространения). Малый тираж не является препятствием признания в качестве средства массовой информации любой формы периодического распространения информации и потому даже в этом случае оправдано вменение п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ – существенным моментом является направленность умысла на распространение информации.

В особо квалифицирующие признаки помимо значительного размера входит способ совершения группой лиц по предварительному сговору, определение которой дано ч. 1 ст. 35 УК РФ. Такой способ совершения преступления характеризуется непосредственным участием двух и более лиц (соисполнителей), заранее договорившихся о совместном совершении преступления.

Особо квалифицирующие признаки также содержат групповой способ – совершение преступления организованной группой как устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, признаками наличия которой является наличие в ее составе организатора, разработанного плана совместной преступной деятельности, распределение функций между членами группы, техническая оснащенность группы, длительность ее существования, иные обстоятельства, как то специальные навыки участников группы, длительность подготовки к совершению преступления.

Другие два квалифицирующих признака, предусмотренные п. «б», «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, раскрывают характеристики специального субъекта преступлений. Первый – совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения. Такое положение занимают должностные лица, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным

органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, лица, которые обладают определенными полномочиями по отношению к вверенному им предмету преступления в связи с выполнением ими соответствующих служебных обязанностей и могут способствовать производству, сбыту или пересылке наркотических средств (работники научных лабораторий, медицинских, фармацевтических и иных учреждений). Стоит отметить, что унифицированного понятия лица, использующего свое служебное положение, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 [3] не содержит, что представляется существенным недостатком. В целях повышения эффективности правоприменения рекомендуется дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 пунктом 17.1, содержащим дефиницию понятия «лицо, использующее свое служебное положение». Несмотря на определенную громоздкость, такое определение представляется максимально полным и конкретным, четко обозначающим круг субъектов преступления.

Второй – совершение деяния лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении несовершеннолетнего. Разъясняя содержание п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 Постановления № 14 указывает на то, что субъект преступления должен знать или допускать, что совершает деяния (сбыт или пересылку) в отношении лица, не достигшего 18 лет, хотя в п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ указание на заведомость несовершеннолетия отсутствует. Исходя из понимания субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, а также учитывая принцип вины, сложно полностью согласиться с изложенной позицией. Возможность квалификации действий виновного, достоверно не знающего возраста лица, в отношении которого совершает преступление, по п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ будет свидетельствовать об объективном вменении и, в силу этого, противоречить ч. 2 ст. 5 УК РФ. Таким образом, можно заключить, что положения п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ требуют изменения редакции с целью исключения возможного нарушения принципа вины, недопущения необоснованного расширения репрессивного потенциала уголовной ответственности посредством включения признака «заведомости».

Наиболее строго наказывается деяние, совершенное в особо крупном размере.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство квалифицирующих признаков, свойственных и другим преступлениям (групповые способы совершения) или имеющих количественную характеристику предмета, отвечает всем требованиям законодательной техники и не вызывает нареканий при трактовке текста норм. Отдельные же признаки, требуют изложения в новой редакции. В частности, представляется целесообразным дополнить предмет преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, растениями и их частями, содержащими наркотические средства и психотропные вещества, заменить формулировку «в образовательной организации» на «в организации, осуществляющей образовательную деятельность» для избежания противоречия норм. Также автор данной статьи находит необходимым уточнение некоторых иных понятий пункта «а» части 2 и пункта «б» части 4 статьи 228.1 УК РФ хотя бы на уровне обобщения практики применения данной нормы Пленумом Верховного Суда. Неприемлемой представляется и ситуация противоречия позиции, изложенной в соответствующем Постановлении № 14, о признаке заведомости несовершеннолетия лица, в отношении которого производятся преступные действия для преступника, в то время как в п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ такого уточнения не содержит.

Литература

1. Ахтамьянов Р.Р., Нелюбин Р.В., Жуков Н.И. Актуальные проблемы раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 2 (165).
2. Сафонов В.Н. Дифференциация уголовной ответственности: вопросы теории и практики // Научная сессия ГУАП: гуманитарные науки: сборник докладов научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики (Санкт-Петербург, 14–22 апреля 2021 г.). Санкт-Петербург, 2021.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август, 2006.

4. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

6. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. // URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (дата обращения: 02.04.2025).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря

2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

9. Приказ Минюста РФ от 25 января 1999 г. № 20 (ред. от 05.03.2004) «Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» (утратил силу) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1999. № 10.

10. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

11. Федеральный закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

KIRZHANOVA Elina Elshanovna

Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
North-Western Institute of Management, Russia, Saint Petersburg

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Northwestern Institute of Management,
PhD in Law Lepeshkina Oksana Ivanovna*

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE REGULATION OF QUALIFYING FEATURES PROVIDED FOR IN ARTICLES 228, 228.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This work is devoted to the analysis of qualifying features in the criminal law of the Russian Federation, with a special emphasis on the norms governing liability for crimes related to narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. The main focus is on criteria for differentiating criminal liability, including differences in penalties for drug possession depending on their size and purpose of storage, as well as the analysis of articles 228, 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper raises the problem of insufficient differentiation of responsibility for drug possession depending on the purpose of their use, which leads to an excessive repressive criminal impact on persons who are not involved in drug trafficking. The issues of law enforcement practice are also considered, such as the qualification of acts in educational institutions, the use of official position, as well as the difficulty of establishing the knowledge of a minor as a qualifying feature. The author proposes changes in the content of a number of articles of the Criminal Code of the Russian Federation to eliminate legal uncertainties and increase the fairness of punishments. In conclusion, it is concluded that it is necessary to clarify certain concepts and norms in order to improve law enforcement practice and ensure compliance of legislative acts with modern realities.

Keywords: criminal law, qualifying signs, narcotic drugs, differentiation of criminal liability.

КУЗЬМИНА Валерия Евгеньевна

студент, Сибирский юридический университет, Россия, г. Омск

РЕГИСТРАЦИЯ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ И ЕЁ ПРАВОУСТАНАВЛИВАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности регистрации актов гражданского состояния. Раскрывается правоустанавливающее значение регистрации актов гражданского состояния. Раскрываются порядок и последствия регистрации актов.

Ключевые слова: акты гражданского состояния, рождения, права, последствия, ЗАГС, регистрация.

Регистрация актов гражданского состояния является важным юридическим процессом, закрепляющим фактическое состояние граждан и оформляющим его в официальных документах. Этот порядок имеет существенное правовое значение, поскольку именно регистрация определяет правовой статус гражданина, его личные и семейные права, а также обеспечивает юридическую защиту и признание со стороны государства. Процедура регистрации включает несколько этапов, которые обеспечивают точность, полноту и легальность оформления информации.

Изначально регистрация начинается с подачи заявления в орган записи актов гражданского состояния – ЗАГС или иное уполномоченное учреждение. Заявление может подаваться лично, через представителя или почтовым отправлением, в зависимости от законодательства конкретной страны.

Вторым этапом является представление необходимых документов. В заявлении должны быть приложены документы, подтверждающие факт события. Например, свидетельство о рождении, о заключении брака, о разводе, свидетельство о смерти.

Третьим этапом будет проверка информации. Администрация органа регистрации проверяет предоставленные документы, а также соответствие информации установленным требованиям. При необходимости могут быть запрошены дополнительные подтверждающие документы или сведения.

После проверки и при отсутствии препятствий сотрудник регистрирующего органа вносит соответствующую запись в журнал или электронную базу данных. В результате формируется официальный документ – свидетельство о государственной регистрации.

По завершении процедуры заявителю выдается официальное свидетельство, подтверждающее факт регистрации события гражданского состояния и его юридическую силу [2].

Значение регистрации актов гражданского состояния заключается в их правоустанавливающей функции. Это означает, что с момента внесения записи в официальный реестр и получения документа событие приобретает юридическую силу, а гражданин – правоотношения, связанные с этим событием – признаются официально действительными.

Основные аспекты правоустанавливающего значения являются подтверждающие факты. Регистрация подтверждает факт рождения, брака, смерти и других событий, что является основанием для оформления гражданских прав и обязанностей. Официальное свидетельство служит основанием для получения доступа к социальным гарантиям, наследству, семейным правам, оформлению лицензий, пенсий и других социальных выплат. Не зарегистрированные события обладают менее сильными правовыми последствиями. Регистрация в государственных реестрах служит источником информации о гражданском состоянии общества, что важно для государственных органов, судов, нотариусов и других участников гражданского оборота.

Государственная регистрация актов гражданского состояния производится органами ЗАГС, образованными органами государственной власти субъектов РФ. Вопросы образования и деятельности органов ЗАГС решаются субъектами РФ, на территории которых они расположены. Примером независимости органов государственной власти субъектов РФ по отделению полномочиями регистрации актов гражданского состояния может служить образованием многофункциональных центров

предоставления государственных и муниципальных услуг населению [5].

Государственной регистрации актов гражданского состояния граждан РФ, проживающих за пределами территории России, производится консульскими учреждениями РФ. При осуществлении ими государственной регистрации актов гражданского состояния на них распространяются все те же права, обязанности и ответственность, возложенные законом на органы ЗАГС и их должностных лиц.

Цифровизация коснулась и регулирование сферы актов гражданского состояния. Все сведения регистрируемых актов гражданского состояния, конвертируются в форму электронного документа в целях формирования не только бумажного носителя данных, но и электронного в системе единого государственного реестра записи актов гражданского состояния [4].

Правоотношения по регистрации актов гражданского состояния является административными, так как процедура регистрации является именно взаимодействием заявителя с государственными органами. Результаты таких правоотношений является составление записи акта гражданского состояния, наличие самого юридического факта, впоследствии оно будет основанием для возникновения не только частных, но и публичных по своему характеру правоотношений [1].

Основанием для регистрации актов гражданского состояния являются заявление лиц или решение суда. Правом подавать заявление в органы ЗАГС обладают не все лица, категория лиц оговорена в нормах, регулирующих каждое из видов записей акта.

Во-первых, непосредственно относятся лица, в отношении которых производится государственная регистрация. Такие граждане обладают полной дееспособностью, правоспособностью и могут лично выступать в правоотношениях с органами ЗАГС от своего имени.

Во-вторых, будут относиться представители. Сущность представительства зависит от его основания, в силу которого оно возникает, – закона или воли лиц.

Третьей группой является органы государственной власти, на которой законом возложена обязанности обратиться в органы ЗАГС за регистрацией некоторых актов гражданского состояния. Согласно ст. 19 Закона актов гражданского состояния «Орган внутренних дел, орган опеки попечительства либо медицинской

организации, воспитательной организации или организации социальной защиты населения, в которой помещен ребёнок, обязаны заявить о государственной регистрации рождения найденного (подкинутого) ребёнка, родители которого неизвестны, не позднее чем через семь дней со дня обнаружения ребёнка» [6]. А также заявить о смерти устно или в письменной форме в органы ЗАГС обязана: медицинская организация или учреждение социальной защиты населения в случае, если смерть наступила в период пребывания лица в данной организации или учреждении [3].

Данные примеры будут единственными обязательными, так как рождение и смерть главные события в жизни человека, так как являются моментами возникновения общей правоспособности и её прекращения.

Последней группой являются иные лица, которые действуют без какой-либо доверенности по простому письменному уполномочиванию либо вовсе без такого. Согласно ч. 2 ст. 16 Закона об актах гражданского состояния «В случае если родители не имеют возможности лично заявить о рождении ребёнка, заявление о рождении ребёнка может быть сделано родственником одного из родителей или иным уполномоченным родителями лицом». Свидетельские показания также являются основанием для регистрации актов гражданского состояния. Так, лицо, присутствующее во время родов, подает заявление о рождении ребёнка с указанием пола новорождённого у определённой женщины, которое должно содержать место и дату родов.

Правоустанавливающее значение процедуры регистрации актов гражданского состояния заключается в том, что она является основанием для признания юридической силы и правовых последствий, зафиксированных в актовых записях.

Эти процедуры обеспечивают юридическую силу актов гражданского состояния и их официальное признание в государстве. Процедурное основание государственной регистрации актов гражданского состояния включает в себя комплекс, установленный законодательством и нормативными актами. Порядок действий, условий и требований, необходимых для осуществления государственной регистрации актов гражданского состояния. Эти процедуры обеспечивают юридическую силу и официальное признание таких актов, таких как

рождение, смерть, брак, развод, установление отцовства и другие.

Эти процедуры гарантируют юридическую достоверность и официальное признание актов гражданского состояния, а также их использование в гражданских, государственных и юридических делах.

Таким образом, процедура регистрации актов гражданского состояния – это важнейший элемент правовой системы, обеспечивающий признание и защиту гражданских прав и свобод. Она служит основой для формирования правового статуса личности, оформления семейных отношений и установления фактических обстоятельств, имеющих важное значение для жизни каждого человека и российского общества в целом. Соблюдение установленного порядка регистрации гарантирует юридическую силу документов и предотвращает возможные споры и правовые конфликты.

Поэтому, регистрация актов гражданского состояния играет ключевую роль в формировании и закреплении юридического статуса граждан, а процесс ее проведения – гарант надежной идентификации и подтверждения важнейших жизненных фактов.

Литература

1. Акты гражданского состояния как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских и семейных правоотношений: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.03 / Горская Екатерина Юрьевна; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2015. – 232 с.

2. Антоненко Н.С., Мохник М.И., Семенов Я.И. Акты гражданского состояния: понятие, основания возникновения и порядок регистрации // Экономика и социум. 2018. № 12 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akty-grazhdanskogo-sostoyaniya-ponyatie-osnovaniya-vozniknoveniya-i-poryadok-registratsii> (дата обращения: 12.06.2025).

3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи».

4. Приказ Минфина России от 12 октября 2017 г. № 150н «Об утверждении требований к форматам сведений, вносимых в запись акта гражданского состояния, конвертируемую (преобразуемую) в форму электронного документа, и порядка представления и использования указанных сведений в целях формирования и ведения Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния».

5. Трофимец И.А. Система органов, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-organov-osuschestvlyayuschih-gosudarstvennuyu-registratsiyu-aktov-grazhdanskogo-sostoyaniya> (дата обращения: 12.06.2025).

6. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Об актах гражданского состояния (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).

KUZMINA Valeria Evgenievna

Student, Siberian Law University, Russia, Omsk

REGISTRATION OF ACTS OF CIVIL STATUS AND ITS LEGAL SIGNIFICANCE

Abstract. The article discusses the specifics of civil registration. The author reveals the legal significance of the registration of acts of civil status. The procedure and consequences of registration of acts are disclosed.

Keywords: acts of civil status, birth, rights, consequences, registry office, registration.

Нгуен Чонг Тьен

кандидат юридических наук, преподаватель,
Академия народной безопасности,
Вьетнам, г. Ханой

Льонг Чунг Киен

преподаватель,
Академия народной безопасности,
Вьетнам, г. Ханой

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗВРАТА АКТИВОВ В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ О КОРРУПЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ВО ВЬЕТНАМЕ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. Возврат активов, утративших законный характер в результате совершения коррупционных и экономических преступлений, представляет собой важнейший элемент обеспечения неотвратимости наказания и восстановления справедливости. Следственные органы, как ключевое звено в механизме уголовного преследования, наделены функциональными полномочиями, позволяющими эффективно осуществлять розыск и арест имущества. Статья посвящена анализу действующих уголовно-процессуальных норм Вьетнама, регламентирующих полномочия следственных органов, особенностям их реализации на практике, а также формулировке предложений по устранению существующих правовых и организационных пробелов.

Ключевые слова: Вьетнам, возврат активов, коррупционные преступления, следственные органы, арест имущества, уголовно-процессуальное законодательство, международное сотрудничество.

Введение

Эффективная борьба с преступлениями коррупционной и экономической направленности требует не только установления виновных лиц и назначения справедливого наказания, но и восстановления имущественного положения пострадавших лиц и государства. В этом контексте возврат активов приобретает характер стратегической задачи уголовной политики, отражая приверженность государства принципу правовой справедливости и неотвратимости юридической ответственности.

Роль следственных органов в системе возврата активов заключается в своевременном выявлении имущества, связанного с преступной деятельностью, и применении обеспечительных мер. Не менее значимо и то, что эффективность данной работы находится в прямой зависимости от качества нормативной базы, уровня подготовки персонала и степени межведомственной координации. Вьетнам, демонстрируя устойчивую политическую волю к искоренению коррупции, предпринимает

последовательные шаги по совершенствованию механизмов возврата активов, однако сохраняются определённые правовые и практические барьеры, требующие научного осмысления и правового урегулирования.

Теоретико-правовые основы участия следственных органов в возврате активов

Правовая база возврата активов, полученных преступным путём в результате коррупции во Вьетнаме

Правовая основа для возврата активов, связанных с коррупцией во Вьетнаме, формируется как результат комплексного взаимодействия нормативных правовых актов и политико-правовых решений, отражающих как юридическую, так и политическую волю государства. Эта система имеет многоуровневую структуру, тесно взаимосвязанную и служащую прочной основой для реализации антикоррупционной политики, особенно в части возвращения имущества, полученного незаконным путем.

Одним из ключевых элементов данной правовой основы является Закон о предотвращении и борьбе с коррупцией 2018 года, статья 93 которого чётко закрепляет ответственность государства за возврат имущества, приобретённого в результате коррупционных действий [3]. Закон устанавливает базовый принцип: активы, полученные вследствие коррупционных действий, должны быть возвращены законным владельцам, а причинённый ущерб – возмещён. Это положение отражает политику государства, направленную на устранение правовых «лазеек» и защиту законных интересов как государства, так и пострадавших сторон.

Наряду с этим, Уголовно-процессуальный кодекс 2015 года выступает в качестве основного правового инструмента, регулирующего порядок и меры обеспечения возврата активов. К числу таких мер относятся изъятие вещественных доказательств (статьи 89 и 90), наложение ареста на имущество (статья 128) и блокировка банковских счетов (статья 129). Эти положения образуют систему «предотвращающих барьеров», направленную на ограничение возможности сокрытия или вывода активов уже на начальной стадии расследования. Особенно в условиях усложняющихся экономико-финансовых преступлений с применением схем отмывания денег и фиктивных сделок, блокировка счетов приобретает всё большее значение [8].

Помимо правовых инструментов системы, политические документы Коммунистической партии Вьетнама – такие как резолюции и директивы – играют стратегическую роль в направлении и стимулировании правоприменения. Хотя эти документы не обладают обязательной юридической силой, они имеют важное значение для формирования политической воли, координации деятельности компетентных органов и развития межведомственного взаимодействия. Типичным примером является Директива № 04-СТ/TW 2021 года, подчёркивающая необходимость усиления координации между следственными органами, прокуратурой, судами, инспекцией и органами аудита. Партия также придаёт особое значение профилактике, включая контроль за декларированием имущества, развитие безналичных расчётов и повышение прозрачности управления государственной собственностью [6].

Таким образом, можно утверждать, что правовая основа возврата коррупционных активов во Вьетнаме построена достаточно комплексно, охватывая как стратегические

принципы, так и конкретные механизмы реализации. Сочетание Закона о борьбе с коррупцией, Уголовно-процессуального кодекса и директивных документов Партии сформировало своеобразную «правовую экосистему», соответствующую международным стандартам, прежде всего положениям Конвенции ООН против коррупции, участником которой является Вьетнам [1].

Тем не менее правоприменительная практика сталкивается с рядом вызовов. Основной проблемой остаются трудности доказывания незаконного происхождения активов, особенно в случаях, когда преступники используют сложные схемы отмывания, фиктивных сделок или регистрируют имущество на третьих лиц. Вывод активов за границу также требует высокоэффективного международного сотрудничества и правовой взаимопомощи. Кроме того, отсутствие согласованности между органами и ограниченные профессиональные навыки исполнителей могут снижать эффективность возврата имущества, несмотря на формально достаточную нормативную базу [11].

В заключение следует отметить, что Вьетнам выстроил достаточно строгую и перспективную модель правового регулирования возврата активов, связанных с коррупцией. Вместе с тем, для повышения практической эффективности необходимо продолжить совершенствование механизмов реализации, укреплять профессиональную подготовку и этические стандарты кадров, а также развивать меры ранней и превентивной профилактики.

Полномочия органов предварительного расследования в возврате активов: центральная роль и актуальные требования

В уголовных делах, связанных с коррупцией и экономическими преступлениями, органы предварительного расследования играют ключевую роль в выявлении, проверке происхождения и инициировании мер по изъятию активов, полученных преступным путём. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству Вьетнама, полномочия следственных органов включают:

1. Розыск активов, имеющих признаки преступного происхождения;
2. Применение мер обеспечения на ранних стадиях;
3. Сбор доказательств, подтверждающих связь имущества с преступлением;

4. Межведомственное взаимодействие с прокуратурой, судами и органами исполнительного производства.

Розыск активов и установление их происхождения

Согласно статьям 88 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама (2015), следственные органы вправе собирать материалы, документы и предметы, имеющие значение для уголовного дела, в том числе имущество, полученное в результате преступления или использованное для его совершения [8]. На практике активы часто маскируются путём сложных финансовых операций, фиктивных сделок или передачи третьим лицам. В таких случаях следственным органам необходимо использовать методы финансового анализа и сотрудничать с банками, финансовыми учреждениями и Агентством по борьбе с отмыванием денег.

Особую значимость имеет статья 10 Закона о противодействии отмыванию денег (2022), согласно которой следственные органы могут получать доступ к подозрительным финансовым операциям и счетам при наличии соответствующего запроса [5].

Применение обеспечительных мер

На стадии возбуждения дела следственные органы вправе применить или ходатайствовать о применении прокуратурой таких мер, как арест имущества, замораживание банковских счетов и временное изъятие активов (статьи 128 и 129 УПК) [9]. Эти меры направлены на предотвращение сокрытия или отчуждения активов и обеспечение исполнения судебных решений.

Тем не менее на практике применение таких мер затрудняется отсутствием единой базы данных об активах и недостатком нормативной конкретизации риска утраты имущества.

Сбор доказательств, подтверждающих преступное происхождение имущества

Следственные органы обязаны доказать, что конкретное имущество имеет отношение к совершённом преступлению. Это особенно сложно в делах экономической направленности, где активы могут быть трансформированы, объединены или скрыты. Требуется проведение комплексной экспертизы, установление цепочки владения, финансовых потоков и фактических выгодоприобретателей.

Если активы находятся за рубежом, следственные органы могут воспользоваться механизмами международного правового сотрудничества, в том числе правовой помощью

(глава XXXVI УПК, ст. 493 и далее), а также положениями Конвенции ООН против коррупции (UNCAC), участником которой является Вьетнам.

Взаимодействие с другими субъектами уголовного преследования и исполнения решений

Эффективность возврата активов зависит не только от действий следственных органов, но и от их координации с прокуратурой (в части санкционирования обеспечительных мер), судами (в части принятия решений о конфискации) и органами принудительного исполнения (в части реализации имущества) [4].

Хотя Закон об исполнительном производстве (ред. 2014 г.) предусматривает исполнение решений по уголовным делам в части имущественных взысканий, на практике остаются проблемы фрагментации данных, несогласованности действий и отсутствия эффективных механизмов межведомственного взаимодействия.

Практический анализ: достижения и барьеры

Положительная динамика

В последние годы наблюдается положительная тенденция в возврате активов по делам о коррупции и экономических преступлениях во Вьетнаме. По данным Центрального Комитета по внутренним делам ЦК КПВ и Государственной контрольной комиссии, в 2024 году было возвращено в государственный бюджет более 22 трлн донгов, что на 21% больше по сравнению с 2023 годом [10].

Особого внимания заслуживает дело *Vạn Thịnh Phát* (Ван Тхинь Фат) – одно из крупнейших коррупционных дел в истории Вьетнама. В ходе следствия обвиняемая сторона добровольно возместила государству свыше 673 трлн донгов (примерно 28 млрд долларов США), включая денежные средства, акции, недвижимость и ценные бумаги [10]. Это не только стало знаковым прецедентом добровольного возмещения, но и свидетельствует о повышении эффективности обеспечительных мер (арестов, замораживания активов), принимаемых следственными органами на раннем этапе расследования.

Кроме того, благодаря усилению координации между следственными органами и Комиссией по финансовому мониторингу, в 2023–2024 гг. было выявлено и заморожено более 1.500 банковских счетов, подозреваемых в связях с преступной деятельностью, на сумму

свыше 6 трлн донгов, что позволило временно предотвратить отчуждение активов.

Сложности реализации

Несмотря на достижения, практика возврата активов сталкивается с рядом системных и правовых барьеров, ограничивающих её эффективность.

Отсутствие нормативного регулирования цифровых активов (криптовалют, токенов и NFT) – до настоящего времени ни Уголовный кодекс, ни УПК, ни Закон о борьбе с отмыванием денег (2022) не содержат чёткой правовой дефиниции и порядка ареста таких активов несмотря на то, что они всё чаще используются для сокрытия средств.

Правовой вакуум на стадии до возбуждения уголовного дела: согласно статье 100 УПК (2015), обеспечительные меры могут быть применены только после возбуждения уголовного дела. Это означает, что подозреваемый может вывести или скрыть активы до официального начала расследования, особенно если есть утечка информации или задержки в согласовании действий между прокуратурой и полицией.

Ограниченные кадровые ресурсы и профессиональная подготовка: согласно отчётам Министерства общественной безопасности, только около 12% следователей имеют подготовку по финансовой аналитике и цифровой криминалистике, необходимую для расследования сложных экономических схем и транснациональных каналов отмывания денег [7].

Международные трудности: несмотря на участие Вьетнама в Конвенции ООН против коррупции и наличие двусторонних соглашений о взаимной правовой помощи с более чем 40 странами, в 2023 году менее 30% международных запросов о блокировке активов были выполнены полностью или частично. Наиболее сложными остаются случаи, когда активы находятся в офшорных юрисдикциях или в странах, не имеющих с Вьетнамом соглашений о правовой помощи.

Фрагментация информационных баз: отсутствие единого реестра собственности (включая недвижимость, корпоративные права, банковские счета и движимое имущество) затрудняет быстрое выявление и арест активов. Информация до сих пор хранится разрозненно – в системах Министерства юстиции, Банка Вьетнама, налоговых органов и местных Кадастровых управлений.

Совершенствование правовой и институциональной базы: приоритетные направления

Анализ текущей правоприменительной практики в сфере возврата активов в делах о коррупции и экономических преступлениях свидетельствует о наличии устойчивых системных барьеров, требующих комплексного нормативного и институционального реагирования. В целях повышения эффективности данной деятельности представляется целесообразным выделить следующие ключевые направления совершенствования правового и организационного обеспечения.

Расширение процессуальных полномочий следственных органов на досудебной стадии

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама ограничивает возможность применения обеспечительных мер исключительно рамками возбужденного уголовного дела. Это создает правовой вакуум, в рамках которого активы подозреваемых могут быть выведены за рубеж или переписаны на аффилированных лиц до начала формальной фазы преследования.

С учётом международного опыта, представляется обоснованным законодательное закрепление возможности ареста имущества, блокировки счетов и временного изъятия активов на стадии предварительной проверки при наличии обоснованных подозрений, с последующим судебным контролем. Данная мера позволит минимизировать риски утраты активов и обеспечить эффективность дальнейших процессуальных действий.

Правовое признание и регулирование цифровых активов

Современная структура коррупционных и экономических преступлений всё чаще включает использование криптовалют и других форм цифровых активов, что существенно осложняет процесс их выявления, оценки и обращения в доход государства. Несмотря на рост таких операций действующее законодательство не содержит чётких правовых механизмов их ареста и обращения.

Необходимо нормативное определение цифровых активов в национальной правовой системе, а также установление процедуры их идентификации, ареста и обращения. Это, в частности, предполагает взаимодействие с международными криптовалютными платформами, внедрение блокчейн-аналитики и техническое переоснащение следственных органов.

Внедрение института гражданской конфискации

Применение института гражданской конфискации, не требующего вынесения обвинительного приговора, представляется эффективным механизмом возврата имущества в случае, когда традиционные уголовно-правовые инструменты становятся неэффективными – например, при смерти обвиняемого, его бегстве или уклонении от следствия. Подобная практика применяется в ряде юрисдикций (Италия, Великобритания, Южная Корея) и может быть адаптирована в национальную правовую систему через принятие специального закона о гражданской конфискации.

Такой механизм должен предусматривать чёткие критерии незаконного происхождения активов, судебную процедуру конфискации в гражданско-правовом порядке и надлежащие гарантии прав добросовестных владельцев.

Создание единого межведомственного реестра активов и доходов

Разрозненность ведомственных баз данных в значительной степени препятствует оперативному установлению имущества, подлежащего аресту и возврату. В этой связи необходимо институционализировать единый межведомственный цифровой реестр, объединяющий информацию о недвижимом имуществе, банковских счетах, корпоративных правах, транспортных средствах и цифровых активах физических и юридических лиц.

Доступ следственных органов к такому реестру позволит существенно сократить сроки проведения финансовых расследований и повысить результативность обеспечительных мер. По оценкам Государственной аудиторской службы, подобная интеграция способна снизить сроки установления имущества на 40–60%.

Развитие международного правового сотрудничества

Вопрос возврата активов, находящихся за пределами национальной юрисдикции, напрямую зависит от эффективности международной правовой помощи. На практике выполнение запросов о замораживании активов в иностранных юрисдикциях сопровождается значительными временными и процедурными издержками, особенно в государствах, не имеющих соглашений о правовой помощи с Вьетнамом.

Для преодоления указанных ограничений необходимо активизировать процесс

заключения двусторонних и многосторонних соглашений, присоединение к международным инициативам (в частности, StAR Initiative при Всемирном банке и UNODC), а также формирование специализированных подразделений по сопровождению трансграничных дел в составе Министерства юстиции.

Усиление кадрового потенциала и технической оснащённости

Реализация описанных мер требует соответствующего кадрового и технического обеспечения. В приоритетном порядке необходимо:

- внедрение регулярных программ подготовки следователей, прокуроров и сотрудников антикоррупционных подразделений по вопросам финансовой аналитики, цифровой криминалистики и трансграничного контроля;
- оснащение компетентных органов современными программными решениями по отслеживанию движения активов и аналитике транзакций;
- создание научно-экспертного центра при Академии Народной прокуратуры, специализирующегося на исследованиях и методическом сопровождении деятельности по возврату активов.

Заключение

Следственные органы играют фундаментальную роль в системе возврата активов, формируя базис для последующего правосудного решения. Эффективность их деятельности зависит от качества нормативной базы, уровня подготовки и межведомственного взаимодействия. Представленные в статье предложения ориентированы на устранение институциональных барьеров и укрепление потенциала следственных органов, что в совокупности будет способствовать построению правового государства, основанного на принципах законности и социальной справедливости.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC), 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 02.06.2025).
2. Директива № 04-СТ/TW Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама от 02.06.2021 г.
3. Национальное собрание СРВ. Закон о борьбе с коррупцией № 36/2018/QН14 от 20.11.2018, статья 93.

4. Национальное собрание СРВ. Закон об Исполнительном производстве (2008 г., ред. 2014 г.).

5. Национальное собрание СРВ. Закон о противодействии отмыванию денег (2022 г.).

6. Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама. Резолюция № 04-NQ/TW, 2006 г.

7. Нгуен Тхи Тхань Там. Правовые вопросы возврата коррупционных активов. Журнал права, № 10/2022.

8. Национальное собрание СРВ. Уголовно-процессуальный кодекс (2015 г., ред. 2021 г.).

9. Министерство общественной безопасности Вьетнама. Циркуляр №28/2020/ТТ-ВСА от 26.03.2020.

10. Национальный комитет по борьбе с коррупцией. Отчет 2025 г.

11. Ву Тхи Хоа. Некоторые решения по повышению эффективности возврата активов, полученных преступным путём. Журнал прокуратуры, № 24/2023.

Nguyen Trong Tien

Candidate of Law, Lecturer,
People's Security Academy,
Vietnam, Hanoi

Luong Trung Kien

Lecturer,
People's Security Academy,
Vietnam, Hanoi

**THE ROLE OF INVESTIGATIVE BODIES IN ENSURING ASSET RECOVERY
IN CRIMINAL CASES OF CORRUPTION AND ECONOMIC OFFENSES
IN VIETNAM: LEGAL FRAMEWORK AND PRACTICAL APPROACHES**

Abstract. *The recovery of assets lost as a result of corruption and economic crimes constitutes a crucial element in ensuring accountability and justice. Investigative bodies, as a central component of criminal proceedings, are vested with powers to detect, trace, and seize illicit assets. This article provides a comprehensive analysis of the legal framework governing the powers of investigative agencies in Vietnam, explores the practical aspects of asset tracing and seizure, identifies systemic and procedural challenges, and formulates recommendations aimed at improving institutional capacity and legal mechanisms.*

Keywords: *Vietnam, asset recovery, corruption-related crimes, investigative bodies, seizure of property, criminal procedure law, international legal cooperation.*

ОСАВОЛЮК Максим Владимирович
студент,
Донецкий государственный университет,
Россия, г. Донецк

*Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права и процесса
Донецкого государственного университета, кандидат юридических наук
Соловьёва Юлия Александровна*

УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ НЕСОБЛЮДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются условия применения способов защиты гражданских прав в Российской Федерации. Выделяются общие и частные условия применения способов защиты, а также рассматриваются их правовые последствия в случае несоблюдения. Статья подчеркивает важность соблюдения конкретных условий для эффективной защиты гражданских прав и предотвращения злоупотреблений.

Ключевые слова: гражданское право, защита гражданских прав, способы защиты гражданских прав, условия защиты гражданских прав, применение способов защиты гражданских прав, законность, справедливость.

В современном законодательстве Российской Федерации условия применения гражданско-правовых способов защиты прямо не указаны, хотя при изучении положений о конкретных способах защиты можно найти условия их применения. Другими словами, в российской правовой системе отсутствует конкретный перечень общих условий применений способов защиты гражданских прав.

Если обратиться к научной литературе, то по данной теме практически нет работ, кроме диссертации Латыпова Д. Н. [4], в которой он, в том числе, затронул вопросы условий применения способов защиты гражданских прав и правовых последствий их несоблюдения.

Латыпов Д. Н. в своей диссертации дал определение понятия условий защиты гражданских прав (что, по своей сути, равнозначно понятию условия применения способов защиты гражданских прав). Под данной категорией автор понимает «обязательные требования, соблюдение и выполнение которых влечёт возможность применения способа защиты субъективного гражданского права» [4, с. 160]. В целом, считаем данное определение достаточно точным и соответствующим по смыслу.

Говоря об условиях защиты гражданских прав (условиях применения способов защиты гражданских прав), важно отграничить данное

понятие от оснований гражданско-правовой защиты, под которыми подразумеваются обстоятельства, оправдывающие действия по защите права и волевое поведение управомоченного лица, нацеленное на защиту своего права [7, с. 141]. В частности, основанием применения способов защиты гражданских прав может являться как гражданское правонарушение, так и угроза нарушения или препятствие для осуществления гражданских прав в соответствующих случаях.

Условия применения способов защиты гражданских прав могут быть как общие, так и частные. Общие условия необходимо соблюдать при применении любого такого способа защиты под угрозой отказа в защите или признания предпринятых действий незаконными, самоуправными.

Латыпов Д. Н. к общим условиям применения способов защиты гражданских прав относит следующие [4, с. 178]:

1. Принадлежность субъективного гражданского права управомоченному лицу или лицу (лицам), в интересах которого (которых) в предусмотренных законодательством случаях применяется защита;

2. Наличие нарушенного либо оспариваемого права (имеющееся нарушенное право вызвано правонарушением или посягательством

на право, а оспариваемое право, в свою очередь, обусловлено угрозой нарушения);

3. Направленность выбранного способа защиты на достижение целей защиты субъективного гражданского права;

4. Соразмерность выбранного способа защиты последствиям нарушения или оспаривания права;

5. Соответствие выбранного способа характеру нарушения в случаях, предусмотренных законодательством.

Первое условие – принадлежность гражданского права управомоченному лицу или лицу, в интересах которого применяется защита – является фундаментальным и признаётся обязательным судебной практикой [6]. Данное условие представляется очевидным и разумным, ведь, не имея определённого права, нельзя его защитить. Если происходит защита неограниченного круга лиц, например согласно статье 46 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации [2], соответственно, такая группа лиц, в интересах которой осуществляется защита, действительно должна обладать конкретным правом.

Второе условие, которое одновременно является и стартовым, ключевым основанием, применения гражданско-правовых способов защиты – наличие нарушенного или оспариваемого права – подразумевает необходимость факта совершенного, совершаемого правонарушения или посягательства на субъективное право лица, либо факта оспариваемого права, обоснованного угрозой нарушения гражданского права.

Третье условие состоит в направленности выбранного способа защиты на достижение целей защиты субъективного гражданского права. Другими словами, это условие представляется возможным назвать нацеленностью на защиту или еще проще – целенаправленностью. Конкретными целями защиты гражданских прав, может быть, обеспечение частных интересов в виде восстановления права и положения, возмещение потерь, пресечение правонарушений и т. п. По нашему мнению, нацеленность на защиту является частью принципа добросовестности. Если субъект, применяя способ защиты, преследует иную цель, не связанную с защитой своих прав (например, злоупотребляет правом), его действия и намерения можно считать недобросовестными. Субъект не должен злоупотреблять своим правом на защиту. При этом, данное условие тесно

связано с принципом соразмерности (справедливости), так как оба направлены на недопущение злоупотреблений и обеспечение баланса интересов.

Условие четвертое – соразмерность выбранного способа защиты последствиям нарушения или оспаривания права – представляет собой не что другое, как соблюдение общеправового принципа справедливости. Нарушенное положение должно быть восстановлено в прежнем виде либо потери должны быть компенсированы без преувеличения или недодачи. Условие соразмерности непосредственно требуется при самозащите гражданских прав. Статья 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] гласит, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Так, закон не допускает возмездия со стороны пострадавшего и самоуправное наказание нарушителя, которое может быть несоразмерным.

Пятое условие – соответствие выбранного способа характеру нарушения – гражданско-правовой способ защиты должен быть адекватен конкретному виду нарушения права и его последствиям. Данное условие требует, чтобы выбранный способ защиты соответствовал правовой природе нарушения и был нацелен на устранение его последствий.

По нашему мнению, помимо вышеприведённых условий, к общим условиям применения способов защиты гражданских прав следует также отнести соблюдение принципа законности в узком и широком смыслах, а также выбор правильной формы защиты права (юрисдикционной или неюрисдикционной).

Соблюдение принципа законности в широком смысле, как условие применения гражданско-правовых способов защиты, означает соблюдение всех положений и принципов гражданского законодательства при применении конкретного способа защиты. Сюда входит также правомерность, разумность и ранее упомянутая справедливость.

В узком смысле соблюдение законности выражается в точном следовании нормам ГК РФ и соблюдении установленного порядка защиты права, в том числе в плане юрисдикционной или неюрисдикционной формы. Здесь подразумевается то, что субъект должен выбрать правильную форму защиты: с помощью компетентных органов или без участия таких. Например, при причинении морального вреда, не

представляется возможным реализация способа защиты – компенсация морального вреда в неюрисдикционной форме, если причинитель вреда не согласен добровольно загладить вину в запрашиваемом объёме или уклоняется от этого иным образом.

Частные условия применения способов защиты гражданских прав – условия, относящиеся к конкретным способам защиты, соблюдение которых является обязательным.

Так, к частным условиям применения способа защиты в виде приостановления исполнения своего обязательства или отказа от его исполнения на основании обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что другая сторона не произведёт исполнение в установленный срок, является обязанность в разумный срок предупредить другую сторону об этом (п. 3 ст. 307 ГК РФ) [5].

Частным условием применения способа самозащиты является соблюдение пределов, которые необходимы для пресечения нарушения (ст. 14 ГК РФ).

В свою очередь, одним из частных условий применения способа защиты в виде компенсации морального вреда есть наличие физических либо нравственных страданий, то есть морального вреда как последствия нарушения личных неимущественных прав или посяательства на иные нематериальные блага [3, с. 178].

Как было отмечено ранее, правовыми последствиями несоблюдения условий применения гражданско-правовых способов защиты является отказ в защите субъективного права (если имела место юрисдикционная форма защиты) либо признание принятых мер незаконными, самоуправными (если субъект предпринял меры без обращения в суд либо в иной компетентный орган в случае, когда реализация определённого способа защиты по закону возможна лишь юрисдикционным путём, или превысил пределы самообороны). К тому же суд может не применить избранный способ защиты, не соответствующий характеру нарушения, или признать защиту излишней в случае, если выбранный способ несоразмерен последствиям нарушения, что само по себе ограничивает права ответчика.

Таким образом, существует шесть основных условий применения способов защиты гражданских прав, которые должны соблюдаться в каждом случае одновременно:

1. Принадлежность субъективного гражданского права управомоченному лицу или лицу, в интересах которого в предусмотренных законодательством случаях применяется защита;
2. Наличие нарушенного либо оспариваемого права;
3. Целенаправленность и добросовестность;
4. Справедливость;
5. Соответствие выбранного способа характеру нарушения в случаях, предусмотренных законодательством;
6. Законность, в том числе соблюдение установленного порядка защиты права.

Несоблюдение одного из названных условий влечёт отказ в защите субъективного права либо признание предпринятых мер неправомерными.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 11.06.2025).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> (дата обращения: 11.06.2025).
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой: (постатейный) / рук. авт. коллектива и отв. ред. О.Н. Садиков; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Президенте Российской Федерации. – Изд. 3-е, испр., доп. и перераб. с использованием судебно-арбитражной практики. – Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2012. – 1061 с.
4. Латыпов Д.Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук: 5.1.3 – Частноправовые (цивилистические) науки / Д.Н. Латыпов – Пермь, 2022. – 482 с.
5. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: Постановление Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=oZdtdQ&base=LAW&n=207545&dst=100138&field=134#NWUcqTU3vGCR0mxJ> (дата обращения: 11.06.2025).

6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21 декабря 2020 № Ф01-13537/2020 по делу № А29-17115/2019 /

СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=97204#GbH3IgUWE9L960VA1> (дата обращения: 11.06.2025).

7. Саватеев В.Ю. Гражданско-правовая защита прав участников предпринимательских отношений: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.Ю. Саватеев – Самара, 2007. – 170 с.

OSAVOLYUK Maxim Vladimirovich

Student,
Donetsk State University,
Russia, Donetsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
at Donetsk State University, PhD in Law Solovieva Yulia Aleksandrovna*

CONDITIONS FOR THE APPLICATION OF METHODS OF PROTECTING CIVIL RIGHTS AND THE LEGAL CONSEQUENCES OF THEIR NON-COMPLIANCE

Abstract. *The article examines the conditions for the application of methods for protecting civil rights in the Russian Federation. General and specific conditions for the application of methods of protection are highlighted, and their legal consequences in case of non-compliance are considered. The article emphasizes the importance of complying with specific conditions for the effective protection of civil rights and the prevention of abuse.*

Keywords: *civil law, protection of civil rights, methods of protection of civil rights, conditions of protection of civil rights, application of methods of protection of civil rights, legality, justice.*

ПОЛУЭКТОВА Екатерина Игоревна

студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации – Липецкий филиал, Россия, г. Липецк

*Научный руководитель – доцент Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации – Липецкого филиала,
кандидат юридических наук Климов Андрей Сергеевич*

НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ РЕМОНТ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И ВЫПУСК ИХ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ С ТЕХНИЧЕСКИМИ НЕИСПРАВНОСТЯМИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В научной юридической литературе отмечается важность юридических норм, в которых установлены нормативные основания уголовной ответственности за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями и нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с ненадлежащим ремонтом транспортных средств и их эксплуатацией с техническими неисправностями. Проводится уголовно-правовой анализ соответствующих составов преступлений, исследуются криминологические особенности данного вида правонарушений.

Ключевые слова: транспортные средства, недоброкачественный ремонт, технические неисправности, уголовная ответственность, дорожно-транспортные происшествия.

Современная транспортная инфраструктура предполагает обязательное соблюдение строгих требований к техническому состоянию транспортных средств. Однако на практике значительное количество дорожно-транспортных происшествий происходит по причине эксплуатации технически неисправных транспортных средств, что нередко связано с ненадлежащим качеством их ремонта. Данная проблема требует комплексного уголовно-правового и криминологического осмысления.

А. С. Яшина отмечает: «Большой процент происшествий на транспорте связан с проблемами эксплуатации и функционирования транспортной инфраструктуры. Главная причина нарушений функционирования инфраструктуры основных фондов транспорта – технические неисправности» [4, с. 46]. Основной целью механизма правового регулирования уголовной ответственности за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями, по нашему мнению, снижение количество ДТП, которые происходят из-за неисправностей транспортных средств, и, рост которых наблюдается каждый год.

Статистика не отражает в полной мере опасности неисправного технического состояния. Так, за недоброкачественный ремонт транспортных средств или выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями, общественно опасными последствиями которых являлось причинение смерти двум и более лицам по неосторожности (ч. 3 ст. 266 УК РФ), в 2023 году осужден 1 (–66,7%) человек.

В российском уголовном праве ответственность за ненадлежащий ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с неисправностями предусмотрена несколькими статьями УК РФ:

1. Статья 238 УК РФ «Выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» – основной состав, применяемый при ненадлежащем ремонте.
2. Статья 266 УК РФ «Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями».
3. Статья 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» – при наступлении тяжких последствий.

Особого внимания заслуживает вопрос разграничения этих составов и их правильной квалификации.

В научной юридической литературе можно встретить несколько подходов к определению содержания основного объекта преступлений в ст. 266 УК РФ.

Так, О. Г. Мотин, определяя содержание объекта преступлений в ст. 266 УК, пишет следующее: «... ст. 266 УК РФ охраняет безопасность движения и эксплуатации воздушного, водного, железнодорожного, автомобильного и мототранспорта, а также городского электротранспорта. Безопасность эксплуатации и ремонта магистрального трубопроводного транспорта охраняется специальными нормами, предусмотренными ст. 269 УК РФ». А. В. Козун, в свою очередь, отмечает следующее: «В качестве объекта недоброкачественного ремонта транспортных средств и выпуска их в эксплуатацию с техническими неисправностями выступают охраняемые уголовным законом общественные отношения, складывающиеся по поводу безопасности движения и эксплуатации транспорта, структурно включающие в себя техническую безопасность транспортных систем как обязательное условие обеспечения нормального функционирования транспортной безопасности» [3, с. 93].

Расследование преступлений, связанных с некачественным ремонтом транспортных средств, сталкивается с рядом принципиальных сложностей, требующих комплексного подхода. Центральной проблемой становится установление прямой связи между дефектами ремонта и последствиями в виде ДТП. Эта задача осложняется множеством сопутствующих факторов – от естественного износа деталей до ошибок в эксплуатации, что требует проведения многоуровневой экспертизы с привлечением специалистов различных профилей.

Особую сложность представляет определение круга ответственных лиц в условиях современной организации автосервисов. Разветвленная структура предприятий, коллективный характер принятия решений и зачастую несовершенная система документооборота создают серьезные препятствия для установления персональной вины конкретных сотрудников. Следователям приходится тщательно анализировать систему распределения обязанностей и уровень профессиональной подготовки персонала, чтобы выявить действительных виновников [4, с. 47].

На основании анализа правоприменительной практики и научной юридической литературы можно сделать вывод, что недоброкачественный ремонт может привести к появлению технических неисправностей, которые делают небезопасным эксплуатацию транспортных средств или конструктивных элементов транспортной инфраструктуры (транспортных средств). Экспертная деятельность в таких случаях требует особой тщательности и междисциплинарного подхода. Специалистам необходимо не только выявить технические неисправности, но и определить, стали ли они следствием нарушения технологии ремонта, использования некачественных материалов или иных производственных нарушений. При этом состояние деталей после аварии зачастую существенно затрудняет проведение полноценного исследования.

Не менее сложной задачей является доказывание субъективной стороны преступления. Следователям предстоит установить, действовал ли обвиняемый умышленно или по неосторожности, мог ли он предвидеть последствия своих действий, руководствовался ли корыстными мотивами. Для этого требуется всесторонний анализ документации, свидетельских показаний и других доказательств, позволяющих восстановить полную картину событий. Большинство исследователей считает, что субъективная сторона преступлений, составы которых закреплены в ст. 266 УК РФ, характеризуется неосторожной виной в виде легкомыслия либо небрежности.

Эффективное расследование подобных дел возможно только при условии тесного взаимодействия правоохранительных органов с экспертами различных специальностей. Современные методики и межведомственное сотрудничество позволяют преодолевать объективные трудности и обеспечивать справедливое правосудие в этой сложной категории дел.

Таким образом, проблема ненадлежащего ремонта транспортных средств требует комплексного подхода, сочетающего уголовно-правовые меры воздействия с профилактическими мероприятиями. Особое значение имеет совершенствование методики расследования таких преступлений и разработка четких критериев оценки качества ремонтных работ. Анализ следственной и судебной практики позволяет выявить характерные черты данного вида преступлений: чаще всего субъектами выступают работники автосервисов, сотрудники

транспортных предприятий, способ совершеншения - использование некачественных запчастей, несоблюдение технологий ремонта. Отмечается высокий уровень скрытых преступлений в данной сфере, и при этом – создание реальной угрозы жизни и здоровью участников дорожного движения.

Литература

1. Авдийский В.И. Криминология и предупреждение преступлений: учебник для среднего профессионального образования. 2-е изд., перераб. и доп. / В.И. Авдийский, – Москва: изд-во Юрайт, 2019. – 301 с.

2. Лияскин Н.В. Автотранспортные преступления как преступления, посягающие на

безопасность движения и эксплуатации транспортных средств / Н.В. Лияскин // Аспирант. – 2022. – № 3 (71). – С. 27-29.

3. Мотин О.Г. Проблемы уголовной ответственности за посягательства на частноправовые отношения в сфере безопасности, возникающие в процессе технического обслуживания и эксплуатации транспортных средств / О.Г. Мотин // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 93-97.

4. Яшина А.С. Безопасность функционирования транспорта как объект правонарушения в уголовно-правовом законодательстве / А.С. Яшина // Вестник науки и образования. – 2019. – № 24-3 (78). – С. 46-50.

POLUEKTOVA Ekaterina Igorevna

Student,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration – Lipetsk Branch,
Russia, Lipetsk

Scientific Advisor – Associate Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration – Lipetsk Branch, Candidate of Law Klimov Andrey Sergeevich

SUBSTANDARD REPAIR OF VEHICLES AND THEIR COMMISSIONING WITH TECHNICAL MALFUNCTIONS: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Abstract. *The scientific legal literature notes the importance of legal norms, which establish the normative grounds for criminal liability for substandard repair of vehicles and their commissioning with technical malfunctions and violations of the rules ensuring the safe operation of transport. The article considers a set of problems related to improper repair of vehicles and their operation with technical malfunctions. A criminal law analysis of the relevant elements of crimes is carried out, the criminological features of this type of offenses are investigated.*

Keywords: *vehicles, substandard repairs, technical irregularities, criminal liability, traffic accidents.*

РАССКАЗОВА София Артемовна

студентка,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Россия, г. Москва

*Научный руководитель – доцент Российской государственной академии
интеллектуальной собственности, кандидат экономических наук Чибисова Елена Ивановна*

НЕЙРОСЕТИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СГЕНЕРИРОВАННОГО КОНТЕНТА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты использования нейросетей и искусственного интеллекта (ИИ) в предпринимательской деятельности, с акцентом на вопросы авторских прав на сгенерированный контент и ответственность за их нарушение. Исследование анализирует российское законодательство, судебную практику и международный опыт, выявляя, что авторскими правами на произведения, созданные ИИ без творческого участия человека, не признаются. Авторство и правообладание принадлежат лицу, внесшему творческий вклад, использующему нейросеть как инструмент. Ответственность за нарушение авторских прав несет конечный пользователь технологии, а также разработчики нейросетей, особенно при обучении на защищенных материалах без разрешения. Для снижения рисков рекомендуется заключение договоров с правообладателями и использование лицензированных баз данных. Статья подчеркивает необходимость законодательного закрепления понятия ИИ и нейросети, а также разработки комплексного правового регулирования, обеспечивающего баланс между инновациями и защитой интеллектуальной собственности в бизнесе.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, предпринимательская деятельность, авторские права, сгенерированный контент, ответственность, правовое регулирование, интеллектуальная собственность, творческий вклад, законодательство РФ, судебная практика, международный опыт.

Цель исследования – установить особенности правовых аспектов использования нейросетей в предпринимательской деятельности. Проблема исследования состоит в том, что использование нейросетей и искусственного интеллекта (ИИ) в предпринимательской деятельности становится все более распространенным. Они позволяют автоматизировать бизнес-процессы, улучшать анализ данных и создавать новый контент – тексты, изображения, музыку и др. Однако с этим связаны значительные правовые риски, особенно в сфере авторских прав на сгенерированный контент. Методология исследования включает в себя анализ научной литературы, а также нормативно-законодательной базы проблемы.

В России крупные компании, такие как Сбербанк, «Норильский никель», «Северсталь» и «ФосАгро», активно внедряют нейросети для повышения эффективности производства, маркетинга и клиентского сервиса. Они используют генеративный ИИ для создания

контента, аналитики, автоматизации рутинных задач и разработки новых продуктов. При этом особое внимание уделяется безопасности, контролю качества и соблюдению правовых норм. Внедрение нейросетей позволяет бизнесу: сократить затраты на маркетинг и производство контента, ускорить принятие решений и повысить качество аналитики, оптимизировать численность сотрудников, делегируя рутинные задачи ИИ, повысить конкурентоспособность и инновационный потенциал[1].

В российском законодательстве авторское право охраняет произведения, созданные человеком, то есть субъектом с правосубъектностью – способностью иметь права и обязанности. Искусственный интеллект, включая нейросети, не признается субъектом права и не может быть автором или правообладателем сгенерированного контента.

Как отмечают исследователи Галушко Т. А., Григорьев Ю. В., согласно Гражданскому кодексу РФ, объектом авторского права

признается произведение, которое: создано автором – человеком; обладает творческим характером, то есть отражает интеллектуальное творчество; выражено в объективной форме. Нейросетевые произведения, созданные полностью автоматически без творческого участия человека, не соответствуют этим критериям и не могут быть объектом авторского права [2, с. 19-22].

В российской практике и правовой доктрине автором признается человек, который приложил творческий труд к созданию произведения. Если нейросеть выступает инструментом, а пользователь формирует запрос и управляет процессом создания, то именно этот пользователь может считаться автором и правообладателем. Суды в России подтверждают, что для признания авторства необходимо доказать творческий вклад человека, использующего ИИ как инструмент. Например, в ряде дел (постановления арбитражных судов в 2024 году) суды признали авторские права на произведения, созданные с применением ИИ, если человек внес значительный творческий вклад и ИИ лишь помогал в обработке.

Поскольку ИИ не обладает правосубъектностью, ответственность за нарушение авторских прав при использовании сгенерированного контента несет конечный пользователь технологии – предприниматель или компания, применяющая нейросеть. Если сгенерированный контент основан на переработке защищенного авторским правом материала без согласия правообладателя, это может считаться нарушением. Закон требует получения разрешения на использование оригинальных произведений для создания производных работ (ст. 1229, 1270 ГК РФ). Нарушение может повлечь компенсацию от 10 тысяч до 5 миллионов рублей [3, с. 1094-1099].

Несмотря на достаточно полное законодательство Российской Федерации, регулирующее защиту прав авторов и ответственность за их нарушение, в области авторских прав, связанных с использованием нейросетей, существует ряд существенных пробелов и проблемных вопросов. Категория «нейросеть» является новой для отечественной нормативно-правовой базы, и её определение официально нигде не закреплено. В настоящее время отсутствует практика привлечения к ответственности за нарушение авторских прав в связи с использованием нейросетей. Российское законодательство требует, чтобы объект авторского права

был создан человеком и обладал творческим характером, что исключает признание авторства за нейросетью, поскольку она не является субъектом права и не обладает сознанием. Следовательно, произведения, созданные исключительно нейросетью, не могут считаться объектами авторского права. Пока нейросеть обучается на произведениях других авторов без заключения специальных договоров с ними, такая деятельность является неправомерной и нарушает авторские права. Ответственность в этом случае должна возлагаться на разработчиков нейросетей, а не на пользователей. Однако при коммерческом использовании произведений, созданных нейросетью, если пользователь осведомлен об отсутствии договорных отношений с авторами исходных произведений, он также может быть привлечён к ответственности.

Поскольку законодательство пока не содержит специальных норм, регулирующих права на результаты ИИ, значительную роль играют пользовательские соглашения сервисов нейросетей. Они определяют, кто получает права на сгенерированный контент и на каких условиях. Условия могут существенно различаться: от предоставления неисключительной лицензии до передачи исключительных прав при покупке подписки. Предпринимателям важно внимательно изучать эти соглашения, так как именно они регулируют возможность коммерческого использования и ответственность за контент [4, с. 290-292].

В международной практике отсутствует единый подход к признанию авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом. Особое внимание заслуживает законодательство Японии, где обсуждается вопрос авторских прав на произведения, созданные нейросетями. Японские власти рассматривают такие произведения как объекты товарных знаков и регулируют их в рамках недобросовестной конкуренции и антимонопольного права. При этом авторские права на произведения, созданные нейросетью, принадлежат разработчикам данной нейросети. Недостатком такого подхода является практически полное отсутствие защиты для исходных объектов искусства, на основе которых нейросеть создает свои произведения. В других странах, таких как США, авторские права на произведения, созданные ИИ, не признаются без значительного человеческого творческого вклада. Европейские страны движутся к признанию авторства

за разработчиками и пользователями нейросетей при условии творческого участия человека. В Новой Зеландии законодательно признаны авторские права за произведениями, сгенерированными компьютером, однако вопросы ответственности и правоспособности ИИ остаются нерешёнными.

В случае нарушения авторских прав ответственность должна в первую очередь возлагаться на разработчиков нейросетей, которые создают алгоритмы и базы данных для обучения. Однако при коммерческом использовании результатов, если пользователь осведомлен об отсутствии прав на исходные материалы, он также может быть привлечён к ответственности. Для легального использования ИИ в бизнесе требуется заключение договоров с авторами исходных произведений или использование лицензированных баз данных, что снижает риски нарушения прав и способствует развитию этичного бизнеса.

В научной статье исследователя Васильева А. С. отмечается, что для эффективного регулирования и защиты авторских прав в условиях стремительного развития технологий необходимо внести комплекс изменений и дополнений в действующее законодательство. Первым шагом должна стать законодательная фиксация понятия «искусственный интеллект» и «нейросеть» с учетом их технологической сущности. Важно закрепить, что ИИ – это комплекс технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и генерацию результатов, сопоставимых с интеллектуальной деятельностью человека. Такой подход уже отражен в отдельных нормативных актах, например, в Указе Президента РФ и в законодательстве Москвы, но требуется унификация на федеральном уровне [5, с. 107-116].

Согласно статье 1257 Гражданского кодекса РФ, автором произведения признается человек, творческим трудом которого оно создано. Поскольку нейросеть не является субъектом права и не обладает сознанием, произведения, созданные исключительно ИИ, не могут иметь авторские права. Законодателю необходимо четко закрепить, что ИИ выступает в роли инструмента, а авторские права могут принадлежать только физическому лицу, которое внесло творческий вклад в создание произведения, используя ИИ как вспомогательное средство. Необходимо определить, кто несет ответственность за нарушение авторских прав в случаях,

когда нейросеть обучается на произведениях без согласия авторов. В настоящее время предлагается возлагать ответственность на разработчиков нейросетей, так как именно они создают и контролируют алгоритмы и базы данных для обучения. Однако при коммерческом использовании произведений, созданных нейросетью, если пользователь осведомлен об отсутствии договорных отношений с авторами исходных произведений, он также должен нести ответственность.

Для законного использования произведений авторов при обучении нейросетей необходимо ввести обязательное заключение договоров с правообладателями или использование только тех баз данных, которые имеют свободные лицензии. Это позволит избежать нарушения авторских прав и обеспечит прозрачность использования контента при создании ИИ-продуктов. Важным вопросом является правовой статус промптов – текстовых инструкций, задаваемых пользователем нейросети. Законодателю следует определить, в каких случаях промпты могут рассматриваться как объекты авторского права, учитывая, что они могут содержать творческий вклад человека. Это позволит защитить права тех, кто создает уникальные и оригинальные запросы, а также урегулировать использование чужих промптов [6, с. 82-95].

Таким образом, использование нейросетей в предпринимательской деятельности открывает новые возможности для развития бизнеса, но требует комплексного подхода к правовому регулированию. Важно обеспечить баланс между инновациями и защитой авторских прав, что возможно через внесение соответствующих законодательных изменений, развитие договорной практики и формирование судебной практики. Это позволит российским компаниям безопасно и эффективно использовать потенциал искусственного интеллекта, минимизируя риски юридических конфликтов и стимулируя экономический рост. Ответственность за нарушение авторских прав несет конечный пользователь нейросети, а права и обязанности регулируются как законодательством, так и пользовательскими соглашениями сервисов ИИ. Законодательство в этой сфере активно развивается и ожидает новых нормативных актов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г.

№ 230-ФЗ (ред. 13.06.2023 с изм. И доп., вступ. В силу с 29.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (часть 1). – Ст. 5496.

2. Галушко Т.А., Григорьев Ю.В. Отличительные признаки искусственного интеллекта как объекта правовой охраны в качестве изобретения / Т.А. Галушко, Ю.В. Григорьев // Научные диалоги в эпоху инновационных преобразований общества. 2022. – С. 18-22.

3. Минбалеов А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве / А.В. Минбалеов // Вестник Удмуртского университета. Серия

«Экономика и право». 2022. – № 6(32) – С. 1094-1099.

4. Тарарышкина И.С., Тюрин М. И. Защита авторских прав в эпоху нейросетей: вызовы и подходы // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 290-292.

5. Васильева А.С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 107-116.

6. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 82-95.

RASSKAZOVA Sofia Artemovna

Student,

Russian State Academy of Intellectual Property,
Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property,
Candidate of Economic Sciences Chibisova Elena Ivanovna*

NEURAL NETWORKS IN BUSINESS: LEGAL ASPECTS OF THE USE OF GENERATED CONTENT AND LIABILITY FOR COPYRIGHT INFRINGEMENT

Abstract. *The article examines the legal aspects of the use of neural networks and artificial intelligence (AI) in business activities, with an emphasis on copyright issues for generated content and responsibility for their violation. The study analyzes Russian legislation, judicial practice and international experience, revealing that copyrights to works created by AI without human creative participation are not recognized. The authorship and copyright belong to the person who has made a creative contribution, using the neural network as an instrument. The end user of the technology, as well as the developers of neural networks, are responsible for copyright infringement, especially when learning from protected materials without permission. To reduce risks, it is recommended to conclude contracts with copyright holders and use licensed databases. The article emphasizes the need for legislative consolidation of the concept of AI and neural networks, as well as the development of comprehensive legal regulation that ensures a balance between innovation and intellectual property protection in business.*

Keywords: *neural networks, artificial intelligence, entrepreneurial activity, copyright, generated content, responsibility, legal regulation, intellectual property, creative contribution, legislation of the Russian Federation, judicial practice, international experience.*

РЕНКАС Снежана Вячеславовна

студентка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент Белгородского государственного национального
исследовательского университета, кандидат социологических наук
Шаповал Жанна Александровна*

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам административной ответственности в современном праве. Рассматриваются вопросы эффективности применения административных наказаний, проблемы правоприменительной практики и предложения по совершенствованию законодательства в этой области. Особое внимание уделено коллизиям между нормами права и реальными механизмами реализации административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, современные проблемы, эффективность наказаний, правоприменительная практика, совершенствование законодательства, коллизии норм права.

Введение. Административная ответственность является одной из ключевых составляющих правовой системы государства, направленной на обеспечение соблюдения норм права и поддержание общественного порядка. В условиях динамично изменяющихся социальных, экономических и политических реалий России, эффективность административной ответственности как инструмента регулирования общественных отношений приобретает особую значимость. Современные вызовы, такие как цифровизация, глобализация и рост правосознания граждан, требуют пересмотра и адаптации существующих норм административного права, что делает исследование данной темы актуальным.

Целью настоящего исследования является анализ текущего состояния административной ответственности в России, выявление основных проблем и противоречий в данной области, а также разработка рекомендаций по их устранению. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи: изучить исторические аспекты формирования административной ответственности, проанализировать современные тенденции и статистику правонарушений, определить ключевые проблемы правоприменения и предложить пути их решения. Выполнение данных задач позволит

не только углубить понимание текущего состояния административной ответственности, но и предложить обоснованные рекомендации для её совершенствования.

Исторические аспекты формирования административной ответственности

Историческое развитие административной ответственности в России начинается в XIX веке с принятия в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Этот документ стал первым нормативным актом, содержащим положения, регулирующие административные правонарушения. В нем были закреплены нормы, направленные на урегулирование общественных отношений, не охваченных уголовным законодательством. Введение таких норм стало важным этапом в становлении системы административной ответственности, так как позволило разграничить уголовные и административные правонарушения, что способствовало упорядочению правоприменительной практики. Вместе с тем существовала проблема отсутствия единообразного подхода при конструировании норм и административной преюдиции [9, с. 14].

В XX веке административная ответственность в России претерпела значительные изменения, особенно в период существования Советского Союза. В 1980 году был принят Кодекс

РСФСР об административных правонарушениях, который стал основным документом, регламентирующим эту сферу. Он объединил множество разрозненных норм, обеспечив систематизацию и унификацию правового регулирования административных правонарушений. Этот кодекс оставался актуальным вплоть до принятия нового Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации в 2001 году. Таким образом, развитие административной ответственности в XX веке характеризуется стремлением к упрощению и совершенствованию законодательства, что обеспечивало более эффективное применение норм. Вместе с тем современные вызовы требуют дальнейшего совершенствования законодательства. Волчков отмечает, что «предлагается решить данную проблему путём внесения изменений в ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, учитывая современное определение мелкого хулиганства, законодательный опыт соседних зарубежных государств и опыт советского законодательства на территории РСФСР» [2, с. 28]. Это подчеркивает необходимость адаптации правовых норм к новым реалиям и существующим вызовам.

Современные тенденции и статистика правонарушений

Современные тенденции в области административной ответственности в России характеризуются значительными изменениями в законодательстве и правоприменительной практике. Одним из ключевых направлений стало принятие Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» в 2020 году, который направлен на совершенствование механизмов контроля и административной ответственности. Этот закон внедряет риск-ориентированный подход, позволяющий более эффективно распределять ресурсы и сосредотачиваться на наиболее значимых нарушениях. Чубарова отмечает, что «в современном мире важное значение в системе юридической ответственности занимает административная ответственность» [3, с. 12]. Кроме того, наблюдается активная цифровизация административных процессов, что способствует упрощению взаимодействия граждан с органами власти и повышению прозрачности правоприменения.

Статистические данные свидетельствуют о стабильном росте числа административных правонарушений в России. Согласно

информации Росстата, за 2023 год, количество зарегистрированных правонарушений превысило 6 миллионов случаев, что отражает увеличение на протяжении последних пяти лет. Это подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования системы административной ответственности для повышения её эффективности. Вместе с тем рост числа нарушений может быть обусловлен не только увеличением их фактического числа, но и улучшением механизмов выявления и регистрации таких случаев. По приблизительным оценкам специалистов, каждый четвертый гражданин в нашей стране совершает административные правонарушения [1, с. 9].

Проблемы с правами граждан и защитой их интересов

Административные процессы в России часто сопровождаются нарушениями прав граждан, что ставит под сомнение справедливость и эффективность правоприменительной системы. Одной из ключевых проблем является недостаточная прозрачность административных процедур, что усложняет гражданам защиту своих интересов. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2021 году было выявлено более 15 тысяч нарушений прав граждан в административных делах, что указывает на системность проблемы. Это может быть связано с несоответствием процедурных норм современным требованиям и недостаточным уровнем подготовки сотрудников органов власти.

Случаи нарушения прав граждан в административных делах получили широкое освещение как на национальном, так и на международном уровне. Европейский суд по правам человека в 2020 году рассмотрел 218 дел против России, значительная часть которых касалась нарушений административных процедур. Эти примеры подчеркивают, что административные органы не всегда обеспечивают надлежащее соблюдение правовых норм, что может привести к несправедливым решениям и подорвать доверие к системе правосудия. «В современном обществе именно нормы административного права в наибольшей степени востребованы и необходимы. Поэтому необходимо рассмотреть ряд проблем, касающихся данной отрасли» [6, с. 1]. Такие ситуации требуют детального анализа и принятия мер по устранению причин их возникновения.

Эффективность механизмов защиты прав граждан в административных процессах вызывает серьезные сомнения. Наличие правовых инструментов, таких как возможность обжалования решений, не всегда приводит к результату, поскольку их использование часто затрудняется бюрократическими барьерами и недостаточной правовой грамотностью населения. В 2019 году в России было зарегистрировано около 4 миллионов административных правонарушений, что свидетельствует о значительности проблемы и необходимости совершенствования защитных механизмов. «В настоящее время возможности оперативно-розыскной деятельности в выявлении административных правонарушений, а главное в привлечении виновных лиц к ответственности, используются не в полной мере» [7, с. 3]. Повышение доступности правовой помощи и упрощение процедур могут стать ключевыми шагами к улучшению ситуации.

Перспективы и пути решения проблем административной ответственности

Современное законодательство в области административной ответственности в России претерпевает значительные изменения, направленные на повышение его эффективности и справедливости. Однако, несмотря на эти усилия, остаются нерешенные проблемы, которые требуют дополнительного внимания. В частности, наблюдается высокая частота административных правонарушений, что свидетельствует о недостаточной превентивной роли законодательства. В 2023 году в России было зафиксировано более 20 миллионов административных правонарушений, что свидетельствует как о необходимости внесения ряда положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, так и о трудностях в их применении на практике, что может приводить к несправедливым решениям и затягиванию процессов.

Для повышения эффективности административного законодательства необходимо внедрение ряда изменений. Во-первых, требуется упрощение и унификация нормативных положений, что позволит снизить вероятность их неоднозначного толкования. Во-вторых, следует усилить меры, способствующие повышению превентивной роли законодательства, такие как введение более строгих санкций за повторные правонарушения. Примером удачного шага в этом направлении является

федеральный закон № 248-ФЗ «О государственном контроле и муниципальном контроле в Российской Федерации», принятый в 2020 году, который ввел новые подходы к регулированию административной ответственности. Кроме того, важно обеспечить доступность информации о законодательных изменениях для граждан, чтобы повысить их осведомленность и, соответственно, соблюдение норм.

Разработка механизмов повышения правосознания граждан

Правосознание граждан является важным элементом эффективной правовой системы, так как осведомленность населения о своих правах и обязанностях способствует соблюдению законов и укрепляет правопорядок. Однако, согласно исследованию, ВЦИОМ за 2023 год, лишь 28% россиян считают, что хорошо знают свои права и обязанности. Этот показатель свидетельствует о недостаточности информирования граждан, что может приводить к правовым конфликтам и снижению доверия к правоприменительным институтам. Повышение правосознания должно стать приоритетной задачей государства, так как это способствует не только защите прав граждан, но и формированию правовой культуры в обществе.

Для повышения правосознания граждан необходимо использовать разнообразные инструменты и методы, включая образовательные программы, информационные кампании и правовые консультации. В 2023 году было проведено более 10 тысяч правовых лекций и семинаров, что демонстрирует успех таких инициатив. Важно развивать эту практику, расширяя ее охват и привлекая современные технологии, такие как онлайн-платформы и социальные сети, для распространения правовой информации. Так же следует усилить взаимодействие государственных органов с общественными организациями, чтобы обеспечить доступность правовой помощи для всех слоев населения. Эти меры могут существенно повысить уровень правосознания граждан и укрепить правовую культуру в обществе.

Усиление контроля за применением административных норм

Система контроля за применением административных норм в России играет ключевую роль в обеспечении эффективности правоприменения. В последние годы наблюдается рост числа выявленных нарушений в данной сфере. Согласно докладу Генеральной прокуратуры

РФ, за 2022 год, было зафиксировано более 1,5 миллиона нарушений административного законодательства, что подчеркивает необходимость пересмотра существующих подходов к контролю. Текущие механизмы не всегда позволяют оперативно выявлять и устранять нарушения. Исследование отмечает, что «административные правонарушения – наиболее распространенный вид правонарушений, совершаемых гражданами в Российской Федерации» [1, с. 9]. Поэтому эффективный контроль требует комплексного подхода для улучшения ситуации в этой области.

Для повышения эффективности контроля за соблюдением административных норм необходимо внедрение современных технологий и повышение прозрачности процедур. Внесенные в 2023 году изменения в Кодекс об административных правонарушениях РФ направлены на улучшение этих аспектов, однако требуется дальнейшее развитие. Например, внедрение автоматизированных систем мониторинга и анализа данных позволит оперативно выявлять нарушения и принимать меры. Также важно усилить взаимодействие между различными государственными органами и общественными организациями для более эффективного обмена информацией и координации действий.

Заключение. В ходе исследования были рассмотрены основные аспекты административной ответственности в России. Проведён анализ исторического формирования норм, современных тенденций и статистических данных, что позволило выявить ключевые проблемы и противоречия в этой области. Особое внимание было уделено неопределённости норм, защите прав граждан и недостаткам в механизмах контроля за исполнением административных наказаний. Эти аспекты формируют основу для понимания текущего состояния административной ответственности и её роли в правовой системе России.

Предложенные меры по совершенствованию законодательства, повышению правосознания граждан и усилению контроля за применением административных норм способны существенно улучшить ситуацию в рассматриваемой области. Реализация данных рекомендаций обеспечит более справедливое и

эффективное применение административных норм, что в конечном итоге укрепит правопорядок и доверие граждан к правовой системе. Дальнейшие исследования в этой области помогут адаптировать предложенные подходы к изменяющимся условиям и потребностям общества.

Литература

1. Актуальные вопросы применения норм административного права («Корневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя): VI Международная научно-практическая конференция, 28 апреля 2022 г. / сост. Г.Н. Василенко. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – С. 476.
2. Актуальные проблемы управления: материалы 20-й Международной научно-практической конференции. Вып. 4 / Государственный университет управления. – М.: Издательский дом ГУУ, 2019. – С. 306.
3. Солдатов А.П. Проблемы административной ответственности юридических лиц / А.П. Солдатов. – М.: КЮИ МВД России, 2020. – 241 с.
4. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права: пособие / [Соч.] И.Т. Тарасова. Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 2018. – С. 704.
5. Тимошенко И.В. Понятийный аппарат законодательства об административной ответственности: состояние и направления развития: дис. д-ра юрид. наук / И.В. Тимошенко. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 396.
6. Кузнецова М.А., Дорофеева Е.А. Актуальные проблемы административного права // Студенческая наука XXI века. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УрГЮУ. – 2020 – С. 205-268.
7. Моисеев Н.Д. Деятельность оперативных подразделений ФСИН России по выявлению административных правонарушений среди осужденных // Юридические науки. – 2024. – № 1 (10). – С. 35–36.
8. Согрин Е.К. Проблемы права (Issues of Law) / Е.К. Согрин. – 2024. – № 3 (95).
9. Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / З.Э. Эргашева. – Москва, 2019.

RENKAS Snezhana Vyacheslavovna
Student,
Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod

*Scientific Advisor – Associate Professor of Belgorod State National Research University,
Candidate of Sociological Sciences Shapoval Zhanna Alexandrovna*

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY: CURRENT CHALLENGES

Abstract. *The article is devoted to the current problems of administrative responsibility in modern law. The issues of the effectiveness of the application of administrative penalties, problems of law enforcement practice and proposals for improving legislation in this area are considered. Special attention is paid to the conflicts between the norms of law and the actual mechanisms of implementation of administrative responsibility.*

Keywords: *administrative responsibility, modern problems, effectiveness of punishments, law enforcement practice, improvement of legislation, conflicts of law.*

РУБЦОВА Ирина Николаевна

студентка,

Волгоградский государственный университет – Волжский филиал,
Россия, г. Волжский

СУБЪЕКТИВНЫЙ СОСТАВ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО КОНТРАКТУ НА ОКАЗАНИЕ ОХРАННЫХ УСЛУГ В РАМКАХ 44-ФЗ

Аннотация. В настоящем исследовании проводится всесторонний анализ правовой базы, регулирующей контракты на оказание охранных услуг в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ, с особым акцентом на состав участников договора и механизмы ответственности. В исследовании рассматриваются различия в правовом статусе заказчиков из государственного сектора (государственных и муниципальных учреждений) и частных подрядчиков (лицензированных охранных фирм и индивидуальных предпринимателей), включая обязательные лицензионные требования. Представлен систематический обзор мер гражданской и административной ответственности за нарушение договорных обязательств. На основе анализа практики и правоприменительной практики регулирующих органов в документе выявлены повторяющиеся проблемы при осуществлении закупок, включая антиконкурентные ограничения и недостатки в предоставлении услуг. Полученные результаты способствуют продолжающимся дискуссиям об оптимизации контрактных отношений в этом специализированном секторе государственных закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, охранные услуги, Федеральный закон № 44-ФЗ, ответственность сторон, реестр недобросовестных поставщиков.

Целью настоящего исследования является всесторонний анализ субъектного состава и механизма ответственности сторон в контрактах на оказание охранных услуг, заключаемых в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее по тексту – Федеральный закон № 44-ФЗ). Федеральный закон № 44-ФЗ регулирует отношения, связанные с размещением государственных и муниципальных заказов, устанавливая особые требования к участникам закупок, порядку заключения и исполнения контрактов, а также к ответственности за их нарушение. В рамках данного исследования необходимо решить ряд задач.

Во-первых, в рамках исследования необходимо детально рассмотреть правовую природу субъектов, участвующих в таких правоотношениях, поскольку охранные услуги обладают спецификой, связанной с необходимостью лицензирования деятельности и повышенными требованиями к исполнителям. Во-вторых, необходимо уделить особое внимание гражданско-правовым аспектам взаимодействия заказчика и исполнителя, включая распределение их прав

и обязанностей. Заказчиком в данном случае выступает государственный или муниципальный орган, действующий в рамках бюджетного законодательства и норм 44-ФЗ, а исполнителем – специализированная организация или индивидуальный предприниматель, имеющие лицензию на осуществление охранных деятельности. В-третьих, необходимо рассмотреть виды и пределы ответственности сторон за нарушение обязательств. Необходимо рассмотреть как гражданско-правовые санкции (неустойка, возмещение убытков), так и административные меры, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее по тексту – КоАП РФ) и Федеральный закон № 44-ФЗ, включая внесение информации об исполнителе в реестр о недобросовестных поставщиках.

В данной научной работе используется практика Федеральной антимонопольной службы по разрешению споров, возникающих в связи с исполнением контрактов на охранные услуги. Анализируются типичные нарушения, такие как несоответствие качества услуг заявленным требованиям, просрочка исполнения, а также анализируются споры, связанные с

применением обеспечительных мер, включая обеспечение обязательств посредством предоставления независимой гарантии. Изучение прецедентов позволяет выявить пробелы в правовом регулировании и сформулировать рекомендации по совершенствованию механизма ответственности сторон в рамках государственных закупок охранных услуг.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью государственных и муниципальных закупок в сфере обеспечения безопасности. Охранные услуги, будучи специфическим видом деятельности, требуют четкого правового регулирования, особенно в части распределения ответственности между сторонами контракта. Несмотря на детальную регламентацию Федерального закона № 44-ФЗ, на практике возникают спорные ситуации, связанные с недобросовестным исполнением обязательств, ненадлежащим качеством услуг или нарушениями процедуры закупки.

Как отмечает Ницевич Вадим Викторович в своей научной работе «Отношения по ФЗ-44 носят добровольно-принудительный характер, выраженный в том, что правила поведения в отношениях задаются государством, условия контрактов определяются заказчиками и если коммерческая организация решила участвовать в закупках, тогда такая организация может в них участвовать на определенных заказчиком (представителем государства) условиях, попав под действие императивных норм, задающих более строгие правила поведения, чем по аналогичным отношениям между коммерческими организациями, индивидуальными предпринимателями, самозанятыми».

В гражданско-правовых отношениях, согласно ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) субъектный состав определяется участниками договора, обладающими правосубъектностью, то есть способностью иметь гражданские права и нести обязанности. В контракте на оказание охранных услуг, заключаемом в рамках Федерального закона № 44-ФЗ, сторонами выступают заказчик – государственное или муниципальное учреждение (бюджетное или казенное учреждение, орган власти), и исполнитель – частная охрannая организация (далее – ЧОО) или индивидуальный предприниматель (далее – ИП), имеющий лицензию на осуществление частной охрannой деятельности, в соответствии со ст. 11.1 Закона

РФ «О частной детективной и охрannой деятельности». Заказчик и исполнитель ограничены рамками Федерального закона № 44-ФЗ, например Заказчик не имеет право каким-то образом ограничивать конкуренцию между потенциальными участниками закупки, а исполнитель должен соответствовать требованиям ст. 31 Федерального закона № 44-ФЗ, включая отсутствие участника закупки в реестре недобросовестных поставщиков.

Можно привести в пример решение по делу № 04-30/123-2017 Федеральной антимонопольной службы по Магаданской области по контролю в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – ФАС) от 30.11.2017 г. ФАС рассмотрела жалобу ООО «Магаданский пункт охраны» на действия ГБУЗ «Магаданская областная больница» при проведении электронного аукциона на оказание охранных услуг с дополнительными работами по монтажу и обслуживанию охрannо-пожарной сигнализации. В ходе проверки было установлено, что заказчик допустил серьезные нарушения законодательства о контрактной системе. Основное нарушение заключалось в необоснованном объединении двух различных видов деятельности – охраны объектов и монтажа технических средств безопасности – в рамках одной закупки, что потребовало от участников наличия сразу двух лицензий. ФАС установила, что на территории Магаданской области только одна компания соответствовала этим чрезмерным требованиям, что фактически создавало монопольные условия и грубо нарушало принципы конкурентных закупок. Кроме того, заказчик незаконно ограничил возможность привлечения субподрядчиков для выполнения монтажных работ, хотя гражданское законодательство прямо допускает такую возможность. Эти действия были расценены как искусственное ограничение конкуренции и создание преимуществ для определенного участника. В своем решении антимонопольная служба признала жалобу обоснованной и обязала заказчика устранить нарушения путем пересмотра требований к участникам, исключения условия о двух лицензиях и разрешения привлекать субподрядчиков для выполнения части работ. Также было предписано продлить срок подачи заявок, чтобы обеспечить равные условия для всех потенциальных участников. Решение ФАС

подчеркивает важность соблюдения принципов открытости и добросовестной конкуренции в госзакупках, предотвращая практику «подгонки» условий под конкретных поставщиков. Невыполнение предписания грозит заказчику административной ответственностью, включая значительные штрафные санкции. Данный прецедент служит важным сигналом для всех участников контрактной системы о недопустимости искусственного ограничения конкуренции при организации закупочных процедур.

Также стоит отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки, документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника закупки, с которым заключается контракт и в случае нарушения этого положения установлена ч. 4 ст. 7.32 КоАП РФ и предусматривает наложение штрафа на должностных и на юридических лиц. При этом, ответственность по данной статье несут как заказчик и его должностные лица, так и исполнитель. Кроме того, такие действия заказчика и исполнителя являются основанием для обращения прокурора в арбитражный суд в соответствии со ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации с иском о признании дополнительного соглашения к контракту недействительным (ничтожным) и возвращения сторон в состояние, существовавшее до изменения контракта.

Права и обязанности сторон регулируются как условиями контракта, так и императивными нормами законодательства. Согласно ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, контракт должен содержать существенные условия, включая предмет, сроки, цену, порядок оплаты и ответственность сторон. Заказчик вправе требовать надлежащего исполнения услуг в соответствии с техническим заданием (ч. 1 ст. 34 44-ФЗ), а также в одностороннем порядке отказаться от исполнения контракта при существенных нарушениях со стороны исполнителя (ч. 9 ст. 95 44-ФЗ). Основаниями для отказа могут быть, например, неоднократное нарушение сроков оказания услуг или предоставление услуг ненадлежащего качества. В свою очередь, исполнитель обязан предоставить услуги в полном объеме, обеспечить наличие квалифицированного персонала (с необходимыми

удостоверениями и допусками) и соблюдать требования законодательства о частной охранной деятельности, включая Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11.03.1992 № 2487-1 от 11 марта 1992 года № 2487-1 (далее – Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1) и Постановления Правительства РФ от 23.06.2011 № 498 «О некоторых вопросах осуществления частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности». Федеральный закон № 44-ФЗ устанавливает специальные требования к участникам закупок, в том числе в сфере охранных услуг. Согласно части 1 статьи 31 Федерального закона 44-ФЗ, исполнитель должен соответствовать установленным квалификационным требованиям, а в случае оказания охранных услуг – дополнительно иметь действующую лицензию на осуществление частной охранной деятельности в соответствии с Законом РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (пункт 1 статьи 11.1). Важным условием допуска к участию в закупке является отсутствие сведений об исполнителе в РНП (часть 1.1 статьи 31 44-ФЗ), что должно проверяться заказчиком.

Субъектный состав и взаимные обязанности сторон в контракте на оказание охранных услуг имеют специфические черты. Заказчик (государственное или муниципальное учреждение) в соответствии с частью 1 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ обязан четко определить в техническом задании количественные и качественные характеристики охраны, включая перечень охраняемых объектов и их особенности, требования к численности и квалификации охранного персонала (наличие удостоверений частного охранника соответствующего разряда), порядок взаимодействия с правоохранительными органами, процедуру приемки услуг.

Исполнитель (лицензированная ЧОО или ИП) обязан не только предоставить услуги в соответствии с контрактом, но и обеспечить непрерывность охраны, немедленно реагировать на тревожные сигналы, вести установленную документацию (журналы обхода, рапорты о происшествиях), предоставлять заказчику информацию о составе охраны и их квалификации.

Ответственность сторон наступает при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по контракту. Ответственность определяется условиями контракта и ст. 34

Федерального закона № 44-ФЗ, которая устанавливает обязательное включение в контракт положений о неустойке за просрочку исполнения (пени, штрафы). Например, согласно ч. 6 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, размер пени за каждый день просрочки составляет не менее 1/300 ключевой ставки ЦБ РФ от цены контракта. А Правилами определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 30 августа 2017 г. № 1042 установлены фиксированные размеры штрафов, которые не имеют стоимостного выражения. Так, например, если цена Контракта составляет от 3 млн рублей до 50 млн рублей (включительно) то размер штрафа будет составлять 5000,00 рублей. Также ответственность может возникать, например, при причинении вреда охраняемому имуществу или третьим лицам в результате действий охранников (ст. 1064 ГК РФ). В этом случае потерпевший вправе требовать возмещения убытков непосредственно от исполнителя (ЧОО или ИП), а если вред причинен по вине заказчика (например, из-за некорректного технического задания), то ответственность может быть долевой (ст. 321 ГК РФ). Особенностью ответственности в рамках Федерального закона № 44-ФЗ является ее строгий характер. Если исполнитель имеет право направить требование об уплате неустоек, штрафов, то Заказчик обязан это сделать (ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ), также включая обязанность включения исполнителя в реестр недобросовестных поставщиков (далее – РНП) в случае одностороннего отказа от контракта или существенного нарушения его условий (ч. 2 ст. 104 Федерального закона № 44-ФЗ). Это влечет за собой запрет на участие в госзакупках на срок до двух лет, что является серьезным экономическим риском для охранных организаций.

Гражданско-правовая ответственность сторон дополняется административной (ст. 7.32 КоАП РФ за нарушение порядка исполнения контракта) и даже уголовной (ст. 201 Уголовного кодекса Российской Федерации от

13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ) при злоупотреблениях в частной охранной деятельности). Особенностью является возможность взыскания неустойки в бесспорном порядке (ч. 6 ст. 34 44-ФЗ), причем ее размер не может быть уменьшен судом ниже 1/300 ключевой ставки.

Таким образом, контракты на оказание охранных услуг в рамках Федерального закона № 44-ФЗ требуют от сторон строгого соблюдения как общих норм ГК РФ, так и специальных требований закона о контрактной системе. Исполнитель должен учитывать не только гражданско-правовые риски (убытки, неустойки), но и административные последствия (включение в РНП), а заказчик – четко формулировать техническое задание и своевременно осуществлять приемку услуг, чтобы избежать споров и судебных разбирательств.

Данное исследование посвящено комплексному анализу субъектного состава и механизма ответственности сторон в контрактах на оказание охранных услуг в рамках Федерального закона № 44-ФЗ. Автор подробно рассмотрел правовую природу участников таких правоотношений, включая заказчиков (государственные или муниципальные учреждения) и исполнителей (лицензированные частные охранные организации или индивидуальные предприниматели). Особое внимание уделено гражданско-правовым и административным аспектам ответственности, включая взыскание неустойки, возмещение убытков и включение в реестр недобросовестных поставщиков. На примере практики и решений ФАС показаны типичные нарушения и способы их устранения. Исследование подчеркивает необходимость строгого соблюдения законодательства, баланса между императивными нормами 44-ФЗ и диспозитивными положениями ГК РФ, а также важность четкого формулирования условий контракта для минимизации рисков и спорных ситуаций.

Литература

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

5. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

6. Постановление Правительства РФ от 23.06.2011 № 498 «О некоторых вопросах осуществления частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности».

7. Постановление Правительства РФ от 25.11.2013 № 1062 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)».

8. Постановление Правительства РФ от 30.08.2017 № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения

заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом».

9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.

10. Решение Федеральной антимонопольной службы по делу № 04-30/123-2017 от 30.11.2017.

11. Ницевич В.В. Правовые аспекты государственных закупок в рамках Федерального закона № 44-ФЗ // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 3. С. 45-52.

12. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы (ФАС России). URL: <http://fas.gov.ru>.

13. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

14. Реестр недобросовестных поставщиков. URL: <https://zakupki.gov.ru>.

RUBTSOVA Irina Nikolaevna

Student,

Volgograd State University – Volzhsky branch,
Russia, Volzhsky

SUBJECTIVE COMPOSITION AND RESPONSIBILITY UNDER THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF SECURITY SERVICES UNDER 44-FZ

Abstract. *This study provides a comprehensive analysis of the legal framework governing contracts for the provision of security services in accordance with Federal Law No. 44-FZ, with a particular focus on the composition of the parties to the contract and liability mechanisms. The study examines differences in the legal status of customers from the public sector (state and municipal institutions) and private contractors (licensed security firms and individual entrepreneurs), including mandatory licensing requirements. A systematic review of measures of civil and administrative liability for violation of contractual obligations is presented. Based on an analysis of regulatory authorities' practices and enforcement practices, the document identifies recurring problems in procurement, including anti-competitive restrictions and shortcomings in the provision of services. The results obtained contribute to the ongoing discussions on the optimization of contractual relations in this specialized sector of public procurement.*

Keywords: *public procurement, security services, Federal Law No. 44-FZ, responsibility of the parties, register of unscrupulous suppliers.*

САВЛУК Ангелина Сергеевна

студентка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент Белгородского государственного национального
исследовательского университета, кандидат социологических наук
Шаповал Жанна Александровна*

ВИДЫ И СОДЕРЖАНИЕ ЛЬГОТ В ТАМОЖЕННОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются виды и содержание льгот в таможенном праве, а также методы и организационные формы их исследования. Автор анализирует нормативно-правовую базу, применяемые методы и организационные формы, и делает выводы о возможностях комплексного изучения таможенных льгот для совершенствования таможенного законодательства и повышения эффективности таможенного регулирования.

Ключевые слова: таможенные льготы, таможенное право, таможенное регулирование.

Введение. Льготы в таможенном праве представляют собой меры государственной поддержки, направленные на стимулирование внешней торговли, экономического развития и обеспечения национальных интересов. Они могут быть предоставлены в виде освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов, сборов или применения пониженных ставок. Рассмотрим основные виды льгот и их содержание на основе нормативно-правовых актов.

Внешнеторговая деятельность играет важную роль в экономике любого государства. Для стимулирования внешней торговли государство использует различные инструменты, в том числе и таможенные льготы.

Таможенные льготы – это упрощения или преимущества, которые предоставляются участникам внешнеторговой деятельности при перемещении товаров через таможенную границу. Они могут носить финансовый характер (освобождение или снижение таможенных платежей) или административный характер (предоставление преимуществ или упрощений при совершении таможенных операций и проведении таможенного контроля).

Цель применения таможенных льгот различна: это поддержка или защита отечественных товаропроизводителей, отдельных отраслей экономики или территорий с особым экономическим статусом, повышение

инвестиционной привлекательности страны, выполнение международных обязательств и другое.

В современном мире система таможенных льгот представляется запутанной и сложноорганизованной. Причиной тому служит их установление на наднациональном и национальном законодательных уровнях.

Методы и организация исследования. Исследование таможенных льгот предполагает комплексный подход, включающий изучение нормативно-правовой базы, применение различных методов и организационных форм. Для всестороннего анализа видов и содержания льгот могут быть использованы следующие методы: изучение нормативно-правовой базы, системный анализ, сравнительный анализ, эмпирическое исследование и юридическая экспертиза. В организационном плане исследования могут быть применены мультидисциплинарный подход, международное сотрудничество, этапность исследования и использование современных технологий. Применение указанных методов и организационных форм позволяет всесторонне изучить виды и содержание таможенных льгот, выявить тенденции в их развитии, разработать рекомендации по совершенствованию таможенного законодательства и повышению эффективности таможенного регулирования.

В соответствии со статьей 63 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ЕАЭС), таможенные льготы могут устанавливаться в соответствии с международными договорами, участниками которых являются государства-члены ЕАЭС. К таким договорам относятся соглашения о свободной торговле, зоне свободной торговли, таможенном союзе и т. д. Например, Договор о Евразийском экономическом союзе предусматривает предоставление таможенных льгот в отношении товаров, происходящих из государств-членов ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Армения) [1].

Статья 64 Таможенного кодекса ЕАЭС предусматривает возможность установления таможенных льгот законодательством государств-членов ЕАЭС в целях стимулирования экономического развития, поддержки отдельных отраслей и видов деятельности, защиты жизни и здоровья граждан. К таким льготам относятся, например, льготы для участников свободных экономических зон, особых экономических зон, приоритетных инвестиционных проектов и т. д.

Статья 65 Таможенного кодекса ЕАЭС предусматривает возможность установления таможенных льгот в рамках государственных программ, направленных на поддержку определенных видов деятельности, отраслей экономики, регионов. Например, в рамках государственной программы поддержки сельского хозяйства могут устанавливаться льготы на ввоз сельскохозяйственной техники и оборудования.

Статья 66 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ЕАЭС) предусматривает возможность установления таможенных льгот для определенных категорий импортируемых товаров. Среди них выделяются товары, ввозимые в целях гуманитарной помощи, личного пользования, проведения выставок, ярмарок, спортивных, культурных и других мероприятий, а также для осуществления научной, образовательной, медицинской, благотворительной деятельности и т. д. Цель данной нормы - стимулирование и поддержка различных видов деятельности, и облегчение

процесса ввоза товаров для личного пользования и проведения мероприятий.

Статья 66 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ЕАЭС) устанавливает возможность предоставления таможенных льгот для отдельных категорий импортируемых товаров. Данная норма направлена на стимулирование и поддержку различных видов деятельности, и на облегчение процесса ввоза товаров для личного пользования и проведения мероприятий [1].

В соответствии со статьей 66 Таможенного кодекса ЕАЭС, таможенные льготы могут быть установлены для следующих категорий импортируемых товаров в целях: гуманитарной помощи; товары, личного пользования; проведения выставок, ярмарок, спортивных, культурных и других мероприятий; осуществления научной, образовательной, медицинской, благотворительной деятельности и т. д.

Также следует отметить, что таможенные льготы для товаров, ввозимых в целях гуманитарной помощи, направлены на поддержку гуманитарных организаций и облегчение процесса оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, войн, эпидемий и других чрезвычайных ситуаций. Для товаров, ввозимых в целях личного пользования, направлены на облегчение процесса ввоза товаров для личных нужд граждан, пересекающих таможенную границу ЕАЭС. Ввозимых в целях проведения выставок, ярмарок, спортивных, культурных и других мероприятий, направлены на стимулирование развития культуры, спорта, образования и других социальных сфер и она поддержку организаторов мероприятий, способствующих укреплению международных связей и обмену опытом.

Если рассматривать виды таможенных льгот, то можно выделить несколько ключевых групп, каждая из которых выполняет свою функцию в системе таможенного регулирования и стимулирования внешнеэкономической деятельности. К ним относятся преференциальные режимы, льготы по происхождению товаров, льготы для отдельных категорий участников ВЭД, а также особые режимы временного ввоза и реэкспорта, которую мы можем посмотреть на рисунке.

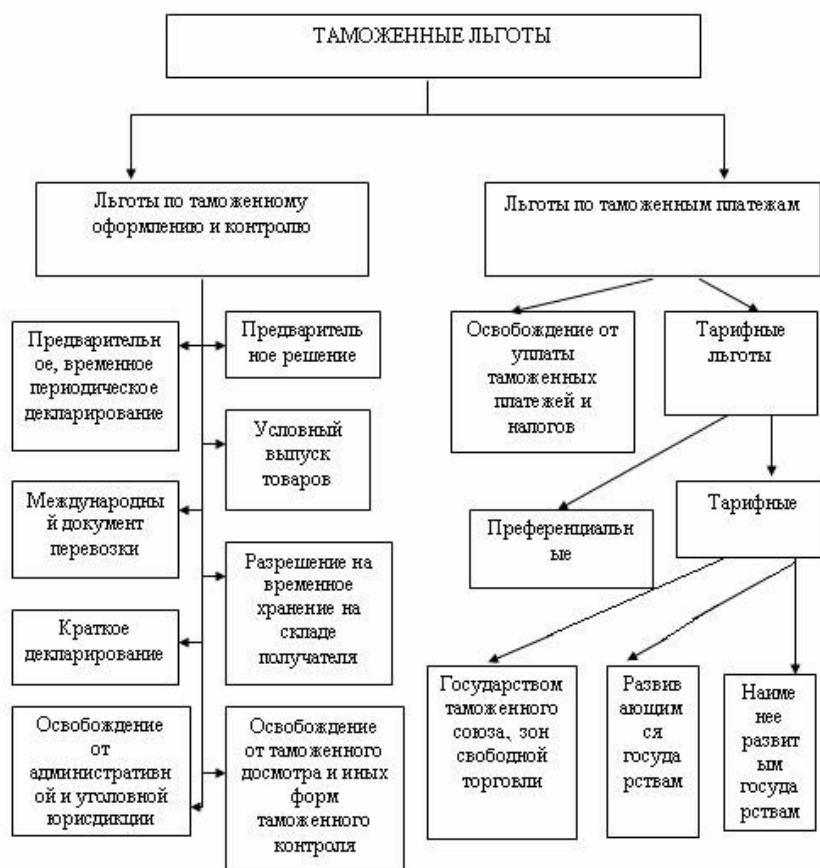

Рис. Виды таможенных льгот

Также льготы могут различаться по способу уплаты или освобождения от уплаты таможенных платежей: полное условное освобождение, частичное условное освобождение, применение сниженной ставки, освобождение от обязанности по уплате таможенных платежей.

Так, мы можем заметить, что льготы являются эффективным средством для проведения внешнеэкономической политики во все времена. Например, Н.В. Курьсь ранее высказался о грамотном распоряжении таможенными льготами и преференциями, которые помогают создавать реальные предпосылки для формирования благоприятного инвестиционного климата в стране-реципиенте, что сегодня так необходимо не только нашему государству [3, с. 47].

Таможенные льготы для товаров, ввозимых в целях осуществления научной, образовательной, медицинской, благотворительной деятельности, направлены на поддержку научных исследований, образования, медицины и других социально значимых сфер и на стимулирование развития международного сотрудничества в этих областях.

Таможенные льготы играют важную роль в стимулировании внешней торговли, экономическом развитии и обеспечении национальных интересов. Их виды и содержание определены нормами таможенного законодательства и могут устанавливаться в рамках международных соглашений, законодательства государств-членов ЕАЭС, государственных программ и для отдельных категорий товаров. Для получения таможенной льготы необходимо соблюдать установленные условия и порядок ее применения.

Заключение. В современном таможенном праве система льгот играет важную роль в регулировании внешнеэкономической деятельности, стимулировании экспорта и импорта, а также обеспечении социальной защиты населения и поддержки отдельных отраслей экономики. В статье были рассмотрены основные виды таможенных льгот, такие как преференциальные режимы, льготы по видам товаров, для отдельных категорий участников ВЭД и особые режимы.

Особое внимание уделено содержанию льгот – условиям их предоставления, процедурам оформления и контролю, что является важным для обеспечения прозрачности и

эффективности их применения. Анализ нормативных актов и международных соглашений позволяет сделать вывод о необходимости постоянного совершенствования таможенного законодательства для адаптации к современным вызовам глобальной экономики.

В целом, развитие системы таможенных льгот требует сбалансированного подхода, сочетающего интересы государства, бизнеса и общества. Перспективными направлениями являются расширение преференциальных режимов, повышение уровня прозрачности и усиление контроля за использованием льгот, что позволит повысить их эффективность и снизить риски неправомерного их применения.

Статья 66 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза предусматривает возможность установления таможенных льгот для отдельных категорий импортируемых товаров, что способствует стимулированию и поддержке различных видов деятельности, а также облегчает процесс ввоза товаров для личного пользования и проведения мероприятий. Данная норма направлена на поддержку гуманитарных организаций, облегчение процесса оказания помощи пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, стимулирование развития культуры, спорта, образования и других социальных сфер, а также на поддержку научных исследований, образования, медицины и других социально значимых сфер. При этом установление таможенных льгот для отдельных категорий импортируемых товаров должно осуществляться в соответствии с действующим законодательством и не должно наносить ущерб экономическим интересам государств-членов ЕАЭС.

Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать оптимизации механизмов предоставления льгот и развитию международного сотрудничества в сфере таможенного регулирования.

Литература

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. Принят Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 21

апреля 2015 г. № 31. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurasiancommission.org/ru/act/tk/> (Дата обращения: 05.05.2025).

2. Договор о Евразийском экономическом союзе. Принят в Астане 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurasiancommission.org/ru/act/eeu/> (Дата обращения: 05.05.2025).

3. Кузкина Е.А. Таможенные льготы: механизм установления и практика применения / Е.А. Кузкина // Молодой ученый. – 2018. – № 412. – С. 90761. [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/archive/412/90761/> (Дата обращения: 05.05.2025).

4. Курьсь Н.В. Актуальность и преемственность таможенных льгот для иностранных инвесторов // Н.В. Курьсь // материалы научной статьи по специальности «Экономика и бизнес» – Москва, 2011. – С. 47.

5. Лукьянова Е.А. Классификация правовых льгот в области таможенного дела / Е.А. Лукьянова // Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 156-161. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-pravovyh-lgot-v-oblasti-tamozhennogo-dela> (Дата обращения: 05.05.2025).

6. Таможенные льготы: механизм установления и практика применения / Е.А. Кузкина [и др.] // Экономика и право. – 2019. – № 2. – С. 152-157. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamozhennye-lgoty-mehanizm-ustanovleniya-i-praktika-primeneniya> (Дата обращения: 05.05.2025).

7. Кузкин В.В. Таможенные льготы в Евразийском экономическом союзе: виды и порядок предоставления / В.В. Кузкин // Экономика и право. – 2020. – № 12. – С. 114-119. [Электронный ресурс]. – URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/67513/kuzkin_vkr_tekst.pdf (Дата обращения: 05.05.2025).

8. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107 «О мерах нетарифного регулирования Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/7c085c21a2e24cccc1bdce9d402d691e0d300536029f7/ (Дата обращения: 05.05.2025).

SAVLUK Angelina Sergeevna

Student,
Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod

*Scientific Advisor – Associate Professor of Belgorod State National Research University,
Candidate of Sociological Sciences Shapoval Zhanna Alexandrovna*

TYPES AND CONTENT OF BENEFITS IN CUSTOMS LAW

Abstract. *The article discusses the types and content of benefits in customs law, as well as methods and organizational forms of their research. The author analyzes the regulatory framework, applied methods and organizational forms, and draws conclusions about the possibilities of a comprehensive study of customs benefits to improve customs legislation and increase the effectiveness of customs regulation.*

Keywords: *customs privileges, customs law, customs regulation.*

СИЛЯЕВ Олег Евгеньевич

студент,

Забайкальский государственный университет,
Россия, г. Чита

**ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

Аннотация. Статья посвящена изучению причин и условий корыстно-насильственной преступности в Забайкальском регионе. Также рассматриваются меры профилактики посягательств данного вида.

Ключевые слова: преступление, корыстная цель, насилие, посягательство на собственность, причины и условия, профилактика, предупреждение.

Корыстно-насильственная преступность, как и любая другая, формируется под влиянием множества факторов. Причинами и условиями такого вида преступности могут быть как социально-экономические условия (в частности, тяжелое материальное положение, отсутствие образования и т. д.), так и личные качества человека (например, патологическая склонность к насилию).

Общегосударственные причины корыстно-насильственной преступности выражены, в том числе и в уровне безработицы, что часто приводит к экономическим трудностям и повышает риск совершения преступлений для получения материальной выгоды за счет чужого имущества (а иногда даже для выживания).

И. О. Финогенов по этому поводу

подчеркивает: «Безработные люди часто оказываются в сложной жизненной ситуации, которая может привести к ухудшению их финансового положения, социальной изоляции и психологическому давлению. В таких условиях люди могут стать более склонными к совершению преступлений, чтобы получить деньги или улучшить свое положение» [10, с. 318].

Тот факт, что уровень безработицы коррелирует с уровнем корыстно-насильственной преступности подтверждается статистическими данными.

Рассмотрим данное утверждение на региональном уровне (на примере Забайкальского края). И так, уровень безработицы населения в Забайкальском крае в среднем в процентах за последние три года [9] был следующим:

Таблица

Динамика уровня безработицы по Забайкальскому краю за период с 2022 по 2024 гг.

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Уровень безработицы по Забайкальскому краю	8.7%	6.9%	5%

Наблюдается постепенное и постоянное снижение рассматриваемого показателя: «В Забайкальском крае наблюдается стабильное снижение уровня безработицы. По итогам 2024 года уровень безработицы в Забайкальском крае снизился на 2 процентных пункта и составил 5%. Министерство труда и социальной защиты населения Забайкальского края отмечает положительную динамику и выражает уверенность в дальнейшем снижении безработицы» [8].

Снижение наблюдается и в уровне корыстно-насильственной преступности в данном регионе; анализ статистических

показателей в отношении числа грабежей, разбоев и вымогательства, совершенных с применением насилия [4, 5], показывает, преступность снизилась соответственно на 18.69%, 4.55% и 30.77% в сравнении с прошлым годом.

Безусловно, безработица выступает лишь как одна из детерминант корыстно-насильственной преступности и влияет на неё лишь частично.

Ряд авторов – О. А. Маркова, Л. Б. Ковальчук, М. С. Кошелев – в качестве условия роста преступности называют социально-экономические недоработки Забайкальского края: «Низкий уровень результативности социально-

экономических процессов в Забайкальском крае, не обеспечивающий удовлетворения наиболее важных для нормальной жизнедеятельности потребностей населения, обуславливает рост преступности, увеличивает уровень виктимизации населения» [3, с. 63].

Все вместе это создает условия для возникновения корыстной преступности, которая в отдельных случаях сопровождается применением насилия.

Об этом говорит и Е. Ю. Стрижов: «В совокупности все причины приводят к социально-нравственной деформации, под которой понимаются негативные, необратимые процессы, развивающиеся в сознании человека, и выражающиеся в подмене правильных, нравственных установок на неправильные, не соответствующие нормам морали и нравственности, установленным в обществе» [7, с. 42].

Изучение этих причин и условий является необходимым этапом профилактики преступлений против собственности, совершенных с применением насилия (грабеж, разбой, вымогательство). Схожего мнения придерживается и Я. Д. Эпова: «Знание причин корыстных преступных посягательств против собственности и условий, способствующих их совершению, является одним из условий, позволяющих не только глубоко и всесторонне исследовать участников противоправных деяний, но и в определенной мере изучить структуру личности участников корыстных преступлений и на основе этого определить наиболее эффективные меры профилактического воздействия» [11, с. 18].

И. В. Пикин в своей работе предлагает следующие меры предупреждения грабежа: «1) по нормализации социально-экономической обстановки в стране, устранению причин, создающих предпосылки для совершения преступлений; 2) профилактика детской безнадзорности, выявлению трудных подростков, расширение возможностей для молодежного досуга; надзор за трудными подростками; 3) развитие правовой культуры населения, пропаганда законопослушного образа жизни; 4) развитие законодательства в сфере прав граждан на вооруженную самооборону; 5) установка систем видеонаблюдения в общественных местах» [6, с. 82].

Предполагается, что данные меры могут способствовать предотвращению и иных деяний, входящих в группу корыстно-насильственных преступлений.

Отметим, что специфической единой программы превентивных мер в данной сфере не имеется; каждый субъект федерации с учетом региональных особенностей разрабатывает и производит соответствующий комплекс работ.

В Забайкальском крае в рамках борьбы с преступностью (в том числе корыстно-насильственной направленности) реализуются различные меры указанной направленности. Так, принята районная целевая программа о профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних на 2023-2024 года [2], Программа «Профилактика правонарушений на территории городского поселения «Забайкальское» на 2024–2027 г.» [1] и др. В рамках последней запланирована долгосрочная реализация комплекса мер по локализации причин и условий, способствующих совершению преступлений, воздействию на граждан в направлении формирования их законопослушного поведения и правового воспитания.

В рассматриваемом регионе достаточно много внимания уделяется предотвращению посягательств корыстно-насильственной направленности, но, к сожалению, определенный уровень преступности сохраняется, что говорит о необходимости совершенствовать профилактическую работу, адаптируя ее под современные реалии.

В заключение необходимо отметить, что причин корыстно-насильственной преступности достаточно много и каждая из них так или иначе влияет на ее уровень.

Сегодня нет единого подхода к устранению причин и условий совершения такого рода посягательств; каждый субъект федерации, используя общепринятые профилактические меры, на региональном и местном уровнях разрабатывает собственные программы, в которых учитываются специфические социально-экономические характеристики данной местности.

Литература

1. Постановление Администрации городского поселения «Забайкальское» Муниципального района «Забайкальский район» от 24.10.2024 г. № 604 «Об утверждении муниципальной программы «Профилактика правонарушений на территории городского поселения «Забайкальское» на 2024–2027 годы» / Официальный сайт Администрации городского поселения «Забайкальское» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.zabadm.ru/attachments/article/4661>
/ (28 мая 2025).

2. Постановление № 291 от 01.09.2022 г. «Об утверждении районной целевой программы «Профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних на 2023-2024 года» / Официальный портал Забайкальского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nerzavod.75.ru/deyatelnost/komitet-ekonomiki-i-upravleniya-imuschestvom/municipal-nye-programmy/312706-postanovlenie-291-ot-01-09-22-g-ob-utverzhenii-rayonnoy-celevoy-programmy-profilaktika-beznadzornosti-i-pravonarusheniy-sredi-nesovershennoletnih-na-2023-2024-goda> (28 мая 2025).

3. Маркова О.А., Ковальчук Л.Б., Кошелев М.С. Детерминанты криминогенной виктимизации населения Забайкальского края // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 61-65.

4. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2023 год / Официальный сайт Управления Судебного департамента в Забайкальском крае [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://usd.cht.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=1> (дата обращения 26.05.2025).

5. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2024 год / Официальный сайт Управления Судебного

департамента в Забайкальском крае [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://usd.cht.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=1> (дата обращения 26.05.2025).

6. Пикин И.В. Криминологическая характеристика и предупреждение грабежей на современном этапе // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 4(65). – С. 81-84.

7. Стрижов Е.Ю. Нравственно-правовая надёжность личности: психологическая модель и механизмы развития // Прикладная юридическая психология. – 2009. – № 4. – С. 40-55.

8. Уровень безработицы в Забайкальском крае снизился до 4,5% / Официальный портал Забайкальского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://75.ru/news/399058#:~:text=По%20ито-гам%202024%20года%20уровень,и%20соста-вил%204%2C5%25.\(22 мая 2025\).](https://75.ru/news/399058#:~:text=По%20ито-гам%202024%20года%20уровень,и%20соста-вил%204%2C5%25.(22%20мая%202025).)

9. Уровень безработицы населения, в среднем за год в 2002–2024 гг. (в %) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/9_Уровень%20безработицы\(1\).pdf](https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/9_Уровень%20безработицы(1).pdf) (22 мая 2025).

10. Финогенов И.О. Безработица как один из факторов, влияющих на формирование преступности // Молодой ученый. – 2023. – № 24 (471). – С. 317-319.

11. Эпова Я.Д. Причины корыстно-насильственной преступности // Юридический факт. – 2020. – № 83. – С. 13-18.

SILYAEV Oleg Evgenievich

Student,

Zabaykalsky State University,

Russia, Chita

CAUSES AND CONDITIONS OF MERCENARY VIOLENT CRIME ON THE EXAMPLE OF THE TRANS-BAIKAL REGION

Abstract. The article is devoted to the study of the causes and conditions of mercenary and violent crime in the Trans-Baikal region. Measures to prevent attacks of this type are also being considered.

Keywords: crimes, selfish purpose, violence, encroachment on property, causes and conditions, prevention.

ЧЕРНОВ Александр Александрович

магистрант,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации – Липецкий филиал, Россия, г. Липецк

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье автор рассматривает влияние транспортной безопасности на развитие реального сектора экономики России. Автор изучает статистические данные развития сектора экономики и основные ее проблемы. В заключении автор анализирует уже принимаемые меры по развитию транспортной безопасности.

Ключевые слова: экономика государства, реальный сектор экономики, транспортная безопасность.

Одним из ключевых показателей эффективности государства является уровень развития ее экономики. Экономическая теория рассматривает экономику государства как систему, где все виды экономических ресурсов, факторов производства, денежных средств находятся в государственной собственности, в распоряжении и ведении государственных органов власти. Ее главная цель – создание эффективной и конкурентоспособной хозяйственной системы.

По данным Росстата, в 2024 году российская экономика выросла на 4,1%. Это достаточно высокая динамика, особенно в условиях тех внешнеэкономических ограничений, в которых сейчас она функционирует. Наиболее значимым фактором развития экономики в последние три года является реальный сектор. Именно существенный рост промышленного производства в основном и предопределил общий показатель экономического роста [1].

Экономика России делится на два сектора:

- реальный сектор – часть экономики, направленная на создание товаров и услуг материального или нематериального характера, способные удовлетворять потребности общества;
- финансовый сектор – в ней происходит перераспределение капитала и обслуживание реального сектора. В нее входят банковские организации, фондовые биржи и т. д.

В свою очередь реальный сектор экономики формируется из ряда отраслей: добыча полезных ископаемых, промышленность, сельское хозяйство и продовольственная

промышленность, строительство, транспорт и связь, наука и технологии, торговля и услуги, энергетика.

Являясь основой любой экономики, реальный сектор нуждается в обеспечении его экономической безопасности. Экономическая безопасность неразрывно связана с обеспечением транспортной безопасности, которая в данном случае понимается как отсутствие опасности в сфере оказания транспортных услуг для развития отраслей экономики.

Транспортная безопасность оказывает влияние на реальный сектор экономики следующими способами:

- создание доверия у населения и бизнеса. Безопасный транспорт способствует увеличению поставок и перевозок грузов и людей. Каждая авария или чрезвычайная ситуация на транспорте несет негативные последствия и для отдельной компании, так и для экономики государства в целом;
- поддержание и развитие единого экономического пространства. Прочные связи районов страны с помощью транспортной инфраструктуры являются катализатором для развития местного, регионального и государственного рынков;
- влияние на эффективность производства. Безопасные и качественные транспортные услуги определяют развитие производства, бизнеса и социальной сферы. Быстрые и безопасные доставки оказывают положительный эффект на экономику.

Коллектив авторов В. Малов, Б. Мелентьев и В. ИONOва в своем исследовании отмечают, что

транспортный комплекс России и существующие на сегодняшний день проблемы транспортной безопасности рассматриваются нами в контексте обеспечения экономической безопасности страны в целом и понимаются как отсутствие опасностей (ограничений) в сфере оказания транспортных услуг для развития различных отраслей экономики [2, с. 120].

К основным проблемам обеспечения транспортной безопасности можно отнести:

- отсутствие или недостаточность провозной способности отдельных участков путей сообщения;
- сложные условия транзита через третьи государства;
- отсутствие транспорта;
- высокая тарифная нагрузка;
- недостаточный уровень безопасности перевозок по определенным путям и направлениям.

Согласимся с мнением авторов о том, что приоритетную важность имеет первая проблема, другие проблемы также важны, но разработка мер по их решению может быть достигнута в достаточно короткие сроки. К примеру, недостающие транспортные средства уже массово приобретаются из Китая.

Недостаточность провозной способности сегодня стала более актуальной. После введения экономических санкций со стороны стран Запада Россия в стремлении найти новых партнеров, начала переориентацию экономики на Восток. Наиболее важными способами доставки грузов является железнодорожный транспорт, который сегодня представлен Байкало-Амурской магистралью, и Транссибирской магистралью.

Президент России Владимир Путин отмечал, что в 2024 году провозная способность магистрали составила почти 42 млн тонн [3]. Основная проблема заключается в том, что некоторые участки являются однопутными, что существенно замедляет проезд длинных грузовых составов во встречном направлении. Несмотря

на то, что за последние 12 лет пропускная способность магистрали выросла в 3 раза, развитие БАМа продолжается. Планируется, что к 2030 году провозная способность Восточного полигона, объединяющего БАМ и Транссибирскую магистраль, достигнет 210 миллионов тонн, а к концу 2032 года – 270 миллионов тонн в год. Основная задача – создание «дублера» Транссибирской магистрали – Севсиба. Данное решение является ключом к увеличению транспортной безопасности и организации «моста» между азиатской и европейской частью страны, способного перевозить до 1 млн грузовых контейнеров в год.

В заключении стоит отметить, что эффективная и безопасная работа федеральной транспортной инфраструктуры возможна при ее сопряжении с региональными транспортными сетями, что создает условия для стимулирования экономики государства. Особенно это важно для восточных регионов России, где формирование цены конечного продукта находится в зависимости от транспортной безопасности.

Литература

1. Одним словом – рост. Как развивалась российская экономика в 2024 году. – URL: https://rg.ru/2025/04/02/rost.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 04.04.2025). – Режим доступа: официальный сайт издания «Российская газета» [сайт].
2. Малов В. Транспортная безопасность экономики России: опыт количественных оценок / В. Малов, Б. Мелетьев, В. Ионов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 6 – С. 120-133.
3. Путин рассказал о росте мощности БАМа втрое за 12 лет. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/04/24/putin-rasskazal-o-roste-moschnosti-bama/> (дата обращения: 04.04.2025). – Режим доступа: официальный сайт издания «LENTA.RU» [сайт].

CHERNOV Alexander Alexandrovich

Master's Student,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration – Lipetsk Branch,
Russia, Lipetsk

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE REAL SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY IN THE FIELD OF TRANSPORT SECURITY

Abstract. *In the article, the author examines the impact of transport security on the development of the real sector of the Russian economy. The author studies statistical data on the development of the economic sector and its main problems. In conclusion, the author analyzes the measures already being taken to develop transport security.*

Keywords: *state economy, real sector of economy, transport security.*

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА, PR

10.5281/zenodo.15636400

NASIROV Rashodkhon RamzitdinovichRegional Marketing Manager,
Multinational Company, Kingdom of Saudi Arabia, Riyadh

THE STRATEGIC ROLE OF PORTFOLIO ARCHITECTURE IN FMCG BRAND GROWTH: BALANCING CORE, HERO, AND INNOVATION SKUS

Abstract. *This article explores the strategic role of portfolio architecture in FMCG growth, focusing on SKU optimization across core, hero, and innovation categories. It analyzes trade-offs between product line breadth and depth using frameworks such as the BCG and Ansoff matrices. Real-world examples from the Middle East and CIS regions illustrate how effective portfolio management can enhance competitiveness, operational efficiency, and long-term brand performance.*

Keywords: *portfolio architecture, FMCG, core products, Hero SKUs, innovation strategy, product line breadth, product line depth, BCG matrix, Ansoff matrix, emerging markets, Middle East, Commonwealth of Independent States (CIS).*

Introduction

Fast-Moving Consumer Goods (FMCG) companies thrive or falter based on how effectively they manage their product portfolios across multiple categories. Portfolio architecture – the strategic design of a company's mix of product lines and stock-keeping units (SKUs) – plays a pivotal role in brand growth. Striking the right balance between maintaining core offerings, nurturing hero products, and introducing innovation SKUs is especially critical in competitive FMCG markets. This is evident in high-growth regions like the Middle East and the Commonwealth of Independent States (CIS), where rising incomes and local consumer nuances demand savvy portfolio strategies [1]. Leading local players (e.g. in the Middle East, Saudi-based Almarai in dairy, bakery, and poultry) have built robust multi-category portfolios by leveraging intimate knowledge of regional tastes. At the same time, global FMCG firms in these regions face the challenge of serving diverse consumer needs while avoiding unmanageable complexity. This article examines how a well-crafted portfolio architecture – with careful trade-offs between SKU breadth and depth – can fuel sustainable brand growth. We discuss the roles of core, hero, and innovation SKUs in the portfolio,

the depth-vs.-breadth decision and relevant frameworks (BCG Matrix, Ansoff Matrix, etc.) to guide strategic choices. Real-world examples from the bakery, poultry, and dairy sectors (supplemented by other FMCG categories) will illustrate best practices and common pitfalls. Ultimately, balancing continuity and innovation within the product mix is key to winning both at the shelf and on the bottom line.

Portfolio Architecture and Its Impact on FMCG Growth

In essence, portfolio architecture refers to how a company structures its range of products – spanning multiple categories and SKUs – to maximize market coverage and growth synergies. A thoughtful portfolio strategy can boost market penetration, operational efficiency, and brand equity, whereas a haphazard one can dilute resources and confuse consumers. FMCG history shows that more is not always better: adding endless flavors, pack sizes, and variants can create complexity that undermines growth [6]. For example, Bain & Company reported that between 2000 and 2011 the total number of SKUs in Spain's consumer goods market grew 40%, yet sales per SKU in stores declined, as proliferation led to lower productivity per item [6]. Unchecked variety not only raises

supply chain and production costs, but also clutter retail shelves, causing low-rotating SKUs to cannibalize shelf space from top-sellers. Thus, an overly broad portfolio can attack growth and profits in subtle ways [6]. On the other hand, an overly narrow assortment risks missing consumer segments or ceding niche opportunities to competitors. The goal is optimal assortment: enough breadth to cover key categories and consumer needs but enough focus (depth in key SKUs) to achieve efficiency and impact.

To guide these decisions, executives often turn to classic strategic frameworks. The BCG Growth-

Share Matrix, for instance, is a time-tested tool for portfolio analysis. It classifies a firm's products or business units into four categories – Stars, Cash Cows, Question Marks, and Dogs – based on market growth rate and relative market share figure 1 [2]. High-share, high-growth items ("Stars") typically warrant heavy investment, whereas low-share, low-growth items ("Dogs") may be candidates for divestment or discontinuation. The BCG Matrix helps managers prioritize resources among core brands and new ventures.

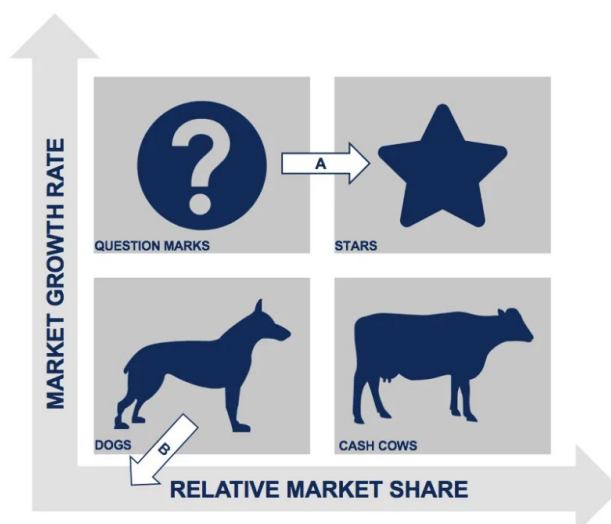

Fig. 1. BCG Matrix is a business planning tool used to evaluate the strategic position of a firm's brand portfolio

Complementing this, the Ansoff Matrix (Product/Market Expansion Grid) provides a lens for growth strategy – whether through market penetration (existing products in existing markets), product development (new products to current markets), market development (entering new markets with current products), or diversification (new products in new markets) figure 2 [3]. Each

quadrant carries different risk: penetrating more deeply with core SKUs is the least risky, while diversifying into entirely new categories is most radical. Together, such frameworks encourage viewing the product portfolio as a dynamic mix of investments: nurturing cash-generators, cultivating rising stars, and selectively experimenting with innovations.

Fig. 2. Ansoff Matrix is used to evaluate the relative attractiveness of growth strategies that leverage both existing products and markets vs. new ones, as well as the level of risk associated with each

Crucially, portfolio architecture is not a one-time decision but an ongoing strategic discipline. Leading companies establish formal processes for portfolio review and innovation management. For example, Godrej Consumer Products – an emerging-markets FMCG firm active in Asia, Africa, and the Middle East – formalized a stage-gate innovation pipeline across categories, while simultaneously focusing on “revitalizing our core products to maintain a strong product portfolio” [7]. This ensures that new product development (e.g. flavor extensions, format innovations) is rigorously managed and aligned with overall brand strategy, rather than draining resources from core brands. Top executives also recognize that balancing core vs. new is key to resilience. In the Middle East, a region now ranked second globally in commitment to innovation (with 58% of companies qualifying as “committed innovators” vs 45% globally) [14], successful FMCGs marry global innovation best practices with local market insights. In sum, portfolio architecture links marketing strategy (which products for which consumers) with innovation strategy (how to sustain growth long-term), under the constraints of operational feasibility.

SKU Breadth vs. Depth: Trade-offs in Portfolio Scope

A fundamental decision in portfolio design is how broad versus deep the product assortment should be. Product line breadth refers to the number of different product lines or categories a company offers, whereas product line depth refers to the number of variations within each line (e.g. flavors, sizes, formats) [13]. In other words, breadth is about covering a wide range of consumer needs across categories, while depth is about offering choice and specialization within a particular category. Both strategies have benefits and drawbacks:

- **High Breadth (Wide Portfolio):** Offering a broad array of product types can help an FMCG firm diversify revenue streams and appeal to a broader customer base. For instance, a company like Almarai in the Middle East expanded from its core dairy business into bakery, fruit juice, poultry, and even infant nutrition, leveraging its brand to become a one-stop food and beverage provider. This breadth has driven consistent revenue growth across core Gulf markets, with bakery and poultry expansions complementing the mature dairy category [10]. A broad portfolio can also strengthen a firm’s position with retailers by occupying multiple shelf sections and enabling cross-category promotions. However, pursuing many categories can stretch a company’s capabilities. Managing disparate businesses requires distinct supply chains,

R&D, and marketing approaches. Broad portfolios risk becoming sprawling and unfocused if not curated carefully.

- **High Depth (Deep Portfolio in Fewer Areas):** Alternatively, a company can focus on a narrower set of categories but offer great depth of choice within each – becoming a category specialist. This strategy can cater to diverse consumer preferences in that niche and build a reputation for authority in the category. For example, a bakery snacks brand might offer dozens of variations of croissants, cakes, and biscuits to cover every flavor and occasion. Specialty retailers often favor depth over breadth, aiming to dominate a particular category with extensive options [12]. The trade-off is that too much depth can overwhelm consumers and complicate operations. Studies indicate that past a certain point, incremental SKUs add minimal new sales but exponentially more complexity [6]. As one supply chain expert quipped, companies keep adding SKUs “willy-nilly” without ensuring each variant truly earns its keep [8]. Each SKU introduced incurs costs – in production changeovers, inventory, shelf slotting, etc. – so a proliferation of variants can erode margins and agility. The key question is always: does this new SKU add sufficient consumer value and incremental revenue to justify its existence? If not, it may simply cannibalize sales of core SKUs or confuse shoppers.

Many FMCG firms, in fact, have discovered the hard way that an over-extended product lineup can hurt performance. Nestlé SA, the world’s largest food company, launched a major SKU rationalization program in 2022 to prune low-performing products and refocus on impactful ones [11]. In early 2023, Nestlé’s CFO noted that deliberate cuts of “low-growth and low-margin products” had a short-term drag on sales volumes, contributing to a –0.5% real internal growth in Q1 2023, but was expected to yield net positive benefits by year-end. These benefits included improved service levels and more resources freed for high-rotation items. Similarly, Coca-Cola undertook a “ruthless” SKU reduction during the 2020 pandemic, extending even to discontinuing entire brands, in order to prioritize fewer, stronger offerings [4]. According to Coca-Cola’s CEO James Quincey, the company “ruthlessly prioritized core brands and SKUs to strengthen the resilience of [the] supply chain”, and later decided to streamline its brand portfolio by exiting “zombie” brands that were not worth continued investment. This move, while painful (net revenue fell in the short term amid the SKU cuts), was aimed at improving operational focus

and margin in subsequent quarters [4]. These cases underscore a paradigm shift in FMCG: bigger portfolios are not always better – smart simplification can drive efficiency and growth.

That said, finding the right level of breadth and depth requires nuanced analysis. Retail dynamics play a role: some retailers still prefer to “compete on variety,” believing that a wider assortment creates a perception of choice for consumers [5]. As one analyst noted, a supermarket cannot stock only the #1 national brand and a private label – shoppers expect to see the #2 and #3 brands as well to feel they have a real choice. If a manufacturer cuts too deep, it might lose placements to a competitor’s SKU. A cautionary tale is Wal-Mart’s experience in the late 2000s: after aggressively rationalizing its product assortment to trim “unproductive” SKUs, Wal-Mart discovered customers still wanted many of those items, forcing the retailer to reinstate around 8500 items it had delisted [15]. Moreover, certain slow-moving SKUs have indirect value (e.g. a gravy mix that doesn’t sell huge volume but drives sales of roast chicken, a companion product). Such complementary effects mean one cannot rely purely on item-by-item sales data; basket analysis is needed to see the full picture [5].

In practice, leading FMCG companies adopt a balanced approach: continuous pruning and cultivation. They routinely analyze SKU performance, often finding that a small minority of SKUs drive the bulk of revenue (the 80/20 rule) and that a “long tail” of fragmented SKUs contributes little. These firms implement ongoing portfolio reviews to eliminate the true underperformers (the “dead wood”), while carefully managing regional or retailer-specific SKUs and limited-time offerings. As one industry expert advises, “when an SKU is clearly not paying its way then delist! Get rid of the dead wood and put your scarce resources behind what is successful on the shelf” [8]. He recommends a structured, board-level process to review SKU productivity, rather than ad-hoc or politically driven decisions. Not every low seller should be cut – some serve niche segments or strategic roles – but every SKU should have a purpose. The end result of such discipline is a leaner, stronger portfolio. Bain & Company, after working with various FMCGs, observed that trimming the bottom-tier SKUs (often cutting 10–20% of total SKU count) can yield a double benefit: increased sales for the remaining core SKUs and significant cost reductions [6]. In one case, a company that cut nearly half of its tail SKUs (reducing total SKUs by 10%) saw 16% gains in revenue per SKU and a 45%

drop in complexity costs. Another category saw sales grow 17% despite a 42% reduction in SKUs, as consumers shifted to the streamlined assortment. These examples show that judicious reduction of depth (where it is unproductive) can actually enhance overall performance – a case of “selling less to sell more” [6].

At the same time, companies must be ready to expand breadth or add depth when it truly meets a market need or fuels growth. For instance, Almarai’s push into new categories like seafood and frozen bakery products in 2023 reflects a strategic broadening of its portfolio to tap unmet demand [10]. The company explicitly stated that “product portfolio expansion and continual focus on operational efficiency will assist to overcome challenges” such as market saturation in core businesses. Likewise in the CIS region, Russia’s agribusiness giant Miratorg evolved from a meat producer into a multi-segment food company by adding new product lines (frozen vegetables, ready meals, etc.) to its portfolio [9]. Miratorg leveraged its vertical integration and quality reputation in meats to offer a wider range of frozen foods, thereby increasing its share of consumers’ wallets while maintaining its core brand promise. These moves illustrate that adding breadth can unlock new revenue streams if a firm has the capabilities to deliver quality in those new segments. The decision to broaden or deepen the SKU mix thus hinges on strategic fit and operational readiness: Will a new SKU or category drive incremental growth? Does it align with brand positioning? Can the supply chain handle it efficiently? A rigorous, framework-based analysis – using tools like BCG (to consider market share/growth prospects) and Ansoff (to consider new markets/products risk) – helps answer these questions before making portfolio moves.

Defining Core, Hero, and Innovation SKUs

In optimizing portfolio architecture, FMCG managers often categorize their SKUs into different roles: core, hero, and innovation SKUs. Understanding these roles is essential to allocate resources and make trade-offs:

- **Core SKUs:** These are the essential, base products that form the backbone of the business. Core SKUs typically are the high-volume, reliable sellers that meet sustained, mainstream consumer demand – often equivalent to a company’s “bread-and-butter” products or cash cows. They may not always be glamorous, but they deliver consistent revenue and profit, and represent the brand’s fundamental promise. For example, a dairy company’s core SKUs might include plain white milk, basic

cheese, and natural yogurt – staple products that have steady demand. Core SKUs usually enjoy wide distribution and are prioritized for shelf space and supply continuity. Strategically, core SKUs warrant defensive investment to maintain their market share (since they are often in mature segments). They are also the benchmarks of brand quality in consumers' eyes. For instance, if Almarai's core fresh milk or a bakery's standard white bread disappoints consumers, the brand's overall reputation would suffer. Thus, companies treat core products with great care: ensuring consistent quality, competitive pricing, and marketing support to keep them relevant. In portfolio terms, many core SKUs are analogous to Cash Cows in the BCG matrix (high market share, low growth markets) – they generate cash that can fund other initiatives [2]. A key strategic task is to keep core SKUs “fresh” and defend their position even as markets evolve. This may involve occasional “renovation” (minor improvements or packaging refreshes) to address changing consumer preferences without altering the fundamental proposition [7]. Godrej's focus on “revitalizing our core products” to maintain a strong portfolio is one example of how core SKU stewardship is an ongoing effort. In summary, core SKUs are the stable foundation of the portfolio – they require continuous nurturing and protection.

- **Hero SKUs:** A relatively small subset of the portfolio can be classified as hero products – the flagship offerings that drive disproportionate brand growth, visibility, and shopper preference. Hero SKUs are often those that every shopper knows and looks for, and which contribute a large share of sales and profits for both the manufacturer and retailers [16]. They tend to be the stars of the lineup (some may literally be BCG “Stars” with high share and growth). Importantly, hero SKUs are not defined only by internal sales metrics; they are strategically significant products that resonate strongly with consumers and are pivotal for the category [6]. Bain & Company describes hero SKUs as the “critical” items with the highest potential to win with shoppers and retailers – not just by size, but by how meaningful they are to consumers' needs and to the retailer's assortment. These are the items that “help the category grow” and whose success builds on itself: high volume leads to economies of scale, yielding better margins that can be reinvested in further growth initiatives [6]. A hero SKU could be a market-leading product (e.g., the number-one brand of spreadable cheese in a region) or a signature product synonymous with the brand (e.g., a cookie brand's most famous flavor).

Hero SKUs warrant concentrated attention. Research has shown that focusing on a few hero SKUs can boost overall performance more than spreading efforts thin across many minor SKUs. Retailers appreciate hero SKUs because they are reliable traffic drivers with fast rotation [6]. In fact, companies that identify and double down on their hero products can often convince retailers to give those items more shelf space while trimming low-rotation SKUs – a win-win for both parties. An illustrative example is the strategy of “power brands” or “power SKUs” employed by some FMCG firms. Mondelez International, for instance, in recent years prioritized a set of its power brands (like Cadbury, Oreo, etc.) for investment and innovation, focusing on those heroes to drive global growth [17]. Similarly, Bain's analysis of leading consumer goods players found that many are overcoming the fear of SKU reduction by demonstrating that a few hero SKUs, if fully supported and continuously renewed, can serve shoppers better than a long tail of undifferentiated variants. A concrete case: A meat producer, after trimming its portfolio to focus on core winners, actually saw faster growth – it cut ~10% of SKUs (mostly tail) and achieved 16% higher revenue-per-SKU and huge cost savings, effectively “turbocharging growth” by focusing on heroes [6]. Hero SKUs often enjoy the majority of marketing spend as well, as companies seek to maximize their impact. They are the products highlighted in consumer communications, in-store displays, and innovation efforts (more on that below). In summary, hero SKUs are the growth engines and brand exemplars – the company should do everything to ensure they remain strong (availability, promotion, quality) and keep delighting consumers.

- **Innovation SKUs:** These are the new products and novel variants introduced to the market to address emerging consumer needs, test new ideas, or spur growth in stagnating categories. Innovation SKUs can take many forms – a line extension (new flavor, new format, limited edition), a genuinely new product concept in an existing category, or a foray into a completely new category. They correspond to product development or diversification strategies in Ansoff's framework. By nature, innovation SKUs carry higher uncertainty: they may become the next hero product or they may fail to gain traction. FMCG companies invest heavily in innovation – the largest players spend billions on R&D and product launches annually [16] – yet the success rates are sobering. Studies in mature markets have found that only ~15% of new FMCG products survive beyond their

second year. Many new SKUs fail to meaningfully add volume to their category, and some end up cannibalizing the company's own sales. Indeed, there is a well-documented risk that excessive innovation can hurt overall growth by diverting resources away from supporting the existing winners (core/hero products). Bain researchers describe a pattern where managers, seeing growth slowdown in their top products, unleash a "host of new products" to compensate – resulting in a flood of variants that consume advertising, shelf space, and management attention, ultimately "causing more bleeding to the core portfolio". In other words, a frenetic pace of innovation without focus can undermine the very brands that made the company successful.

Given these risks, smart companies approach innovation SKUs as a portfolio in itself – managing the mix of incremental vs. breakthrough innovation and ensuring new launches complement (rather than cannibalize) core offerings. One useful concept is the 70-20-10 rule of innovation: allocate ~70% of innovation resources to enhancing or sustaining core products, 20% to adjacent opportunities, and 10% to truly transformational ideas. Studies have found that companies following this kind of balanced innovation portfolio significantly outperform those that over-invest in radical innovation at the expense of core, or vice versa. Essentially, core and hero products should not be neglected; many innovations should aim to "reboot" or refresh the heroes rather than constantly chase the next big thing [16]. A classic example is Heinz ketchup: instead of launching unrelated new sauces, Heinz introduced an upside-down squeezable bottle for its core ketchup – an innovation on a century-old product that still yielded a 6% sales boost (when the rest of the category grew only 2%). This shows how innovation applied to a core hero product can unlock growth by better meeting consumer needs (in this case, convenience).

Of course, some innovation SKUs do represent new frontiers – e.g., a dairy company launching a plant-based milk alternative to tap into vegan trends, or a bakery brand introducing a gluten-free range. These are important to secure the company's future relevance. The challenge is integrating innovation SKUs into the portfolio strategy so that they are given room to grow, but also held accountable. Companies often set specific targets for new product vitality (contribution of products launched in last X years to sales) to gauge if their pipeline is healthy. At the same time, they may impose stage-gate hurdles: if an innovation SKU does not meet benchmarks (sales, trial, repeat

purchase) within a period, it might be reformulated or dropped. As an industry blog advised, if new SKUs are not carefully monitored, they can "hide under the radar" and linger without justification due to internal biases (e.g., a pet project or a "regional jewel") [8]. A disciplined approach will objectively assess whether each innovation is adding incremental value or just fragmenting the portfolio. Innovation SKUs, therefore, are the experimental and growth-seeding part of the portfolio – essential for long-term vitality, but requiring prudent management to ensure they enhance rather than detract from overall brand growth.

Balancing the Portfolio: Core, Hero, and Innovation in Harmony

The true art of portfolio architecture lies in balancing these three groups – core, hero, innovation – to achieve both short-term performance and long-term development. Each plays a distinct role, and over-indexing on any one can be detrimental:

- **Protecting and leveraging core SKUs** is vital for financial stability. These SKUs often fund the company's investments in innovation and brand building. A portfolio skewed too heavily toward experimental products with weak core sales can become unprofitable or lose retailer support. Especially in markets like the Middle East and CIS where traditional staples (bread, milk, basic proteins) remain central to diets, a strong core offering builds the baseline trust with consumers. Successful firms routinely reinforce their core through marketing focused on core brand values, ensuring wide availability, and maintaining competitive pricing. For example, even as it innovates, Almarai continues to emphasize its core fresh dairy's quality and freshness – core products that made it a household name. A healthy core provides the "cash cow" base (in BCG terms) that can be re-invested into growth areas. However, companies must guard against core complacency. Consumer preferences evolve, and core SKUs need occasional updating (e.g., reduced sugar formulations, fortified variants) to stay relevant. In dynamic markets, brands that cling to an aging core without innovation risk decline. Thus, the mantra is to "renovate the core while innovating for the future."

- **Elevating hero SKUs** to their full potential is another key priority. It is not enough to merely identify one's hero products; companies must also allocate outsized support to them. This can mean concentrating advertising on those SKUs, ensuring they are in stock and visible at retail, and expanding their reach. Hero SKUs often can travel across markets – a product that is a hit

in one country might be introduced to another (with localization) to replicate success. For instance, a dairy firm's hero Greek yogurt in one region could be launched in another market riding on its success formula. Cross-pollinating hero products is a growth lever. Furthermore, heroes should be the focus of much innovation as discussed: rather than launching brand-new brands, improving or extending a hero product can yield better ROI. Bain analysts term this using innovation to "keep heroes fit" and even turn them into "superheroes". This involves continuous upgrades or extensions that enhance the hero SKU's appeal – such as new pack sizes to target new consumption occasions, new flavors that complement the core flavor, or product improvements (e.g. a recipe tweak to make a product healthier). By doing so, the hero product stays fresh and maintains consumer interest over years. A caution is that brand teams shouldn't declare every SKU a hero; hero status must be earned by market impact. A slim portfolio where "everything is a priority" actually means nothing truly is. Instead, choices must be made – often a handful of SKUs (the 5–10 that drive the majority of sales) are designated as heroes, and receive strategic priority. Companies that have done this, like those in Bain's study, have seen faster growth and improved retailer relationships by simplifying the conversation to a few powerhouse SKUs [6]. Retail buyers, inundated with thousands of product options, appreciate when a manufacturer brings a clear focus on what will grow the category. Thus, focusing on heroes is a way to align with both consumer demand and retailer interests.

- **Fostering innovation SKUs** wisely completes the triad. Innovation is the engine of future growth and adaptation. However, it must be guided by strategy. Leading firms create innovation portfolios that align with overall brand positioning and category growth opportunities. A useful framework is to categorize innovation projects into core innovations (improvements to existing products), adjacent innovations (extensions into related categories or segments), and transformational innovations (new-to-company or new-to-world products). As noted, a proportional investment (like 70-20-10) ensures that most effort goes into low-risk, near-term payoff projects (which often involve core or hero SKUs), while still allocating resources to explore new frontiers. For example, an FMCG firm in the bakery sector might spend the bulk of its product development on improving its core bread recipes and packaging (core innovation), a smaller portion on developing, say,

gluten-free or premium artisan lines (adjacent innovation), and a bit on researching something truly novel like 3D-printed nutrition bars (transformational). By doing so, the company secures today's business and plants seeds for tomorrow. Moreover, integration of innovation SKUs into the core business is crucial once they prove themselves. A common pitfall is treating new products as side experiments; if an innovation SKU starts gaining traction, it should be scaled up and potentially moved into the core portfolio (and perhaps become a hero). An example is Dannon Oikos Greek yogurt in the U.S.: Danone launched it as a new SKU to ride the Greek yogurt trend (an innovation at the time), and when it took off, they aggressively scaled it, making Oikos a core brand that now rivals their traditional yogurt lines [16]. In contrast, innovation that doesn't meet expectations should be either improved rapidly or pruned to contain costs. Successful companies iterate on new SKUs quickly – using test markets, consumer feedback, and agile development – to refine the proposition or decide to fail fast. The stage-gate process mentioned earlier at Godrej is emblematic: it's a structured approach to evaluate innovation projects at checkpoints, ensuring only the promising ones move forward [7]. Finally, innovation should align with brand strategy: every new SKU should answer why this company/brand is best suited to offer it. That clarity helps in marketing the product and in determining whether it fits the portfolio or if it's an outlier that could confuse brand identity.

When core, hero, and innovation SKUs are balanced and aligned, the result is a resilient and dynamic portfolio. The core business fuels profitability and trust, hero products drive growth and brand leadership, and innovation feeds the pipeline of future core and hero products. Managing this balance is an ongoing process. Market conditions, consumer trends, and competitive actions all require periodic rebalancing. For instance, during economic downturns or supply chain crises (like the COVID-19 pandemic), many FMCG firms refocused on core SKUs – simplifying assortments to ensure supply and meet basic demand [4]. Coca-Cola's prioritization of core brands during the pandemic is a case in point. Conversely, in times of booming demand or shifts (e.g. a sudden craze for high-protein snacks), companies might lean more on innovation SKUs to capture the wave. The portfolio strategy should be agile, with decision mechanisms to scale up winners (whether core, hero, or new) and scale down laggards. Cross-functional coordination is also important: portfolio decisions

should involve marketing (for consumer insight), sales (for retailer perspective), supply chain (for feasibility), and finance (for profitability analysis). This ensures that when, say, a long-tail SKU is cut, everyone agrees on the rationale (e.g. it frees capacity to make hero SKUs with fewer stock-outs).

In practice, a well-balanced portfolio might look like this: Core SKUs making up perhaps 50–70% of revenue – stable and efficient; a few Hero SKUs within that core contributing a large chunk of growth and receiving majority of investments; and a stream of Innovation SKUs contributing, say, 10–20% of revenue and aimed at driving future expansion. These proportions can vary, but importantly, each category reinforces the others. The heroes bring consumers into the franchise, the core keeps them loyal and satisfied day-to-day, and the innovations excite them and preempt competitor disruption. A tangible example can be drawn from the dairy industry in an emerging market: the company's core plain yogurts and white milk (core) deliver scale and trust, its new fruit yogurt line becomes wildly popular (turns into a hero product), and concurrently it experiments with plant-based milks and lactose-free variants (innovation) to address new health trends – some of which may become future heroes. By managing resources across these, the brand grows in both volume and relevance.

Conclusion

In the FMCG sector, strategic portfolio architecture is a decisive factor in achieving sustainable brand growth. Companies that thoughtfully balance SKU depth and breadth – offering consumers variety where it matters, but not so much as to breed inefficiency – tend to outperform those that either spread themselves too thin or cling to a stagnant assortment. The interplay of core, hero, and innovation SKUs is central to this strategy. Core products provide continuity, revenue stability, and brand heritage; hero products act as focal points for differentiation and category leadership; and innovation products drive renewal and address emerging opportunities. The Middle East and CIS markets exemplify these dynamics: local champions with broad yet focused portfolios are holding their own against global competitors, leveraging core strengths while innovating for local tastes. For marketing professionals and brand managers, the take-home message is clear – portfolio decisions should be made as strategically as investments in new markets or factories. Tools like the BCG Matrix and Ansoff Matrix remain valuable for mapping where each product stands and where growth should come from next. Moreover, a

culture of continuous portfolio optimization (cutting underperformers, bolstering winners, and boldly investing in promising innovations) is crucial. As one industry saying goes, “You can't be everything to everyone” – and effective portfolio management is about choosing where to play and how to win.

In closing, a winning FMCG portfolio is coherent (each SKU has a role and supports the brand's promise), competitive (meeting consumer needs better than rivals' offerings), and cost-effective (optimized for profitability and operational simplicity). Achieving this is an ongoing journey. It requires marrying data-driven analysis (sales, margins, market trends) with strategic foresight and sometimes tough calls to simplify. The reward, however, is significant: companies that master their portfolio architecture are positioned to both maximize current market performance and adapt to future trends, ensuring enduring brand growth in the fast-moving consumer goods arena.

References

1. Best D. (2014, May 2). FMCG in the Middle East: Profile – Almarai. Just-Food. Retrieved from <https://www.just-food.com/features/fmcg-in-the-middle-east-profile-almarai/>.
2. Corporate Finance Institute. (n.d.). Boston Consulting Group (BCG) matrix. Corporate Finance Institute. Retrieved June 2025, from <https://corporatefinanceinstitute.com/resources/management/boston-consulting-group-bcg-matrix/>.
3. Corporate Finance Institute. (n.d.). Ansoff matrix – Overview, strategies and practical examples. Corporate Finance Institute. Retrieved June 2025, from <https://corporatefinanceinstitute.com/resources/management/ansoff-matrix/>.
4. Cosgrove E. (2020, July 22). Coca-Cola expands 'ruthless' SKU rationalization strategy to cut entire product lines. Supply Chain Dive. Retrieved June 2025, from <https://www.supplychain-dive.com/news/Coca-cola-SKU-brands-operations-rationalization/582081/>.
5. Garry M. (2009, May 15). Slicing SKUs. Supermarket News. Retrieved June 2025, from <https://www.supermarketnews.com/grocery-technology/slicing-skus>.
6. Giménez E. (2014, December 29). Growth through simplicity: How the best consumer goods players are getting bigger by getting smaller. Bain & Company. Retrieved from <https://www.bain.com/insights/growth-through-simplicity/>.
7. Godrej Consumer Products Limited. (2024). Annual & Integrated Report 2023-2024:

Management Discussion and Analysis – Our Strategic Pillars: Pillar 01: Category develop existing portfolio. Retrieved June 2025, from <https://go-drejcp.com/annual-report/2023-24/management-discussion-and-analysis/our-strategic-pillars/pillar-01>.

8. Jordan D. (2024, November 6). FMCG complexity – A stealthy increase in SKU numbers? Exchange Supply Chain Consultancy. Retrieved June 2025, from <https://supplychain.exchange.com/fmcg-complexity-a-stealthy-increase-in-sku-numbers>.

9. Miratorg. (n.d.). About us. Retrieved June 2025, from <https://miratorg.world/home.html>.

10. Neo P. (2023, October 31). 'Tight controls': Poultry category and cost management power Almarai through to profitability. FoodNavigator Asia. Retrieved from <https://www.foodnavigator-asia.com/Article/2023/10/31/poultry-category-and-cost-management-power-almarai-through-to-profitability/>.

11. Nunes K. (2023, April 28). SKU rationalization program hinders Nestlé's performance. Baking Business. Retrieved June 2025, from <https://www.bakingbusiness.com/articles/58966-sku-rationalization-program-hinders-nestles-performance>.

12. RETAILBOSS Inc. (n.d.). Breadth vs. depth – Product line strategies. RetailBoss.

Retrieved June 2025, from <https://retailboss.co/breadth-vs-depth-product-line/>.

13. RETAILBOSS Inc. (2024, April 1). 100+ retail terms you need to know for business. RetailBoss. Retrieved from <https://retailboss.co/retail-term-dictionary/>.

14. Ringel M., Trench S., Khalil I., Krühler M., El Hitti G., Harnoss J. (2020, October). The Middle East capitalizes on its commitment to innovation. Boston Consulting Group. Retrieved June 2025, from <https://www.bcg.com/publications/2020/the-middle-east-and-a-commitment-to-innovation>.

15. SCDigest Editorial Staff. (2011, April 14). Walmart to reverse SKU count reductions, bring back 8,500 items to shelves. SCDigest. Retrieved June 2025, from <https://www.scdigest.com/ontarget/11-04-14-2.php?cid=4438>.

16. Willemot N., Booker M., Gruver K., Dumont A. (2015, September 9). Innovation in consumer goods: Heroes to the rescue. Bain & Company. Retrieved June 2025, from <https://www.bain.com/insights/innovation-in-consumer-goods-heroes-to-the-rescue/>.

17. Zacks Equity Research. (2025, May 21). Mondelez's innovation & brand strength fueling long-term growth. Nasdaq. Retrieved June 2025, from <https://www.nasdaq.com/articles/mondelezs-innovation-brand-strength-fueling-long-term-growth>.

НАСИРОВ Рашодхон Рамзитдинович

региональный менеджер по маркетингу,

Multinational Company, Королевство Саудовская Аравия, г. Эр-Рияд

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РОЛЬ АРХИТЕКТУРЫ ПОРТФОЛИО В РАЗВИТИИ БРЕНДА FMCG: БАЛАНС МЕЖДУ ОСНОВНЫМИ, ГЕРОИЧЕСКИМИ И ИННОВАЦИОННЫМИ ПОЗИЦИЯМИ

Аннотация. В статье рассматривается стратегическая роль архитектуры продуктового портфеля в обеспечении роста компаний сектора FMCG, с акцентом на оптимизацию ассортимента по категориям базовых, флагманских и инновационных SKU. Анализируются компромиссы между шириной и глубиной товарных линеек с применением таких инструментов, как матрицы BCG и Ансоффа. На примерах из стран Ближнего Востока и СНГ показано, как эффективное управление портфелем способствует повышению конкурентоспособности, операционной эффективности и устойчивости бренда в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: архитектура портфеля, FMCG, базовые продукты, флагманские SKU, инновационная стратегия, ширина ассортимента, глубина ассортимента, матрица BCG, матрица Ансоффа, развивающиеся рынки, Ближний Восток, СНГ.

БОБЫЛЕВА Инна Анатольевна

студентка,

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ: КАК «ЗЕЛЕННЫЕ» СТРАТЕГИИ ПОВЫШАЮТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается влияние экологического менеджмента и «зеленого» маркетинга на конкурентоспособность российских компаний. Анализируются ключевые стратегии устойчивого развития, применяемые предприятиями в РФ, а также их экономические и репутационные преимущества.

Ключевые слова: экологический менеджмент, зеленый маркетинг, устойчивое развитие, корпоративная социальная ответственность (КСО), экологическая сертификация, российские компании.

Необходимость решения экологических проблем, с которыми современный мир сталкивается ежедневно, имеет очень высокий приоритет. Российским компаниям приходится пересматривать свои стратегии и интегрировать принципы устойчивого развития под свою деятельность в связи с глобальным изменением климата и ужесточением экологического законодательства. Государство старается оказывать поддержку через различные проекты, в том числе и национальные, стимулируя внедрение «зелёных» технологий и способствуя развитию экологически ответственного бизнеса.

В первую очередь экологическое управление в России регулируется федеральным законодательством, в частности № 7 «Об охране окружающей среды» и № 219 «О наилучших доступных технологиях», а также международными стандартами, такими как ISO 14001. Российские компании активно внедряют некоторые направления экологического менеджмента, чтобы соответствовать как международным экологическим стандартам, так и требованиям национального законодательства. Наиболее распространенными направлениями являются в первую очередь оптимизация управления отходами и переход к циркулярной экономике от линейной модели, предполагающей повторное использование и переработку ресурсов, что позволяет сэкономить и снизить воздействие на окружающую среду. Не менее важным будет также повышение энергоэффективности и сокращение выбросов негативных веществ в атмосферу, что позволяет не только снизить

расходы, но и улучшить углеродный след компании. Не менее важным направлением стало получение экологических сертификатов, подтверждающие соответствие компаний высоким экологическим требованиям, тем самым повышая репутацию компании и привлекательность ее не только для инвесторов, но и для поставщиков и потребителей.

Одним из самых значительных прорывов стала технология инертных анодов, пришедшая на смену традиционным графитовым. Графитовые аноды, используемые в электролизе алюминия, являются источником значительных выбросов углекислого газа и токсичных веществ, включая крайне опасные перфторуглероды (ПФУ). Инертные аноды, изготовленные из долговечных металлов, практически полностью устраняют эти выбросы. Наглядным примером успешного внедрения этой технологии служит пилотный проект на Красноярском алюминиевом заводе, где переход на инертные аноды привел к полному прекращению выбросов ПФУ и снижению энергопотребления примерно на 15%. Это впечатляющий результат, демонстрирующий потенциал для существенного уменьшения углеродного следа алюминиевой промышленности без ущерба для производительности.

Параллельно с внедрением новых технологий идёт активная модернизация систем очистки промышленных выбросов. Современные газоочистные системы способны задерживать практически 100% опасных фтористых соединений, обеспечивая высочайший уровень

защиты окружающей среды. Более того, отходы производства, ранее представлявшие собой проблему, теперь перерабатываются и используются в качестве ценного сырья для строительных материалов, создавая замкнутый цикл ресурсопользования.

Экономический эффект от экологических трансформаций также значителен. Снижение затрат на энергию приводит к ежегодной экономии, одновременно повышая кредитный рейтинг предприятий благодаря улучшению показателей корпоративной социальной ответственности. Таким образом, инвестиции в экологически устойчивое производство алюминия демонстрируют взаимовыгодное сочетание экономического роста и охраны окружающей среды.

В свою очередь Сбербанк активно способствует развитию «зелёной» экономики России, внедряя инновационные программы финансирования экологически значимых проектов. С 2020 года банк предоставляет льготные условия кредитования, снижая процентные ставки на 1-2% по сравнению с рыночными показателями для компаний, реализующих проекты в области возобновляемой энергетики, переработки отходов и энергоэффективного строительства.

Важным инструментом привлечения инвестиций в экологические инициативы являются ESG-облигации (Environmental, Social and Governance). Сбербанк активно размещает эти ценные бумаги, ориентированные на социально ответственных инвесторов, стремящихся к устойчивому развитию. В 2022 году объём эмиссии ESG-облигаций Сбербанка достиг впечатляющих 50 миллиардов рублей, и эти облигации успешно торгуются на Московской бирже, демонстрируя приверженность банка прозрачности и привлечению капитала для экологических проектов.

Спектр финансируемых проектов весьма широк и охватывает ключевые направления: развитие электротранспорта, включая сотрудничество с КамАЗом в деле внедрения электробусов в российских городах, способствуя снижению выбросов вредных веществ в атмосферу; лесовосстановление, в частности, активное участие в масштабных проектах по восстановлению лесных массивов в Сибирском регионе, играющих важнейшую роль в борьбе с изменением климата; создание современной мусороперерабатывающей инфраструктуры, поддержка строительства сортировочных комплексов в рамках национального проекта

«Экология», что напрямую способствует решению проблемы утилизации отходов; и, наконец, агроэкологические инициативы, направленные на внедрение биоудобрений и технологий точного земледелия, повышающих эффективность сельского хозяйства и минимизирующие его негативное воздействие на окружающую среду.

Результаты деятельности Сбербанка в сфере ESG впечатляют: за период 2021–2023 годов было выделено более 300 миллиардов рублей на реализацию экологических проектов. Это позволило создать около 8 тысяч новых рабочих мест в «зелёном» секторе экономики и существенно укрепило позиции Сбербанка среди мировых лидеров в области экологической ответственности. По данным авторитетного агентства Bloomberg, в 2023 году Сбербанк вошёл в число пяти крупнейших финансовых институтов мира по объёму активов, соответствующих принципам устойчивого развития, что является ярким свидетельством эффективности и масштаба его экологической стратегии.

Все это не только улучшает экологическую ситуацию, но и приносит ощутимую экономическую выгоду компаниям:

- Снижение затрат благодаря оптимизации ресурсов, сокращению отходов и энергоэффективности;
- Избежание штрафов в связи со строгим соблюдением экологического законодательства;
- Государственная поддержка компаний в виде субсидий и налоговых льгот за реализацию экологических проектов;
- Повышение конкурентоспособности благодаря важности экологической ответственности, на которую обращают особое внимание при выборе поставщиков и партнеров;
- Улучшение имиджа и репутации в глазах потребителей, инвесторов и общественности с внедрением экологически ответственных подходов.

Российский рынок демонстрирует растущий интерес к экологически ответственным товарам и услугам. Согласно исследованию Romir (2023), 58% россиян готовы платить больше за продукцию с улучшенными экологическими характеристиками, что открывает широкие перспективы для «зелёного» маркетинга. Однако, успешное внедрение «зелёной» стратегии требует преодоления ряда существенных препятствий.

Ключевыми инструментами продвижения экологически чистой продукции в России являются:

- Экомаркировка. Использование таких знаков, как «Листок жизни» и «Экознак», повышает доверие потребителей к экологичности товаров;
- Прозрачность цепочки поставок. Демонстрация стремления к открытости и отслеживаемости происхождения товаров также является хорошим способом продвижения экологически чистой продукции;
- Корпоративная социальная ответственность. Компании, реализующие в этой области инициативы, укрепляют свой позитивный имидж. Ярким примером будет являться «ВкусВилл», что активно продвигает концепцию zero waste, используя экологичную упаковку;
- Переработка и вторичное использование ресурсов. В свое время IKEA Russia успешно реализовала программу по переработке старой мебели, повышая лояльность клиентов и демонстрируя свою экологическую ответственность;
- Использование сертифицированных материалов. В качестве примера – Леруа Мерлен, предлагающая широкий ассортимент сертифицированной древесины и экологически чистых красок, снижая уровень вредных выбросов;
- Инновационные экологические технологии. Так, например, группа Черкизово демонстрирует пример использования биогаза для выработки энергии, позиционируя себя как инновационного игрока на рынке.

Основными преимуществами для компаний будут в первую очередь являться дифференциация на рынке экологической ответственностью, что позволит выделиться среди конкурентов и привлечь экологически осознанных покупателей. Не менее важным будет формирование положительного имиджа и бренда, привлекательного для большой аудитории. Также значимым аспектом является устойчивость к экономическим колебаниям, то есть инвестиции в энергосбережение для снижения зависимости от колебаний цен на энергоресурсы, и взаимодействие с зарубежными партнерами особенно в контексте ESG-отчетности, становится проще для компаний с прозрачными и экологически ответственными практиками.

Несмотря на очевидные преимущества экологического менеджмента, российские компании также сталкиваются с рядом проблем, одной из которых являются высокие первоначальные взносы. Модернизация инфраструктуры для внедрения «зелёных» технологий требует значительных финансовых вложений. Также значимой проблемой для бизнеса выступает нехватка квалифицированных кадров. Отсутствие специалистов в области экологического менеджмента тормозит развитие «зеленого» маркетинга и препятствует переходу российских компаний к более устойчивой модели бизнеса.

Внедрение «зелёных» стратегий в России демонстрирует свою эффективность, повышая рентабельность и расширяя клиентскую базу. Однако для ускорения процесса необходима государственная поддержка, включающая в себя налоговые льготы и субсидии, развитие образовательных программ в области экологического менеджмента и популяризацию экологического аудита и сертификации.

Лишь комплексный подход, сочетающий в себе государственную поддержку и инициативы бизнеса позволят достичь динамики в развитии «зеленого» маркетинга и добиться устойчивого развития.

Литература

1. «ВкусВилл». О компании // Официальный сайт сети магазинов. URL: <https://vkusvill.ru> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Леруа Мерлен. Каталог продукции и сертификаты качества // Официальный сайт компании. URL: <https://leroymerlin.ru> (дата обращения: 10.06.2025).
3. Отчёт по устойчивому развитию РУСАЛ, 2023. Режим доступа: <https://rusal.ru> (дата обращения: 10.06.2025).
4. Ромир. Экопотребление в России: отчет, 2023. Режим доступа: <https://romir.ru> (дата обращения: 10.06.2025).
5. Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».
6. Сбербанк. Отчет «Устойчивое развитие»: 2023 год. – Москва: ПАО Сбербанк, 2023. Режим доступа: <https://www.sberbank.com/> (дата обращения: 10.06.2025).
7. Группа Черкизово. Инвестиционная презентация, апрель 2023. URL: <https://cherkizovo-group.ru> (дата обращения: 10.06.2025).

BOBYLEVA Inna Anatolyevna
Student,
Kuban State Agrarian University,
Russia, Krasnodar

ENVIRONMENTAL MANAGEMENT AND MARKETING: HOW GREEN STRATEGIES ENHANCE THE COMPETITIVENESS OF RUSSIAN COMPANIES

Abstract. *The article examines the impact of environmental management and "green" marketing on the competitiveness of Russian companies. The key strategies of sustainable development applied by enterprises in the Russian Federation, as well as their economic and reputational advantages, are analyzed.*

Keywords: *environmental management, green marketing, sustainable development, corporate social responsibility (CSR), environmental certification, Russian companies.*

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 23 (258)

Часть II

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 16.06.2025 г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40